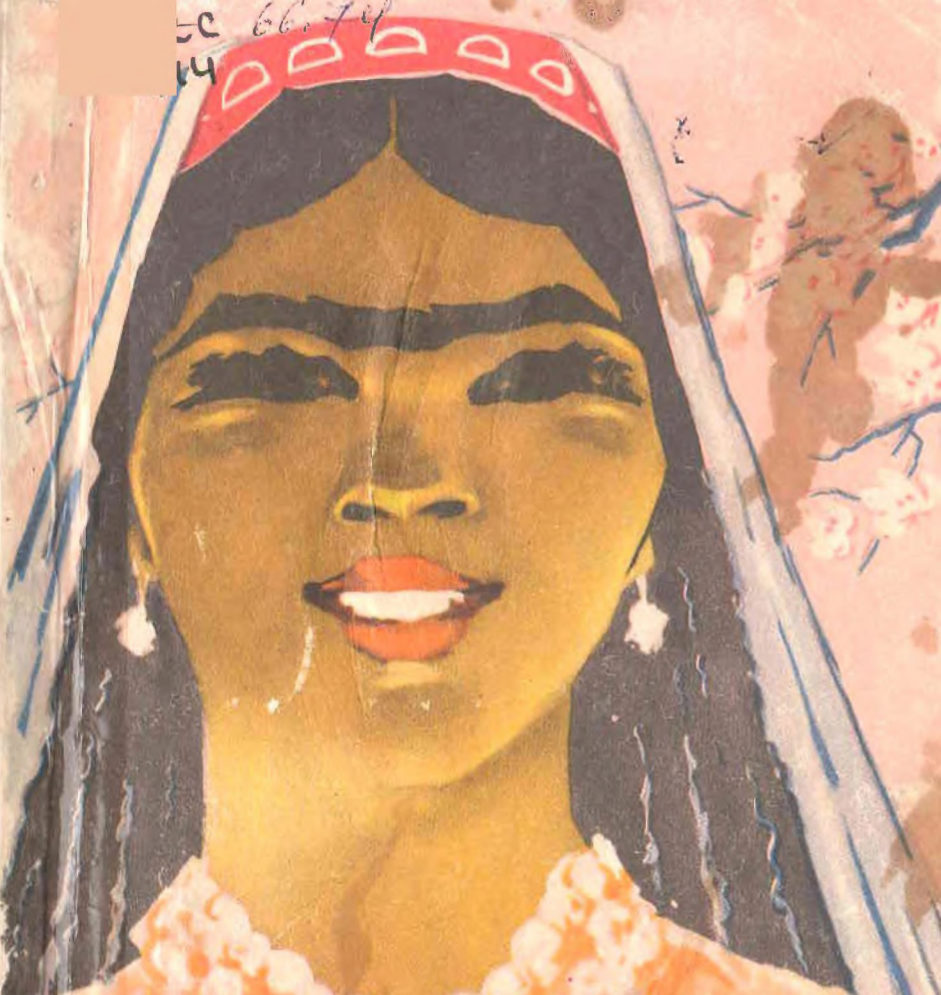

Б. Иальванова

ДОЧЕРИ

СОВЕТСКОГО ВОСТОКА

Б. П А Л Ь В А Н О В А

ДОЧЕРИ СОВЕТСКОГО ВОСТОКА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва • 1961

Автор настоящей книги член-корреспондент Академии наук Туркменской ССР Биби Пальванова посвятила свою книгу проблеме раскрепощения женщин Средней Азии. В книге много людей с их интересными, волнующими судьбами. Написана она популярно и рассчитана на широкого читателя.

Издательство просит присылать отзывы и пожелания по адресу: Москва, А-47, Миусская площадь, 7, Госполитиздат, редакция литературы по истории советского общества.

Литературную помощь автору оказала
А. И. НУХРАТ

Это было 60 лет назад. По раскаленным улицам древней Бухары вели молодую женщину. Одежда ее была изорвана в клочья, лицо в ссадинах и кровоподтеках. За ней, улюлюкая, шла толпа мужчин. На одной из площадей ее казнили.

Что за преступление совершила эта несчастная, за что так глумилась над ней озверевшая толпа?

А «вина» этой бесправной рабыни состояла в том, что она посмела послушаться мужа. За ее гибель никто не был наказан, ибо муж являлся полным хозяином жены. Женщина от рождения до могилы была бесправной, не считалась за человека.

— Лучше бы ты родила камень, он пригодился бы стену возвести,— говорили женщине, родившей дочь.

И даже когда женщина умирала, могилу ей, по восточным обычаям, выкапывали глубже, чем мужчине: ибо и прах ее не мог находиться на одном уровне с мужским.

О своей горькой доле женщины Востока пели исполненные печали песни:

Отец, ты меня погубил,
Мой брат меня не защитил,
Вы старцу продали меня,
На скот променяли меня.
Мне горько, я плача иду...

Страшные, далекие времена! Безвозвратно канули они в прошлое. Новой жизнью живут ныне дочери Советского Востока, новые песни слагают они теперь.

Разительные перемены произошли в жизни республик Средней Азии — бывших национальных окраин России, ныне превратившихся в процветающие края. Их

города — это крупные промышленные центры, их колхозы — это гордость сельских тружеников! Теперь Средняя Азия, так же как и весь Советский Союз, — страна сплошной грамотности. На каждые десять тысяч жителей республик Средней Азии и Казахстана приходится в среднем 88 студентов высших учебных заведений и 73 учащихся техникумов. Во Франции на каждые десять тысяч жителей приходится лишь 40 студентов вузов, в Италии — 30, в Западной Германии — 31, то есть почти в 3 раза меньше, чем в Советских республиках Средней Азии.

Таким образом, на опыте этих республик доказана полная возможность для стран Востока в течение жизни одного поколения покончить с отсталостью, нищетой, болезнями, невежеством и подняться до уровня экономически передовых стран.

В течение жизни одного поколения в корне изменилось и положение женщины в Советской стране, особенно в Средней Азии. Из бесправных рабынь они превратились в полноправных хозяек своей судьбы, своей страны.

Раскрепощение женщин-мусульманок Коммунистическая партия рассматривала как составную часть прогрессивного развития народов Средней Азии на пути строительства социализма и коммунизма, как выполнение исторических заветов В. И. Ленина о политическом пробуждении и организационном объединении женщин Востока.

— Поднялись самые низы, теперь победа социализма в нашей стране обеспечена, — сказал В. И. Ленин после встречи с женщинами Средней Азии в 1921 году.

Борьба Коммунистической партии за освобождение женщин из пут рабства и бесправия была сложной, потребовала высокой самоотверженности, героических усилий и даже жертв. Эта огромной важности работа велась на основе ленинской национальной политики, с учетом традиций и условий не только каждой республики, но даже каждого кишлака и аула.

И эта борьба увенчалась блестящим успехом. О труженицах Туркменистана, Узбекистана, Таджикистана, Азербайджана и других республик Советского Востока с великой гордостью говорил глава Советского правительства, Первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев на Все-

союзном совещании хлопкоробов, состоявшемся в Кремле 18—21 февраля 1958 года:

«Посмотрите, как выросли женщины советских республик Востока! — обратился к участникам и участницам совещания Н. С. Хрущев. — Здесь выступали узбечки, туркменки, азербайджанки, таджички, представители других народов СССР. Их речи свидетельствуют о глубоких переменах, которые внесла Советская власть в судьбу женщин. Эти перемены тем более разительны, что до революции женщина Востока находилась в особо угнетенном положении. Ныне советские женщины Востока поднялись на небывалый уровень своего развития, они, как и все наши женщины, стали равноправными с мужчинами».

Вчерашняя рабыня ныне стала к рулю государства. Узбечки Я. Насриддинова — президент Узбекской ССР, З. Р. Рахимбабаева — секретарь ЦК КП Узбекистана, таджичка М. Касимова — заместитель председателя совнархоза Таджикской ССР, туркменка А. Н. Атанепесова — заместитель Председателя Совета Министров Туркменской ССР, каракалпачка Р. Калбаева — заместитель Председателя Совета Министров Кара-Калпакской АССР, киргизка К. Кондучалова — министр культуры Киргизской ССР. Это только немногие из примеров. В книге их много.

И сама автор книги Биби Пальванова — яркий пример того, как дочь бедного дехканаина выросла до члена-корреспондента Академии наук Туркменской ССР, депутата Верховного Совета республики. В своей книге она с документальной достоверностью, очень взволнованно рассказывает о том, как ее сестры-восточницы с помощью старших сестер — русских большевичек, под руководством Коммунистической партии сбросили вместе с паранджой, этой «передвижной тюрьмой», вековое рабство, как страстно добивались они своего равноправия, об их свободной и счастливой жизни в Советской стране.

Б. Пальванова в живых зарисовках — трагических и героических, глубоко волнующих — раскрывает читателю судьбы многих женщин советских республик Средней Азии.

Поистине грандиозны достижения Коммунистической партии в деле вовлечения женщин Советского Востока в строительство социализма и коммунизма.

Эти поразительные успехи вдохновляют на борьбу женщин всех стран мира. Великий пример Советского Союза придает новые силы народам колониальных и зависимых стран, борющихся за свою свободу против колониального рабства, эксплуатации и угнетения. С каждым днем растет число борцов. С каждым днем в их рядах становится больше женщин. Они собираются на международные женские конференции, где все громче звучит их требование свободы и равноправия.

Сердечно приветствуя первую конференцию женщин стран Азии и Африки, состоявшуюся в январе 1961 года в Каире, Н. С. Хрущев писал:

«Нас, последовательных сторонников равноправия женщин, особенно радует, что теперь на решительную борьбу за свое раскрепощение, за активное участие женщин в решении коренных политических вопросов, волнующих человечество, поднялись сотни миллионов женщин Азии и Африки... Ваша конференция проходит в бурное и счастливое время. Рушатся мрачные застенки еще вчера обширной колониальной тюрьмы, в которой женщина находилась на положении рабыни, в невежестве, бесправии и нужде».

Советские женщины всех национальностей, и в том числе дочери Советского Востока, с огромным сочувствием и симпатией относятся к борьбе женщин всего мира за свое равноправие. Они будут и впредь укреплять свои международные связи и дружбу с женщинами всех стран во имя мира и всеобщего процветания.

Своим самоотверженным трудом наши женщины вместе с мужчинами построили социализм. Плечом к плечу с ними они мужественно защищали нашу Родину на фронтах Великой Отечественной войны. И ныне советские женщины упорно добиваются досрочного выполнения семилетнего плана, успешного строительства коммунизма в нашей стране. И пусть наш добрый пример и дальше вдохновляет женщин всех континентов в их справедливой и благородной борьбе за свободу и подлинное равноправие!

Председатель Комитета советских женщин,
лауреат международной Ленинской премии
«За укрепление мира между народами»

Н. В. Попова

ЕСТЬ ТАКАЯ СТРАНА НА ЗЕМЛЕ...

«Начатое Советской властью дело может быть двинуто вперед только тогда, когда вместо сотен женщин по всей России в нем примут участие миллионы и миллионы женщин. Тогда дело социалистического строительства, мы уверены, будет упрочено. Тогда трудящиеся докажут, что они могут жить и могут хозяйничать и без помещиков и капиталистов. Тогда социалистическое строительство будет стоять в России так прочно, что никакие внешние враги в других странах и внутри России не будут Советской республике страшны»

В. И. Ленин

Летом 1921 года к перрону Казанского вокзала подошел поезд. Старый, обшарпанный паровоз, исходя остатками пара, бессильно уткнулся в тупик. Из расшатанных, запыленных вагонов посыпались пассажиры. Утомленные долгой дорогой, в мятой одежде, с корзинами, мешками, узлами, люди спешили поскорее войти в город. И только группа женщин в ярких национальных костюмах стояла в стороне от всех.

Это были посланцы многомиллионных масс женщин Советской Средней Азии. Они приехали в Москву впервые, по приглашению Центрального Комитета партии. Они покинули просторы необъятных степей, жаркие каракумские барханы, душистую прохладу цветущих оазисов и с суеверным ужасом доверили свою жизнь «огнедышащему дракону» — поезду. Они проехали тысячи километров, чтобы увидеть Ленина, сказать ему, что женщины Советского Востока начинают новую жизнь, встают под знамя Коммунистической партии.

Поезда ходили без расписания. Поэтому работники Центрального женотдела уже несколько дней по очереди неусыпно дежурили на Казанском вокзале в ожидании дорогих гостей. И вот наконец дождались.

Их было 78 — молодых и пожилых. Четверо приехали с детьми. Узбечки, туркменки, киргизки, таджички и даже по одной делегатке от персиянок и китаянок. В большинстве это были работницы кустарных артелей, представлявшие собой в то время наиболее организованную часть женщин-восточниц.

Московские коммунистки горячо приветствовали своих сестер — женщин Востока. Делегатки отвечали:

— Теперь мы уже не прежние рабыни, запертые на всю жизнь в ичкарн или обреченные путешествовать только с летней кочевки на зимнюю. Революция освободила нас. Мы благодарим за это русских рабочих и работниц и нашего вождя Ленина. Мы хотим повидать Ленина, без этого мы не уедем.

Окончены краткие речи. Надо спешить. Делегатов Туркестана приглашают на Международную конференцию коммунисток¹. Идет последнее, заключительное заседание.

Вторая конференция коммунисток посвящалась обмену опытом работы коммунистических партий среди женщин и очередным задачам. В ее работе приняли уча-

¹ II Международная конференция коммунисток проходила в июне 1921 года накануне III конгресса Коминтерна. Первая конференция состоялась одновременно со II конгрессом Коминтерна в июле 1920 года, в ней принимала участие 21 делегатка от 19 стран.

Руководила конференцией известная деятельница Коммунистической партии и международного женского рабочего движения Инесса Арманд. По решению конференции был организован Международный женский секретариат (МЖС) для руководства работой компартий среди работниц и жен рабочих.

стие 82 делегатки от компартий 28 капиталистических стран. Многие отважные коммунистки пробирались через пограничные кордоны, с риском для жизни прорывались через стальное кольцо блокады. Некоторым так и не удалось приехать.

Руководила II Международной конференцией коммунисток славный ветеран международного социалистического женского движения, пламенный трибун революции Клара Цеткин. Ей активно помогали известные русские коммунистки — А. М. Коллонтай, С. Н. Смидович, К. И. Николаева, В. П. Голубева, Л. Н. Сталь и другие. 13 июня участниц конференции сердечно приветствовала Н. К. Крупская.

Делегатки единодушно приняли манифест — обращение к работницам мира — волнующий документ, полный революционного пафоса, всепобеждающей веры в победу социализма на всей земле, глубокого преклонения перед революционным подвигом русского пролетариата. Вот несколько строк из этого манифеста:

«Товарищи работницы, трудящиеся женщины, сестры-пролетарки далеких стран Запада и Востока! Это не сказка и не вымысел: есть такая страна на земле, где трудящийся люд города и деревни не знает больше гнета богачей, где власть находится в руках самих рабочих и крестьянок и крестьян и помещики не утопают в роскоши за счет непосильного труда мужчин, женщин и детей пролетарского класса... В этой стране все работают, но зато само трудовое государство заботится о детях и матерях, о больных и нетрудоспособных, о престарелых, о всех своих членах, кому нужна братская помощь и поддержка трудовой семьи — общества.

Это сказочная страна — Россия, первая в мире трудовая Советская республика!»

Делегатки международной конференции решили обратиться с приветственным письмом к Владимиру Ильичу Ленину. И в тот момент, когда Клара Цеткин собиралась огласить текст письма, двери широко распахнулись и в зал вошли делегатки Туркестана. Все обернулись, застыли в изумлении.

В серых длинных паранджах, с опущенными на лицо густыми черными чачванами медленно шли впереди узбечки и таджички. За ними шествовали туркменки в ярко-красных длинных платьях. Они величаво несли голову,

увенчанную высоким национальным убором — бориком. Пестрый яшмак закрывал наполовину их лица, красочно расшитый пуренджек свисал вдоль спины. Далее следовали, звеня серебром нагрудных украшений, киргизки — огромные белоснежные чады возвышались на их головах, обрамляя смуглые миловидные лица. Шествие замыкала персиянка, с головы до ног укутанная черным, как самая мрачная ночь, покрывалом. Сопровождавшие делегацию русские коммунистки в обычных скромных платьях вошли последними.

Впечатление было ошеломляющим. Все присутствующие в зале вскочили с мест, их охватило глубокое волнение. Раздались аплодисменты, громкие приветственные возгласы. Многие не могли удержаться от слез. Военный оркестр грянул «Интернационал». Все с энтузиазмом подхватили пролетарский гимн.

Но вот все постепенно успокоилось. Делегаткам прочли текст письма к В. И. Ленину. После этого их приветствовали А. М. Коллонтай и Клара Цеткин.

А. М. Коллонтай сказала:

— Мы только что пережили торжественную минуту. Эта минута будет запечатлена в веках — перед нами раскрылась новая история женщин народов Востока. Нет больше гаремной женщины-восточницы, родился новый революционный боец, возникает новый отряд Коммунистической партии — не забудем этой великой минуты!

— Дорогие сестры, женщины Востока, — начала пламенная Клара. — Работницы Запада, испытанные в тяжелых классовых боях, протягивают вам свои руки. Ваша страна далека нам, как сказка, но ваши сердца близки нам, потому что бьются вместе с нами за освобождение от векового угнетения. Вы кровь от крови, плоть от плоти нашей. У нас с вами общее дело — коммунизм. Привет вам, сестры!

Затем на трибуну поднялась «безликая дочь Туркестана» в парандже. Помедлив, она откинула черную сетку чачвана, и перед взволнованными зрителями предстало юное, свежее лицо, с глазами, полными света и слез, с белозубой смущенной улыбкой. Это была узбечка Шамсикамар Гаибджанова — коммунистка, первый жен-организатор в Ташкенте, горячий пропагандист и агитатор.

Шамсикамар говорила на узбекском языке, и хотя никто кроме делегатов Туркестана, не знал его, бурные аплодисменты то и дело прерывали ее речь: слова «Октябрь», «коммунизм», «Советская власть», часто повторяющееся имя Ленина понимал каждый, а остальное подсказывало сердце. О чем, как не о счастье быть освобожденной Октябрем, жить при Советской власти и под руководством партии строить новую жизнь, без рабства и угнетения, могла говорить эта восточница? Перевод речи на русский, немецкий, французский, английский языки вызвал бурю оваций.

Германские работницы, вскочив с места, провозглашали революционные лозунги. Ткачихи с «Трехгорки» размахивали красными косынками. Многие утирали слезы, обнимали гостей.

...Делегатки Туркестана пробыли в Москве 12 дней. Всероссийский съезд женщин Востока, на который они приехали, был отменен из-за тяжелого продовольственного положения. Но делегатки не напрасно совершили свой долгий путь. Они познакомились с Москвой, побывали на большой фабрике, где до полутора тысяч работниц шили обмундирование для Красной Армии. Гостям из Средней Азии показали выставку по охране материнства и младенчества; здесь они прослушали лекцию о правильном воспитании детей. Они с восторгом осмотрели образцовый детский сад и ясли, участвовали в проведении детского праздника, устроенного в их честь детским клубом.

Делегатки Средней Азии присутствовали и на военном параде в честь III конгресса Коминтерна. С радостным волнением они оглядывали стройные колонны красноармейцев, вооруженные шеренги рабочих, коммунистических отрядов. Особенно сильное впечатление произвели на них вооруженные работницы. В этом они увидели высшее проявление равноправия, революционной сознательности женщин, их героизма.

Исполнилась и самая заветная мечта делегатов — они встретились с Владимиром Ильичем Лениным.

Вот как это произошло.

Туркестанские делегатки разместились в третьем Доме Советов (ныне здание Совета Министров РСФСР). Здесь же проходило III Всероссийское продовольственное совещание, на котором 16 июня 1921 года выступал

В. И. Ленин. Узнав об этом, делегатки настойчиво просили работников женотдела ЦК РКП(б) устроить им встречу с Владимиром Ильичем.

Надев свои лучшие платья, делегатки отправились на встречу. Лица их были открыты — об этом договорились заранее.

«Едва мы подошли к зданию,— пишет Ш. Гаибджанова в своих воспоминаниях,— как нам навстречу вышел Ильич. Он был очень рад встрече и сказал, что пребывание в Москве трудящихся женщин Востока — одна из великих побед нового, советского строя»¹.

В. И. Ленин ласково, просто и приветливо поздоровался с восточницами. Состоялась краткая беседа. В. И. Ленин выразил сожаление по поводу отмены съезда женщин Востока и высказал уверенность, что съезд в недалеком будущем состоится и сыграет большую роль в пробуждении сознания и организационном объединении женщин Востока. Великий вождь говорил, что очень рад видеть женщин Туркестана в революционной Москве. Это показывает, сказал он, что революция охватывает все новые и новые пролетарские массы.

Простое, сердечное обращение Ленина глубоко тронуло женщин, взволновало их.

Надежда Константиновна Крупская на одном из женских совещаний в 1935 году, вспоминая об этой встрече, говорила:

«Во время второго конгресса Коминтерна было также и женское совещание. Приехали женщины из Узбекистана, из Туркменин, из далеких краев. Они сняли панджу, но если в общежитие входил кто-нибудь из мужчин, они бросались на кровать, чтобы закрыть лицо,— старое еще было властно над ними.

...Они увидели Владимира Ильича и очень разволновались. Одна подошла сзади и обняла его. Они заговорили каждая на своем языке и заплакали. Владимир Ильич сам страшно был взволнован. Потом, когда мы пошли дальше, он сказал: «Поднялись самые низы, теперь победа социализма в нашей стране обеспечена». Это показывает, какое значение он придавал вовлечению женщин в общественную, в партийную работу»².

¹ «Дружба народов» № 3, 1960 г., стр. 167.

² Н. К. Крупская, Женщина в стране социализма, ОГИЗ, 1938, стр. 45.

А во дворе третьего Дома Советов после отъезда Владимира Ильича состоялся импровизированный митинг. Каждой захотелось словами, рвущимися из глубины сердца, выразить благодарность Ленину, поклясться в верности его идеям, в готовности стоять за революцию до последнего дыхания. Потом полилась песня, новая песня

Н. К. Крупская среди делегатов совещания восточниц.

о том, как прекрасная юная девушка полюбила отважного джигита. Отец препятствует счастью молодых, хочет продать дочь за деньги, за скот чужаку из далеких мест. Но приходит Советская власть, и девушка обретает свое счастье.

Ш. Гаибджанова в своих воспоминаниях рассказывает, что делегаткам удалось еще раз встретиться с В. И. Лениным.

«Я пережила еще одну величайшую радость, встретившись с Владимиром Ильичем в его рабочем кабинете.

На всю жизнь запомнилась мне эта короткая душевная, волнующая беседа. Ильич интересовался, как мы

устроены в Москве, спрашивал о нашей жизни и работе. улыбаясь, спросил, какие, по нашему мнению, подарки преподнести делегаткам Востока. Мы сказали, что самый для нас лучший подарок — то, что приехали в Москву учиться строить новую жизнь. Ильичу это очень понравилось.

Когда Владимиру Ильичу сказали, указав на меня, что я, простая узбечка, являюсь членом Коммунистической партии большевиков, Ленин воспринял это как-то по-особому, обрадовался и даже заволновался. Он сказал, как помню со слов переводчика, что большевики были всегда твердо уверены в том, что трудящиеся женщины Востока поймут нашу партию и пойдут за ней»¹.

...Настало время отъезда. Накануне вечером в гости к туркестанкам пришла А. М. Коллонтай — заведующая Международным женским секретариатом Коминтерна. Несколько часов продолжалась эта памятная встреча.

Уезжали делегатки полные огромных впечатлений. За этот десяток дней они прошли целую школу. Перед ними открылся новый, доселе неведомый им мир. Нелегко был путь женщины в этот мир. Еще более тернистым был он для восточницы...

ТРИЖДЫ РАБЫНЯ

ЛИХИЕ ГОДЫ

На обширном пространстве Советской Средней Азии ныне счастливо живут народы братских союзных республик — Узбекистана, Туркменистана, Таджикистана, Киргизии и автономной Кара-Калпакской республики.

До Октябрьской революции здесь располагались Туркестанское генерал-губернаторство, Хивинское ханство и Бухарский эмират. Невыносимой была жизнь трудового народа под тиранией бухарских эмиров, хивинских ханов. В бухарском эмирате население облагалось 55 видами налогов. Не имевшие средств на уплату налога подвергались телесным наказаниям, их бросали в долговые ямы. В погашение долга насильно отбирались дети.

Русские ученые В. Наливкин и М. Наливкина в своей книге рассказывают, что в Средней Азии до присоединения ее к России существовала открытая работорговля¹. По заключенному между царской Россией и бухарским

¹ См. В. Наливкин, М. Наливкина, Очерк быта женщин оседлого туземного населения Ферганы, Казань, 1886, стр. 102, 196.

эмиром договору (июнь 1878 года) работоторговля была запрещена, но пережитки ее сохранялись еще долго. Представители имущих классов, пользуясь безвыходной нуждой бедняков, покупали у них детей или отбирали за долги. Мусульманское право узаконивало эти торговые сделки. Например, денауский кази (шариатский судья) в 1914 году оформил расписку некоего Худай-берды Тагай-Мурадова о продаже мулле 11 летней девочки сироты Махрабия за ничтожную плату.

Присоединение к России в 80-х годах XIX века имело для Средней Азии прогрессивное значение, избавило ее от угрозы колониального порабощения наиболее свирепым и алчным английским империализмом. Окончились непрерывные феодальные войны. Создались условия для приобщения коренного населения к передовой русской демократической культуре. Экономические связи с Россией ускорили развитие хозяйства. Под воздействием революционного движения русского пролетариата пробудилось сознание трудовых масс Средней Азии.

Проведение железной дороги через территорию Туркестана содействовало проникновению русского капитала и зарождению здесь капиталистических отношений. Развитие хлопководства и шелководства вызвало рост предприятий по первичной переработке сырья. Появились первые рабочие из коренных национальностей на железной дороге и сезонных предприятиях.

Однако промышленность была еще в зачаточном состоянии, подавляющее большинство населения занималось сельским хозяйством; земледелие велось примитивно, ирригация развивалась слабо, животноводство было малопродуктивным.

Бедность, нищета, голод, вымирание — вот что было уделом трудового сельского населения Средней Азии. До Великой Октябрьской социалистической революции в Узбекистане было 1200 тысяч безземельных дехкан. В Закаспийской области (ныне Туркменистан) среди земледельцев 14,2 процента не имели посева, 28,4 — рабочего скота и 50,6 процента — сельскохозяйственного инвентаря.

В Таджикистане 85 процентов земли и 70 процентов скота принадлежало бухарскому эмиру.

Вода и земля находились в руках феодалов и байства; безземельные дехкане вынуждены были работать в каче-

стве батраков или чайрикеров. Некоторые батраки, если им удавалось жениться, работали на бая всей семьей. Труд жены и детей не оплачивался. Была категория «вечных батраков», которые тщетно мечтали выбраться хотя бы в чайрикеры. И само это слово происходит от «чайрек», что значит четверть. Дехканин, обрабатывая землю бая своим тяглом, получал за это четверть урожая. Бай же — владелец земли, не пошевелив пальцем, загребал три четверти урожая. Семья чайрикара жила впроголодь, дети умирали от недоедания, а в случае недорода гибли всем домом.

И сейчас еще старики помнят лихие годы, когда умирающий с голоду бедняк отдавал баю малолетнюю дочь за мешок зерна или крупы.

Большие опустошения производили эпидемии оспы, тифа, холеры, с которыми в прошлом борьба не велась. Такие болезни, как малярия, туберкулез, трахома, сифилис, имели широкое распространение среди населения. Заболевших проказой убивали, забрасывая камнями.

Лечение больных находилось почти целиком в руках знахарей-табибов. Медицинских учреждений и врачей было очень мало. Например, на территории, занимаемой ныне Узбекистаном, имелось всего 80 врачей, 26 фельдшеров, 66 акушеров, 55 фармацевтов, а число больничных коек едва достигало тысячи. На территории Туркменистана до Советской власти было всего 300 больничных коек, 26 амбулаторий, 56 врачей. В Таджикистане больные могли лечиться только у табибов, врачей здесь вовсе не было.

Общая культурная отсталость, засилье религиозного мракобесия характерны для всей дореволюционной Средней Азии. Почти все население было неграмотным, древняя восточная наука, поэзия и искусство преследовались и подавлялись. Всюду внедрялся религиозный фанатизм и фатализм, безропотность и смирение.

Характерен такой факт. Однажды в Бухаре вспыхнула заразная эпидемия. Русские врачи, боясь, что эпидемия может распространиться в пределы Туркестана и России, обратились в Бухарский эмират с предложением помощи.

На это эмирский премьер-министр ответил: «Умирать от болезней должны все те, коим предназначено умереть,

а выздоравливать — все те, коим по воле аллаха суждено поправиться. Знать об этой воле заранее, равно и помочь этому, никаким способом невозможно».

Уровень грамотности среди населения был крайне низким. Так, в Киргизии он составлял 1—2 процента.

Среди узбеков на 100 человек приходилось всего трое грамотных, у таджиков на 200 человек — один грамотный, у туркмен на тысячу человек — семь грамотных. В 1914 году на территории Узбекистана на тысячу жителей приходилось четверо учащихся, да и те были детьми имущих классов.

Журнал «Вестник воспитания» за 1906 год подсчитал, что по темпам того времени для ликвидации неграмотности в Туркестане потребуется 4600 лет! Это и понятно, ведь в 1913 году расходы царского правительства на душу населения в Туркестане составляли всего 22 копейки. В 1915 году на содержание полиции и войска здесь расходовалось 86,7 процента бюджета, а на нужды просвещения — 2,3 процента.

Правда, в Закаспийской области в 1914 году было 58 школ. Но какие это были школы? Полуграмотный мулла при помощи палки учил мальчиков религиозным текстам на арабском языке. Школой служил полутемный сарай или просто часть двора под сенью дерева. Не было ни парт, ни школьных пособий...

Зато мечетей в Туркестанском крае в 1899 году насчитывалось 11 964, имамов — 11 680, в духовных школах обучалось свыше 8 тысяч человек.

Завоевав Среднюю Азию, царское правительство проводило здесь колониальную политику. Местные народы нещадно эксплуатировались, между ними разжигали национальную рознь, ненависть и междоусобицу.

Царизм сохранил старые феодальные и патриархально-родовые отношения, отличающиеся наиболее резким классовым делением и жестокими формами эксплуатации. Царская власть поддерживала феодалов и родовых вождей, видя в них свою опору. Таким образом, трудящиеся коренного населения оказались под двойным гнетом — царизма и местных эксплуататоров.

ОТ РОЖДЕНИЯ ДО МОГИЛЫ

В. И. Ленин писал о положении женщин в капиталистическом обществе: «...Женская половина рода человеческого при капитализме угнетена вдвойне. Работница и крестьянка угнетены капиталом и сверх того они даже в самых демократических из буржуазных республик остаются, во-первых, неполноправными, ибо равенства с мужчиной закон им не дает; во-вторых, — и это главное — они остаются в «домашнем рабстве», «домашними рабынями», будучи задавлены самой мелкой, самой черной, самой тяжелой, самой отупляющей человека работой кухни и вообще одиночного домашне-семейного хозяйства»¹.

Женщина Востока переносила тройной гнет — национальный, классовый и семейно-бытовой. Она была трижды рабыней.

Жизнь женщины от рождения и до могилы подчинялась канонам мусульманской религии — ислама, обычаям предков. И не было в мире законов более жестоких и бесчеловечных.

Но в прошлое, узбек, опять направо ты взор
И трижды прокляни вчерашний свой позор!
«Дан волос длинный им, но ум короткий дан» —
Так нам о женщинах века твердил коран.
«Что проку в дочерях? Ведь женщина — слаба!»
И девушка была вдвойне, втройне раба.
Как тучи черные, что вдруг луну затмят,
Девичью красоту скрывал от нас чиммат.
Как камень, брошенный однажды из пращи
(что стоит камешек? Швырнул — и не ищи!),
Так дочерей своих бросал родной отец.
И продавал он их, как продают овец.
В свои гаремы их скупал развратный хан,
Цвет юности из них высасывал ишан.
А только провинись — «колодец смерти» был, —
Сколько несчастных он красавиц погубил!

Рождение девочки встречалось проклятием, женщина не считалась за человека, ее продавали или обменивали на скот. Неограниченный произвол ханов превращал их в предмет утех, а жестокость бросала в «колодец смерти».

Дворы эмиров и ханов были очагом кровавого насилия и дикого надругательства над женщиной. Эмир бухарский имел шайку сводников-маклеров, которые

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 32, стр. 138—139.

доставляли для него девушек даже из-за пределов эмирата. Лучшим подарком эмиру считались девочки 7—9 лет, украденные или насильно отобранные у родителей. Последний бухарский эмир имел в своем гареме 112 жен и наложниц!

Народное предание говорит, что когда-то сорок девушек, выбравшись ночью тайком из гарема эмира, бросились в «колодец смерти». Они предпочли смерть позорной, издевательской жизни в вертепе разврата.

Известный путешественник, ученый и дипломат Е. П. Ковалевский в книге «Странствователь по суше и морям», вышедшей в 1871 году в Петербурге, рассказывает о кровавой трагедии, свидетелем которой он стал в Бухаре. Водитель каравана туркмен Рахманаяз обратился к караван-баши бухарцу Рахимбаю, чтобы он отдал ему дочь в замужество. Отец красавицы Нюрпаши наотрез отказал бедняку-караванщику и выдал дочь за палача Джалиля, который, узнав о притязаниях Рахманаяза, убил его. Нюрпаша любила туркмена и за его смерть отплатила убийством насильника-мужа. Хан приговорил несчастную молодую женщину к лютой казни. Ее вывели на площадь Регистана и швырнули в толпу родственников Джалиля, которые, как стая бешеных волков, набросились и растерзали несчастную.

Е. П. Ковалевский пишет: «Картина невыразимо ужасная... Сам хан, окруженный своими ближними, из своей цитадели, незримый толпою, смотрел сквозь небольшое отверстие в стене на кровавое зрелище...»

В 1905 году тогуз-торовский манап Такирбашев увидел на пути своего следования молодую киргизку, несущую воду. Девушка ему приглянулась, он приказал своим джигитам похитить ее, и она стала его пятой женой. Однажды манап лег спать, а молодая жена, как всегда, покорно уселась у его изголовья и веером отгоняла мух. Случайно она задела рукой лицо своего господина. Манап рассвирепел. В дикой ярости властелин приказал своим джигитам разжечь костер и бросить женщину в огонь. Джигиты из жалости помогли несчастной бежать. Но манап заставил слуг поймать и вернуть «дерзкую» жену. Вскоре она была доставлена на расправу. Манап, не доверяя более слугам, своими руками связал женщину, и посадив ее на горящие угли, предал мучительной смерти...

Рабское положение женщины-мусульманки веками узаконивалось исламом. В переводе с арабского «ислам» означает «покорность»; ведь именно покорность и считается по канонам мусульманской религии главной добродетелью женщины.

Коран — «священная книга» мусульман с назойливой дошностью вмешивается в интимную жизнь правовер-

Вот такой юртой и была ограничена жизнь восточницы в прошлых и регламентирует их быт, проповедуя самое бесчеловечное отношение к женщине.

«Мужчины, — говорится в коране, — выше их (женщин) степенью своего достоинства». При разделе наследства по корану мужчине полагалась «доля, равная доле двух женщин».

В шариятском суде голос двух женщин-свидетельниц приравнивается к голосу одного мужчины. При этом свидетельство одних женщин без подтверждения мужчин религиозный суд считал несостоятельным.

Даже право женщины на «вечное блаженство» в загробной жизни ограничивалось исламом. Она допускается туда только вместе с мужем. По корану ангел смерти

говорит достойному из правоверных: «Войдите в рай, возрадуйтесь вы и ваши супруги».

А как быть горемычной женской душе, если муж не возьмет жену с собой? А что делать той, у которой не было мужа? Так и ляжет неприкаянная женская душа на пороге рая пылью у ног верных слуг аллаха...

Могилу женщине-мусульманке рыли глубже, чем мужчине: ибо прах женщины не мог находиться в земле на одинаковом уровне с мужским... Даже в могиле женщина унижена!

Итак, бесправное, унижительное положение было уделом женщины Востока от рождения до могилы.

«Лучше бы ты родила камень, он пригодился бы стену возвести», — слышала женщина, родившая дочь. «Сын — богатство, дочь — тяжелая ноша», «Если чему-либо суждено пролиться — пусть прольется сыворотка, если кому-либо суждено умереть — пусть умрет женщина». «Мужчина с медной головой лучше женщины с золотой головой», — внушали поговорки.

Порой девочку не удостаивали даже доброго имени, а называли в укор и насмешку «Дойдык», «Огулдурсын», «Огулгерек» (что означает: «Насытились», «Да будет сын», «Сын нужен»).

Даже материнство становилось самым горьким источником страданий для женщины Востока. Она не имела материнских прав. Если муж изгонял ее, дети оставались у отца. По старым законам муж мог отнять у жены даже грудных детей и передать их кормилице.

У иомудского племени туркмен Гасан-Кулийского района существовал такой обычай. Если жена была бездетной, муж покупал наложницу — кирнак, чтобы она родила ребенка. Как только ребенка прекращали кормить грудью, его мать изгонялась из дому.

Великий русский писатель А. М. Горький писал:

«Прославим женщину — Мать, неиссякаемый источник всепобеждающей жизни!..

Прославим в мире женщину — Мать, единую силу, перед которой покорно склоняется Смерть!..

Восславим женщину — Мать, чья любовь не знает преград, чьей грудью вскормлен весь мир! Все прекрасное в человеке — от лучей солнца и от молока Матери, — вот что насыщает нас любовью к жизни!.. Без Матери — нет ни поэта, ни героя!..

Поклонимся Той, которая неутомимо родит нам великих! Аристотель — сын Ее, и Фирдоуси, и сладкий, как мед, Саади и Омар Хайям, подобный вину, смешанному с ядом, Искандер и слепой Гомер — это всё Ее дети, все они пили Ее молоко и каждого Она ввела в мир за руку, когда они были ростом не выше тюльпана, — вся гордость мира — от Матерей!»

Как прекрасен этот гимн материнству! И как далек он от положения женщин в буржуазном обществе, каким диким контрастом ему являются каноны мусульманской религии и адата.

ПО «ЗЕМНЫМ» ЗАКОНАМ

«Земные» законы шариата не уступали религиозным в жестокости по отношению к женщине.

Девушка не выдавалась замуж, а продавалась в замужество. Брак — лишь торговая сделка. Родные жениха выплачивали родным невесты выкуп — калым — скотом, деньгами, продовольствием или личным трудом (отработка за невесту). По адату «девушка — это мешок орехов, ее можно купить или продать».

В Средней Азии, где земля без воды — бесплодная пустыня, издавна существовало брачное право на воду — «ника-су», или «никах-су», по которому право на воду имеет только женатый.

Поэтому зачастую брачная сделка заключалась между родителями тогда, когда дети были еще младенцами. Особенно широко пользовались этим имущие классы, так как цена за невесту была высока. Покупая своему малолетнему сыну жен, бай приобретал право на дополнительный пай воды.

Здесь особенно ярко выступает классовая сущность ислама, направленного на усиление экономической мощи эксплуататорских слоев общества.

Это подтверждается и тем, что размер калыма в Средней Азии рос одновременно с ростом посевов хлопка и цен на него, зависел от конъюнктуры рынка. Так, например, в 1890—1895 годах пуд хлопка стоил 2 рубля, а размер калыма был 360 рублей; в 1911—1915 годах — соответственно 4 рубля 50 копеек и 1596 рублей¹.

¹ См. «Бюллетень ЦСУ Туркменской ССР» № 15, декабрь 1929 г., стр. 5.

Размер калыма определялся также спросом на ковры на мировом рынке; ведь драгоценные ковры производили женщины.

Так, уже в младенческом возрасте девочка становилась собственностью. Она не только не имела права выбора друга жизни по сердцу, но и во всем подчинялась родителям жениха. Без их согласия девочка не могла, например, отлучаться из аула. Очень часто малолетнюю невесту с 5—6 лет забирали в дом жениха, безжалостно оторвав ее от материнской ласки, лишив родительского крова...

Таким образом, калым, возникший в глубине патриархально-родового общества как компенсация одного рода другому за потерю члена рода (рабочих рук), со временем превратился в средство эксплуатации трудящихся и закабаления женщины.

Среди некоторых народностей существовал также обычай «каршылык» — встречный обмен невестами. Глава дома, отдающий в замужество дочь или сестру, получал в обмен невесту для своего сына или брата. Как говорится, «баш на баш». И тут воля женщины, конечно, не имела никакого значения, действовал простой расчет.

Существовал обычай агамнерства — наследственная женитьба, чаще всего встречавшаяся среди киргизов, казахов и туркмен-кочевников. По законам адата в случае смерти старшего брата жена его с детьми и со всем имуществом передавалась брату покойного. Согласие женщины не спрашивалось. Она становилась второй или третьей женой своего деверя. Иной раз это был мальчик, по возрасту моложе ее детей... Приходилось ей, бедной, растить его вместе со своими детьми, а потом позаботиться о его женитьбе на молодой девушке...

Стремление избежать уплаты непосильного калыма вызвало обычай умыкания (кражи) девушек для замужества. Когда это происходило с тайного согласия родителей и ведома невесты, то дело заканчивалось скорой и веселой свадьбой. Но часто умыкание совершалось помимо воли девушки и ее родных, сопровождалось насилием. Опозоренная девушка поневоле оставалась в доме своего насильника-мужа, покорялась своей горькой участи. А иногда в результате сильного нервного потрясения девушка тяжело заболела, наступало психическое расстройство. Умыкание вызывало кровную вражду между

родственниками той и другой стороны и редко когда обходилось без убийства.

Наиболее дикой, бесчеловечной была выдача замуж малолетних.

Туркмены говорили: «Ударь девочку папахой, если с ног не свалится — можно выдавать замуж». А узбеки советовали применять другое испытание: бросить в девочку яблоком — не упадет, значит, созрела для брака.

Шариат считает совершеннолетними мальчика с 12 лет и девочку с 9 лет. Этот официальный брачный возраст часто нарушался.

Брак в малолетстве приводил к самым тяжелым последствиям: уродовал девочку физически, отрицательно сказывался на ее психике; женщина и морально и физически преждевременно изнашивалась, рано умирала. Организм малолетней жены не был подготовлен к материнству, поэтому много женщин умирало от родов. Первенцы оказывались слабыми и не выживали.

Зачастую юная девушка отдавалась за богатый выкуп дряхлому старику. Среди киргизов живут изустные стихи акына демократа Тоголока Молдо, которые называются «Жалоба девушки, выданной за старика». Вот они:

Отец, ты меня погубил,
Мой брат меня не защитил,
Вы старцу продали меня,
На скот променяли меня,
Мне горько, и плачу я.
За хилого старца иду,
Ему шестьдесят, он хромым,
Такому я буду женой!..

Войдя в новую семью, женщина не имела никаких прав. Она становилась полной собственностью мужа и его семьи в самом прямом смысле этого слова. Владелец женщины считался полновластным господином, вольным над ее жизнью и смертью. Коран «разъясняет», что после уплаты калыма «муж получит полную власть над женой». А адат со свойственной ему «прямолинейностью» провозглашает: «Как пастух может зарезать любую овцу из своего стада, так и муж вправе распоряжаться жизнью своей жены».

Шариат также дает мужу право убить жену. Он не несет за это никакого наказания, кроме штрафа ее родным.

И не даром не было у девушек-восточниц песни грустнее, чем та, которую они пели при расставании с родным домом.

Вот песня «ляле» девушки-туркменки.

Бросишь камушек в колодец глубокий,
Пойдет ко дну, мамочка милая!
Выдашь девушку в край далекий,
Пропадет, погибнет, мамочка милая!
Придут подруги мои —
Скажи им — я умерла.
Придут наперсницы — ровесницы —
Скажи им — я утерялась.
В чувалах ковровых
Осталась доля моя,
На кошмах белых
Осталось место мое.
Чужие, жестокие люди
Не дадут посидеть.
Черных волос пряди
Не дадут расчесать.
По дороге, которой уйду я,
Луковицу посею,*
Когда ответит головка луковицы,
Отвела и я — скажи им.
По пути, которым уйду я,
Посей колючку, мамочка!
Когда свернется головка колючки,
Сгорела и я — скажи им, мамочка!

Этот плач невесты «ляле» звучал как гимн обреченных. Подруги невесты, слушая «ляле», обливались потоками слез, взрослые женщины не могли удержать рыданий.

По шариату правом на развод наделен только муж, которому стоило для этого лишь произнести слово «так» (то есть «разведена»).

Страшным бичом для женщин Востока было процветавшее там многоженство. Богач брал в дом несколько жен. Бедняк же, не имея средств на калым, оставался бобылем до 40—50-летнего возраста или до самой смерти. Многоженство являлось средством безжалостной эксплуатации трудящихся женщин в особенности, и в известной мере ограничивало увеличение народонаселения.

Ислам поощряет многоженство. Коран разрешает иметь мужчине до четырех законных жен, «а наложниц

* Суеверные люди на Востоке не сеяли лук вблизи дома и даже в своем владении. По их убеждению, ко времени, когда головка лука ответит, умрет кто-нибудь из близких.

без числа». Шариат разрешает мужчине жениться на четырех женах «одним или отдельным браком». Эмирское духовенство разъясняло это право с помощью хитрой «арифметики»: мужчина, мол, облечен правом иметь число жен от сложения цифр: $1 + 2 + 3 + 4$, то есть 10 жен. Туркменские муллы еще более «расщедрились» на этот счет. По их разумению, человек (а человеком считался только мужчина) состоит из 12 частей: двух ног, двух глаз, двух ушей, головы и т. д. Вот на каждую из этих частей он может иметь по жене, то есть 12 жен.

Шариат повелевал относиться к женам в зависимости от знатности их происхождения и богатства родителей. Так оно и было: жена из знатного рода и богатой семьи становилась госпожой над другими женами, в особенности над беднячками и сиротами, которые были обречены на роль рабынь. Сироту били и муж и старшая жена. Питалась она объедками, одевалась в обноски. Жизнь для нее превращалась в суший ад. Порою, не выдержав мук и издевательств, женщина кончала с собой.

Исследователь быта народов Средней Азии М. С. Андреев писал:

«Характерно поразительное отсутствие в прошлом самоубийств среди мужчин в Средней Азии вообще... самоубийства встречались только среди женщин, главным образом на почве дурного обращения с ними в семье»¹.

Нередко женщины кончали с собой путем самосожжения, предварительно облившись керосином. Этот страшный, изуверский вид самоубийства оправдывался духовенством и чуть ли не поощрялся. «Толкователи» и «знатоки» религиозных догм разъясняли, что самосожжение снимает грех самоубийства и душа умершей попадает прямо в рай.

Самоубийство было единственно возможной формой протеста против произвола феодалов и баев, против насилия бесчеловечных законов.

Имущественное неравенство жен и разница в происхождении порождали дикий антагонизм, соперничество за влияние на мужа.

Подчас в истязаниях жен-париев принимали участие богатые жены. Таким образом, женщина, воспитанная в

¹ М. С. Андреев, Таджики долины Хуф (верховья Аму-Дарья), вып. 1, 1953, стр. 182.

обществе, где господствовали эксплуатация человека человеком, угнетение слабого сильным, богатого — бедным, подавление одного пола другим, становилась слепым орудием своего угнетения, сама же помогала ковать себе цепи.

Не менее диким был в Средней Азии, особенно среди узбеков и таджиков, обычай затворничества женщин.

«Передвижной тюрьмой», «мешком рабства» была для женщины-восточницы уже сама олежда, паранджа. А настоящей пожизненной тюрьмой был ей дом, откуда она не могла отлучаться без позволения мужа.

Узбечки и таджички с 10-летнего возраста носили паранджу с чачваном, туркменка — пуренджек, борик и яшмак, азербайджанки и иранки — чадру.

Паранджа — это серый халат, которым женщина закрывается с головы до ног. На лицо и грудь узбечки и таджички опущена черная густая сетка из конского волоса — чачван у узбечек, чиммат у таджичек. Паранджа совершенно скрывает фигуру женщины. Из-за чачвана она плохо видит, в жару обливается потом, задыхается от духоты, а зимой мерзнет. Под паранджой она вынуждена носить и грудного ребенка, чем приносит ему большой вред.

Костюм туркменки был иной. На голове у замужних женщин возвышался борик — плетеная конусообразная шапка с накинутым платком, угол которого, яшмак, прикрывал рот. Сверху борика набрасывался еще пуренджек (туркменский образец паранджи, сшитый из грубого кустарного шелка и вышитый). Все это громоздкое и тяжелое сооружение давило на голову женщины, связывало ее движения, мешало работать. Головной убор по правилам не снимался даже ночью. Он вызывал постоянные головные боли, особенно у малолетних жен, сдирав волосы с головы.

Яшмак, закрывающий рот, напоминал женщине, что по своему подчиненному положению она не должна раскрывать рта перед посторонними и старшими членами семьи, не пререкаться с мужем — своим хозяином и его родственниками.

Киргизки и казашки были внешне более свободны. Они не носили ни паранджи, ни пуренджека. Поверх легкого ситцевого платья одевался бархатный камзол,

ловко охватывающий фигуру. Голова много раз обвивалась куском белой материи, лицо не закрывалось.

Пошение покрывала (чадры, паранджи) было «священной обязанностью» мусульманки. Ей внушали, что он установлен по повелению всевышнего самим пророком Мухаммедом.

Наглухо отгороженные от улицы дворы узбеков и таджиков делились на ичкари — внутренний двор, где находились женщины и дети, и ташкари — то есть наружную, мужскую половину.

В ичкари посторонние мужчины не допускались. И даже хозяин дома не мог войти к жене, когда у нее находились в гостях посторонние женщины, он не смел нарушить закон затворничества. Затворничество означало полную изоляцию женщины от общества, лишало ее всякой самостоятельности и обрекало на жестокую эксплуатацию.

По законам затворничества женщина не имела права пойти на рынок или в магазин, вступать в деловые отношения с торговцами, поступить на фабрику и т. д. Ей был доступен единственный вид труда — домашний. Вышивальщицы сюзане и тюбетеек, ковровщицы и валяльщицы кошмы, швей, прядильщицы и другие мастерицы, вынужденные сбывать свой товар через скупщиков, становились объектом самой бессовестной эксплуатации, терпели всяческие притеснения. Женщин обсчитывали, втридорога брали за поставляемые товары, а за изделия платили гроши.

В КАНДАЛАХ КАПИТАЛИЗМА

Возникновение капиталистических отношений в Средней Азии вызвало спрос на дешевый женский и детский труд. Щупальца капитализма исподволь дотянулись и до каменных стен ичкари.

В. И. Ленин писал: «Дело буржуазии — развивать тресты, загонять детей и женщин на фабрики, мучить их там, развращать, осуждать на крайнюю нужду. Мы не «требуем» такого развития, не «поддерживаем» его, мы боремся против него. Но как боремся? Мы знаем, что тресты и фабричная работа женщин прогрессивны. Мы не хотим идти назад, к ремеслу, к домонополистическому

капитализму, к домашней работе женщин. Вперед через тресты и пр. и дальше них к социализму!»¹

В. И. Ленин расценивал вовлечение женщин в фабрично-заводское производство как явление несомненно прогрессивное. Работница вовлекается в общественное производство, входит в ряды самого передового и революционного рабочего класса.

Первые сведения о женском фабрично-заводском труде в Средней Азии имеются за 1913—1914 гг. В это время в промышленности Туркестана было занято около 3700 женщин, в том числе 2400 женщин местных национальностей и 900 подростков и детей. При этом 90 процентов женщин работало на коконосушилках, 3 процента — на винодельческих и 1 процент — на клееваренных заводах.

Это были главным образом временные работницы; по окончании сезона они возвращались к своим домашним обязанностям. И все же это был шаг вперед, первый шаг в широкий мир.

На этих предприятиях, как и всюду, неумолимо действовали законы капитализма. Дискриминация в оплате женского труда, столь характерная для капиталистической системы, была еще более бессовестной в отношении работниц коренного населения. Так, в 1913 году в гребных предприятиях за равный труд мужчинам платили 80 копеек в день, русским работницам — 50 копеек, узбечкам — 45 копеек. В винодельческой промышленности дневной заработок мужчины составил 1 рубль 16 копеек, русской работницы — 66 копеек, узбечки — 38 копеек².

Народы Средней Азии еще в древности были искусны в ремеслах. Произведения народного творчества отличались высоким мастерством и художественным вкусом. Издавна предметом широкого экспорта являлись ковры ручного производства. Мировой славой пользовались так называемые текинские, туркменские ковры, отличавшиеся особой красотой орнамента, устойчивостью красок и необыкновенной прочностью. Доходы от ковроткачества играли значительную роль в бюджете туркмена и в

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 23, стр. 70.

² См. Х. Сулейманови, Г. Мельникова, Е. Ершова, Д. Таджиева, Женщины Узбекистана в социалистическом строительстве, Госиздат УзССР, Ташкент, 1955, стр. 14.

экономике края. Ковроткачество было одним из основных занятий женщины. Старая туркменская поговорка гласит: «Женщина, которая не умеет ткать ковры, не должна есть...»

Ковроткачество с его примитивной техникой требовало огромной затраты труда. Изодня в день, в жару и холод сидела женщина на корточках, быстро связывая

От зари до зари...

нити, укладывая каждую цветную прядку на свое место. На каждый квадратный метр ковра приходилось 200—300 тысяч узлов. За месяц она успевала выткать один квадратный метр, хотя работала по 12—16 часов в день. В руках у нее был небольшой металлический гребень, которым она плотно подбивала шерсть, и ножницы, чтобы подрезать пряжу. А на голову ее давил тяжелый борик, глаза заливал пот, иной раз за спиной был привязан ребенок. При каждом ударе гребнем, который повторялся через каждые 10—15 минут, ее обдавало пылью, смешанной с отходами шерсти. Ковровщица рано теряла зрение, погибала от чахотки.

Неграмотная, темная женщина владела врожденным художественным вкусом, ткала сложнейшие узоры по

памяти. Она вырабатывала такие художественные изделия, что на международных выставках их показывали рядом с самыми высокими произведениями искусства. А получала за свой великий труд гроши. Да и теми не могла распорядиться.

Все, что зарабатывала жена, переходило к мужу.

Женщина не имела никакой личной собственности; хозяйство, которое создавалось и держалось ее трудом и заботами, принадлежало отцу и братьям, а после замужества — свекру, мужу, деверю или же сыновьям.

Характеристика положения женщин Средней Азии в прошлом будет неполной, если не сказать о ее крайней культурной отсталости.

Грамотных женщин среди коренного населения Туркестана было очень мало. На тысячу узбечек приходилось три грамотных, большинство из них едва умело читать. Среди туркменок перед революцией было всего семь грамотных*.

Бескультурие, распространенность вредных обычаев и суеверий, болезни и бедность — все это было причиной высокой смертности населения, и в особенности женщин.

Женщины не имели даже представления об элементарных правилах гигиены и санитарии, были заражены дикими суевериями. Рожали детей с помощью бабок, над ямой с золой. Знахари лечили наговорами, молитвами, печенью черного петуха, обманывали и обирали народ.

Для дореволюционного Туркестана закономерен сравнительно низкий процент взрослых женщин в составе населения. Если по Узбекистану на 100 мальчиков до 9 лет приходилась в старое время 101 девочка, то на 100 мужчин до 60 лет — только 83 женщины¹.

* Среди туркменских просветителей начала XX века была высокообразованная женщина Артык-гуль Текинская. В период присоединения Средней Азии к России Текинская, в трехлетнем возрасте, была удочерена русскими (ее русское имя Татьяна Михайловна), образование получила в Московском Елизаветинском институте. Она приехала в Туркмению примерно в 1907—1908 годах, организовала русско-туземную школу и преподавала в ней. Текинская много разъезжала по аулам, выступала в защиту бедноты, против засилья религиозного фанатизма, за сближение с передовой русской демократической культурой. (Газета «Комсомолец Туркменистана», Ашхабад, 14 сентября 1960 года. Статья канд. философ. наук Н. Кулиева «Туркменские просветители».)

¹ См. «Коммунист» № 9, 1958 г.

В населении туркмен женщины составляли 46, мужчины — 54 процента.

Такое несоответствие в численности женского и мужского населения буржуазная историография пыталась и пытается оправдать различными бреднями о «биологической неполноценности» народов Азии, «недопроизводстве» девочек и т. д.

Однако факты опровергают эти расистские утверждения. Так, например, в туркменском ауле на каждых 100 мальчиков и в прошлом рождалось 104—105 девочек, то есть столько же, сколько и в странах Европы. Но они не выживали. Наиболее высока была смертность детей до одного года, а женщин — в возрасте 16—26 лет. Это явление и теперь характерно для стран, находящихся под колониальным гнетом.

Так, закованная в кандалы общественного и семейного бесправия, влачила свое существование трижды рабыня — женщина Средней Азии.

ПАДАЮТ НЕНАВИСТНЫЕ ОКОВЫ

ПО ПУТИ, УКАЗАННОМУ ПАРТИЕЙ

Залп «Авроры» расковал цепи, сковывающие людей труда. Великая Октябрьская социалистическая революция избавила народы России от многовекового социального и национального гнета. Коммунистическая партия под руководством великого Ленина сплотила все нации в единую братскую семью, создала могучее многонациональное государство — Союз Советских Социалистических Республик.

Октябрьская революция оказала решающее влияние на развитие национально-освободительного движения народов колоний и полуколоний, указав им верный путь раскрепощения, национального возрождения.

На смену колониальному разбою и национальному гнету Октябрь принес равноправие больших и малых наций, братскую дружбу и взаимопомощь между народами.

Одним из первых революционных актов Советской власти явилась «Декларация прав народов России», принятая Советом Народных Комиссаров 2(15) ноября 1917 года и опубликованная на другой день.

Декларация провозгласила главные принципы ленинской национальной политики — равенство и суверенность народов, право народов на свободное самоопределение, вплоть до отделения в самостоятельное государство, право на свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп и т. д.

Декларация возвестила, что Советское государство ставит своей целью достижение добровольного и честного союза народов России и полного доверия между ними.

В Декларации говорилось, что Октябрьская революция началась «под общим знаменем раскрепощения... Все живое и жизнеспособное раскрепощается от ненавистных оков...»

Октябрьская социалистическая революция раскрепостила женщину от всех форм гнета, не оставив и камня на камне от подлых, крепостнических законов царизма.

Женщина получила равные с мужчиной политические и экономические права: право избирать и быть избранной в органы управления государством, право на труд и равную оплату труда, на землепользование, образование. По новым, действительно равным законам стали решаться вопросы, связанные с семейно-брачными отношениями.

Принцип равноправия женщин и забота о женщине-матери нашли отражение в ряде первых же важнейших декретов молодой Советской республики. В декрете о введении 8-часового рабочего дня (29 октября 1917 года) ограничивались сверхурочные работы и применение ночного труда женщин. В положении о социальном страховании, опубликованном 14 ноября, указано право женщин на пособие по беременности за 8 недель до родов и 8 недель после рождения ребенка. Позднее в декрете о заработной плате был установлен минимум заработной платы «взрослому рабочему без различия пола». В декрете о тарифах подтверждалось еще одно завоевание Великого Октября — равная оплата за равный труд независимо от пола. Были приняты законы об охране женского и детского труда, государственной охране материнства и детства и другие.

В. И. Ленин считал установление полного равенства мужа и жены в браке и семье одной из первейших и важнейших задач. Декрет о гражданском браке и декрет о разводе от 18 декабря 1917 года в корне уничтожали

неравенство супругов в семейно-брачных отношениях; вмешательство церкви полностью устранялось — венчание и прочие «таинства» оставались частным делом вступающих в брак. Отныне брак становился добровольным союзом свободных граждан, основанным на взаимном уважении и любви.

Первая Советская Конституция, принятая V Всероссийским съездом Советов в июле 1918 года, содержит специальный пункт о равенстве политических и гражданских прав мужчины и женщины.

Так было навсегда покончено со старыми законами о неравенстве женщины; с законами, справедливо названными великим Лениным «неслыханно-подлыми, отвратительно-грязными, зверски-грубыми».

За два года Советская власть, по словам В. И. Ленина, сделала в одной из самых отсталых стран Европы для освобождения женщины, для равенства ее с мужчиной столько, сколько за 130 лет не сделали все вместе взятые «передовые», «просвещенные» «демократические» республики всего мира.

В Туркестане Советская власть утвердилась не сразу. Октябрьская революция совершилась здесь в ноябре — декабре 1917 года. В апреле — мае 1918 года возникло первое государственное образование Средней Азии — Туркестанская Автономная Советская Республика, вошедшая в состав РСФСР. Но враги трудящихся, опираясь на силы иностранных интервентов, свергли здесь Советскую власть. Средняя Азия стала ареной гражданской войны.

Под руководством большевиков, с помощью русского народа трудящиеся Туркестана разгромили силы контрреволюции, изгнали интервентов. К началу 1920 года Советская власть в крае была полностью восстановлена. В сентябре того же года в результате победоносного народного восстания было свергнуто господство бухарского эмира и провозглашена Бухарская Народная Советская Республика. На месте Хивинского ханства образована Хорезмская Народная Советская Республика.

А в 1924 году на основе дальнейшего развития ленинской национальной политики Коммунистической партии было осуществлено национально-государственное размежевание Средней Азии.

В мае 1925 года, выражая волю трудящихся, свободные республики Средней Азии вступили в Союз Советских Социалистических Республик в качестве его равноправных членов.

Исполнилась извечная мечта народов Средней Азии, веками воевавших против иноземных завоевателей за свою независимость и самостоятельное существование. Создались условия для скорейшего преодоления экономической и культурной отсталости этих народов, облегчался их переход к социализму, минуя мучительный путь капиталистического развития.

Удкеты Советского правительства о свободе и равенстве женщины произвели полный переворот в сознании трудящихся Средней Азии, внесли глубокие перемены в быт, в семью, в культуру.

Идея равноправия женщин встретила горячую поддержку со стороны передовых рабочих, крестьянской бедноты, прогрессивной интеллигенции и молодежи. Первый краевой съезд бедноты Туркестана, состоявшийся в январе 1921 года, принял специальное решение по женскому вопросу, в котором одобрил законы Советской власти о женщине и потребовал запрещения в законодательном порядке многоженства и насильственных браков, а также браков между лицами, не достигшими совершеннолетия. Съезд высказался за допуск женщин во все учебные заведения наравне с мужчинами. Аналогичные требования предъявили к Правительству Туркестанской Советской Республики многочисленные собрания рабочих и работниц, съезды учителей и профсоюзов.

14 июня 1921 года Центральный Исполнительный Комитет Туркестанской Советской Республики издал первый декрет об отмене калыма и повышении брачного возраста (для женщины — 16 лет, для мужчины — 18). Нарушение закона приравнивалось к уголовному преступлению и влекло за собой строгое наказание.

Декрет Правительства Советского Туркестана нанес первый сокрушительный удар по вековым устоям патриархально-феодалных отношений и догмам мусульманской религии и явился одним из выдающихся революционных мероприятий Советской власти в Туркестане.

Законы об отмене калыма, многоженства, о повышении брачного возраста, против принудительной выдачи женщин замуж и другие по своему значению стоят в

одном ряду с важнейшими декларациями Советской власти, направленными на уничтожение социального и национального гнета.

Знаменательно, что в течение двух десятилетий день отмены калыма в Казахстане отмечался как революционный праздник.

21 сентября 1921 года Совнарком Киргизской автономной республики принял постановление, направленное в защиту имущественных прав киргизок. Затем последовали законы об отмене калыма, о наказуемости за принуждение женщин к супружеству и за многоженство. В декрете говорилось: «Калым способствует закреплению власти богатеев, ставит вопрос о браке в зависимость от материального положения человека. В свободной социалистической республике Советов не может быть места сохранению этого института, насилующего волю и чувства безответной киргизской женщины».

Многоженство признавалось «уголовно наказуемым деянием». К судебной ответственности привлекались не только прямые виновники, но также и должностные лица, повинные в регистрации брака мужчины с несколькими женами. Последняя мера была направлена главным образом против бывших царских чиновников, которые еще работали на местах и по старой привычке не брезговали взяткой.

Издание всех этих декретов было лишь началом законодательной деятельности молодых республик Средней Азии. Жизнь потребовала дальнейшего расширения, совершенствования и уточнения законов соответственно политическому моменту и национальным особенностям. При этом в законодательном творчестве Советской власти постоянно принимало широкое участие само население. По мере роста общественной активности и политической сознательности в законодательной работе стали участвовать и женщины коренного населения. Это обеспечило своевременность советских законов, их действенность и авторитет, поддержку народа.

На собраниях рабочие и крестьяне вносили свои поправки и дополнения к первоначальному проекту закона. Газеты и журналы широко освещали на своих страницах весь ход дискуссии. Рабочие клубы, красные уголки и избы-читальни устраивали вечера вопросов и ответов, лекции и доклады о законе в целом и по отдельным его

ствиям. Закон обсуждался в местных Советах, на пленумах районных и волостных исполкомов, на сессиях губернских и краевых исполкомов и со всеми поправками и дополнениями выносился на утверждение сессии центральных исполнительных комитетов республик.

В октябре 1925 года вторая сессия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК) 12-го созыва обсудила и должна была утвердить новый Кодекс законов о браке, семье и опеке. Женщины — члены ВЦИК приняли самое горячее участие в обсуждении закона как на подготовительной комиссии, так и на пленарном заседании сессии и предложили отложить утверждение закона, предварительно обсудив его среди трудящихся, причем привлечь к обсуждению прежде всего женщин.

Председатель Президиума ВЦИК М. И. Калинин, руководивший работой сессии, поддержал это предложение. Закон был принят окончательно через год с поправками, внесенными трудящимися.

Однако законы Советской власти, самые гуманные законы на земле, пробивали себе дорогу в жизнь иногда в борьбе. Особенно остро это ощущалось в Средней Азии. Сказывались вековые традиции, насажденные религией, угнетательскими классами. Первые же попытки изменить старый быт встретили бешеное сопротивление со стороны феодально-байских элементов, упорно отстаивавших свои классовые интересы.

Надо иметь в виду, что шариатские суды, созданные в 90-х годах XIX столетия, продолжали действовать и в первые годы Советской власти. Их деятельность ограничивалась лишь правом трудящихся обжаловать решение шариатского суда в советский народный суд.

При Народном комиссариате внутренних дел Туркестанской АССР в ноябре 1922 года была создана особая комиссия для согласования кодекса законов об актах гражданского состояния с обычным и шариатским правом. Комиссия состояла из представителей наркоматов внутренних дел, юстиции, ученого совета Наркомпроса, представителей от киргизов, узбеков и туркмен и женотдела ЦК КП(б) Туркестана.

Комиссия занимала довольно шаткую позицию по отношению к законам о правах женщин и шла на известные компромиссы. Так, например, комиссия настаивала на

повышении брачного возраста для девушек лишь до 15 лет, разрешала регистрацию браков в ЗАГСе в отсутствие невесты и допускала двоеженство.

Такие действия комиссии вызвали законный протест. По настоянию женотдела 16 августа 1923 года при ЦК КП(б) Туркестана было созвано специальное совещание с широким представительством общественных организаций. Совещание заслушало сообщение представительницы женотдела о деятельности «высокой комиссии» при Наркомате внутренних дел. После оживленной дискуссии совещание твердо высказалось за установление обязательного брачного возраста — 16 лет для девушек и 18 лет для мужчин, за запрещение многоженства и за обязательность явки невесты на регистрацию¹.

27 августа состоялось второе расширенное совещание по этому же вопросу. Оно поддержало решение предыдущего совещания, отметив, что кочевники обязаны регистрировать браки по возвращении с кочевки.

Вместе с тем, учитывая укоренившиеся обычаи затворничества женщин, совещание признало в качестве исключения допустимость регистрации брака в отсутствие невесты при наличии ее письменного согласия.

Первые законы, направленные против калыма, многоженства и прочих преступлений, связанных с пережитками патриархально-родовых и феодальных отношений, оказались далекими от совершенных. Например, декрет о запрещении калыма, изданный в Киргизской АССР, имел отношение только к основному населению республики — киргизам и вовсе не касался узбеков, уйгур, таранчинов, проживавших в республике. Постановления по Закаспийской области относились только к туркменам. Существовал также разноречивый в применении «мер социальной защиты» — форм наказания, размеров штрафов и т. д.

8 сентября 1923 года ЦИК Туркестанской АССР принял постановление «Об изменении некоторых статей Кодекса законов об актах гражданского состояния в области брачного и семейного права».

Законодательная работа получила новое развитие после национально-государственного размежевания Средней Азии.

Но, как уже было замечено, мало издать законы, надо было их осуществить.

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 528, л. 26, д. 531, л. 7, 15.

Равенство по закону еще не означало равенства в жизни. Свободная по новым революционным законам женщина Востока еще находилась под гнетом дедовских обычаев и религиозного фанатизма. Нужно было разбудить сознание неграмотной, пассивной восточницы, призвать ее к активной общественной деятельности. А для этого требовалась длительная, терпеливая, умелая работа среди женских масс. Эту задачу Коммунистическая партия поставила перед собой с первых же дней революции в Средней Азии и, осуществляя ее в течение многих лет, добилась замечательных результатов.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Борьбу за фактическое раскрепощение женщин Коммунистическая партия рассматривала как составную часть своей исторической задачи — ликвидации политического, экономического и культурного неравенства, доставшегося народам Средней Азии в наследство от колониального режима.

Как же начиналась эта трудная, незабываемая работа? Начинать ее нужно было очень осторожно, издавка, чтобы не отпугнуть женщину решительными мерами. Активному вовлечению восточницы в общественную жизнь, в производство предшествовали многие предварительные меры. Они проводились с учетом всех условий, особенностей быта, вековых традиций. Главную роль в их осуществлении на первых порах играли русские коммунистки.

В городах Туркестана, главным образом среди русских работниц, жен рабочих и солдаток, сразу же после победы Советов стихийно возникли самодеятельные женские организации. В крае насчитывалось более 20 различных «женских союзов». В Фергане они назывались «Союзом женщин», в Семиреченской области — «Союзом вдов» и «Обществом защиты женщин Востока». В Самарканде также образовался коллектив коммунисток, ведущий работу среди беспартийных женщин. Такого же рода организации были в Чарджуе, Перовске (ныне Кызыл-Орда) и других городах.

В Пишпекке (теперь город Фрунзе) в июне 1918 года под руководством Пишпекского уездно-городского коми-

тета партии и Совета народных депутатов возник союз «Трудовая женщина». Инициатором его создания была учительница Вера Александровна Соколова — член Пишпекского Совета депутатов. В июне 1918 года состоялось первое организационное собрание членов союза, где присутствовало около 100 человек. Собрание избрало правление и наметило задачи его работы, считая главной из них «объединение женщин всех национальностей для защиты своих политических и экономических прав». В четвертом пункте устава союза говорилось, что союз «Трудовая женщина» «входит в непосредственные сношения с другими организациями, союзами и Советом народных депутатов, куда делегирует своих представителей наравне с мужчинами для защиты своих прав».

Союз просуществовал полтора года (распущен после организации женотделов), но и за это время успел сделать немало. Организовал мастерские по изготовлению одежды для бойцов Красной Армии, открыл общедоступную столовую, буфет; для работы в них привлекались и женщины-киргизки.

В союзе активно работали Турсун Бечелова и Каип Уметалиева (впоследствии известные общественные деятельницы Киргизии).

Зимой 1918 года в Киргизию прибыли продотряды из рабочих центров. Киргизки активно помогали им. Так, в Токмакском продотряде работала Турсун Усманова, первая коммунистка в районе. Она успевала везде: и шила, и чинила, и собирала теплые вещи для бойцов Красной Армии. Кроме того, проводила разъяснительную работу среди женщин — батрачек и беднячек, вовлекая их в общественную жизнь. С ней вместе трудились Алымбюю Орозова и другие молодые женщины — киргизки, татарки, русские¹.

Активно проявила себя «секция женщин» Мерва (город Мары, областной центр Туркмении). Посылая своих делегатов на первый в истории Туркестана женский съезд, члены секции дали им такой наказ:

«Приветствуем от секции женщин города Мерва первый делегатский съезд женщин-работниц, хозяек. Просим выработать подробную инструкцию для дальнейшей ра-

¹ См. «Советская Киргизия», 13 апреля 1958 г.

боты среди женщин. Расширить права и полномочия секций женщин для ревизионной работы.

Командировать из края женщин-мусульманок и армян для агитации среди туземок в целях раскрепощения их. Провести в жизнь социальное воспитание детей, поднять школьное дело, пополнить кадры учителей специалистами. Желаем всем секциям более широкой самостоятельности, дабы своей работой, организованностью оправдать полученные равные с мужчинами права»¹.

Возникая стихийно, сами по себе, некоторые женские организации подпадали под влияние националистских элементов.

Такое особое «женское рабочее движение» распыляло силы, могло увести женщину-работницу в сторону от главной задачи. Коммунистическая партия вовремя указала женщинам на эту опасность.

✓ I Всероссийский съезд работниц, состоявшийся в Москве в ноябре 1918 года, решительно высказался против создания самостоятельных женских организаций. «У трудящихся женщин нет особых интересов отдельно от рабочего класса,— говорилось в решении съезда.— Но, поскольку женщины-работницы представляют собой пролетариат более позднего призыва и потому в массе своей являются менее сознательным элементом рабочего класса, была поставлена задача наиболее усиленной агитации и пропаганды среди женщин»².

После I Всероссийского съезда работниц при всех руководящих органах партии были созданы комиссии по пропаганде и агитации среди женщин. В 1919 году комиссию при ЦК реорганизовали в отдел работниц и крестьянок (Центральный женотдел) под руководством Инессы Арманд.

Краевой отдел работниц и крестьянок в Туркестане начал работать в сентябре 1919 года. Представляли его коммунистки Кроль, Успенская, Бендецкая, Зелькина. В областях отделы создавались в течение 1919 и 1920 годов, а в бывших Бухарской и Хорезмской республиках женотделы начали регулярно работать лишь в 1923—

¹ Паптархив Института истории партии при ЦК КП Уз., ф. 60, ед. хр. 861, л. 1.

² Сб. «Женщины в революции», Госполитиздат, 1959, стр. 32—33.

1924 годах; в Таджикистане — еще позднее, после окончательного разгрома басмаческих банд.

В Фергане зачинателем работы среди женщин была замечательная коммунистка А. А. Аксентович, которую местные работники любовно называли «среднеазиатской Кларой Цеткин».

Сразу же энергично развернулась работа в Ташкенте. В городе и на предприятиях железной дороги стали проводиться собрания работниц, жен рабочих, домохозяек и женской интеллигенции. Женщины горячо интересовались международным положением и ходом гражданской войны, собирали средства в помощь Красной Армии и семьям фронтовиков, стали заботиться об организации общественного питания и улучшении детских домов. Особенно выделялись как талантливые организаторы русские работницы Шумилова, Образцова, Дворкина, Марченко.

К началу 1920 года наметились первые результаты в работе краевого женотдела. Наладилась связь с местными партийными организациями, накопился некоторый опыт, подобраны кадры работников. Советско-партийная школа дала первый выпуск работников среди женщин, которые были посланы на места в качестве инструкторов.

А тут подошло «боевое подкрепление» из Красной Армии. По решению реввоенсовета Туркфронта группа политработников-коммунисток была переведена из армии на партийную работу среди женщин. Так, Е. А. Росс стала заведующей женотделом в Закаспийской области, Л. А. Отмар-Штейн — в ЦК партии Бухарской народной республики.

Члены реввоенсовета Туркестанского фронта — командарм М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышев придавали большое значение работе среди женщин Средней Азии. М. В. Фрунзе принял самое деятельное участие в созыве и работе первого съезда женщин Туркестана.

✓ Съезд состоялся в мае 1920 года. Ему предшествовала серьезная подготовка. Впервые в истории женщину, которая веками была безгласной рабыней, позвали на совет. Высшая власть республики интересовалась ее мнением по важнейшим государственным вопросам, хотела знать ее нужды и запросы, помочь ей занять подобающее место в строительстве новой жизни.

Съезд открылся торжественно. Прибыло 118 делегатов. По свидетельству участников съезда, все узбечки и таджички явились под паранджой.

К съезду был издан впервые специальный номер газеты «Работница», каждой делегатке вручен в подарок тючок литературы.

По традиции съезд назывался съездом работниц. Но среди делегатов работниц было немного. Это узбечка

Так проходили первые женские собрания в Узбекистане.

Джурабаева Туфой, ткачиха кустарной артели Самарканда, прядильщица киргизка Арпабаева, портниха из Полторацка татарка Фатиха, персиянка Гаджиева Хирда и некоторые другие. В работе съезда участвовали первые партийные работники среди женщин — А. Богачева, бывшая учительница, из Самарканда, А. И. Попова из Пишпека и А. Левина из Полторацка.

Женский съезд заслушал доклад о текущем моменте и отчет женотдела ЦК КП(б) Туркестана, обсудил вопросы о вовлечении работниц в народное хозяйство, о социальном обеспечении, об охране материнства и младен-

чества, об отделении церкви от государства, о воспитании детей и другие.

Делегатки съезда с воодушевлением приняли приветствие вождю партии, основателю Советского государства Владимиру Ильичу Ленину.

«Первый Туркестанский краевой съезд европейских и мусульманских рабочих, сознающий цели и задачи в деле своего освобождения, шлет свое горячее приветствие вождям всемирного пролетариата,— писали они.— Съезд выражает уверенность, что женщина Красного Востока примет активное участие в устройстве новых форм жизни на коммунистических началах и недалек тот момент, когда работницы всего мира вольются потоком сознательных борцов в общие пролетарские ряды и пойдут по пути, предначертанному третьим Коммунистическим Интернационалом»¹.

На съезде с большой речью выступил М. В. Фрунзе. Охарактеризовав положение на фронтах гражданской войны, М. В. Фрунзе поставил ряд задач, связанных с ликвидацией хозяйственной разрухи, и выразил уверенность, что женская половина пролетариата сыграет значительную роль в восстановлении и развитии народного хозяйства Туркестана.

М. В. Фрунзе выразил сердечную благодарность женщинам за их помощь Красной Армии в тылу и на фронте. Он подчеркнул, что даже наиболее отсталые и угнетенные старым бытом узбечки помогают рабоче-крестьянской армии. Они доказали, что и под паранджой бьется честное сердце, что и под паранджой можно верно служить революции, и паранджа иногда скрывает отважную разведчицу Красной Армии.

М. В. Фрунзе призвал женщин к еще более активной помощи Красной Армии на Ферганском участке, чтобы скорее добить врагов, изгнать их из Туркестана навсегда.

Взволнованную речь произнесла учительница К. Бекбулатова из Перовска.

«В проклятое время Николая я учила детей родного моего народа 13 лет,— начала она.— У нас не было школ для бедноты. Все годы я занималась с детьми в своей квартире — одной маленькой темной комнатке. Дети буржуазии учились в гимназиях или в духовных школах.

¹ Партархив ИИП при ЦК КП Уз., ф. 1, оп. 1, д. 863, л. 1.

Дети бедного народа почти все учились у меня в очень скверных условиях... Вот наконец настал 1917 год, и совершившийся переворот ярким светом солнца обогрел нас, загнанных, темных, и указал нам новую, светлую дорогу».

В своих выступлениях делегатки благодарили партию и Советскую власть за внимание, уважение и помощь женщине Востока. Рассказывали о притеснениях со стороны баев, мулл и даже своих близких.

Женорганизаторы сообщили о своих успехах. Открыты первые школы грамоты для обучения женщин. Организовано несколько женских кооперативных артелей — швейные, прядильные, ковровые, вышивальные. В городе Туркестане 61 мусульманка объединена в ткацкую артель. Там легче вести воспитательную работу. Но артелей еще мало, средств на их создание нет. Работники женотделов рассказали и о других трудностях. Мешало затворничество, незнание языка. Но трудности не пугали их.

Съезд стал переломным моментом в работе среди женщин Туркестана, внес воодушевление в их ряды, вызвал значительное оживление работы женотделов. Участники его стали активом женотделов. Разъехавшись на места, многие из них с энтузиазмом приступили к работе.

А работа предстояла огромная. В сентябре 1920 года состоялся V съезд Коммунистической партии Туркестана. Среди делегатов было всего пять женщин. В то время прослойка женщин в партии была совершенно незначительной. По сведениям на конец 1919 года, например, опшская партийная организация РКП имела в своем составе всего пять женщин, скобелевская — 22 женщины, чарджуйская — двух, черняево-урсатьевская — семь, самаркандская — 16 женщин¹.

Партийный съезд уделил большое внимание работе среди женщин и отметил в своем решении, что вовлечение работниц в строительство новых форм жизни «есть дело государственной важности и лишь ускоряет победу коммунизма»².

Туркестанский съезд в своем решении исходил из соответствующего постановления IX съезда РКП(б), кото-

¹ Партархив ИИП ЦК Уз., ф. 60, оп. 1, д. 309, л. 1—12.

² Там же, д. 503, л. 14.

рый в резолюции «О работе среди женского пролетариата» подчеркивал, что «самое серьезное отношение к работе среди женского пролетариата города и деревни и активное участие в ней всех членов Коммунистической партии увеличат ее ряды новыми неиспользованными силами, новыми работниками во всех областях советского строительства и борцами за осуществление коммунистического строя»¹.

Усилению работы среди женщин было посвящено и первое краевое совещание заведующих женотделами, которое состоялось 25 января 1921 года в Ташкенте. В совещании впервые приняли участие представители «мусульманских бюро» и «секций». В то время при руководящих партийных органах многих областей и губерний РСФСР, имеющих в составе населения народности, придерживающиеся мусульманства, существовали так называемые «мусбюро» или «муссекции». В штате «мусбюро» имелся инструктор по работе среди женщин. Эти «мусбюро» имелись и в Туркестане.

О значении этого совещания говорит уже сам перечень вопросов, обсуждаемых на нем: очередные задачи женотделов и особенности работы среди мусульманок, правовое положение женщин Туркестана, вопросы женского образования, охраны материнства и младенчества, организации бесплатного детского питания, вовлечения женщин в кустарную промышленность, участие их в рабоче-крестьянской инспекции и другие.

¹ На совещании выяснилось, что работа ведется главным образом в городах. Основная масса женщин коренного населения оставалась все еще в стороне от общественной жизни, вне влияния Коммунистической партии. По их организации и просвещению сделаны были лишь первые шаги. Грамоте удалось обучить только 160 мусульманок, в их числе 100 киргизок. В Тюркском университете (в старом городе Ташкенте) начали учиться первые 20 восточниц.

По примеру центральной газеты «Правда» в местной периодической прессе стали печататься «Странички работницы», 20 изданий вышло на русском языке и по 5—6 — для узбечек и туркменок.

¹ «КПСС в резолюциях и решениях», ч. 1, изд. 7, стр. 503.

В Советы избраны по всему Туркестану 150 женщин, 80 активных делегатов работают практикантками в общественных организациях. В Ташкенте созданы четыре кустарные женские артели, но работают они плохо. В Фергане пошивочная артель распалась. Нет средств, женские артели не встречают поддержки со стороны местных хозяйственных органов, а кооперация еще слаба.

Первые детские учреждения существовали главным образом благодаря самоотверженной помощи женщин-активисток. В Фергане работницы не допустили закрытия единственных яслей — собрали деньги и содержали их за свой счет.

Отзывчивость материнских сердец ярко проявилась и в том большом размахе, который приняла в крае помощь голодающим детям Поволжья. Делегатки женотдела собирали деньги, вещи, продовольствие, бесплатно шили белье, помогали открывать детские дома, принимали с поездов ребят, развозили их в интернаты, мыли их, выхаживали больных. Десятки семей рабочих приютили осиротевших детей из Поволжья, чтобы воспитать их наравне со своими.

Совещание пришло к единодушному мнению, что в работе среди мусульманок хорошие результаты дают такие формы организации и просвещения женщин, как артели, школы грамоты, лекции. Но по рукам и ногам связывало отсутствие кадров из женщин коренного населения.

Выяснилось, что некоторые партийные организации были вынуждены выдвинуть на работу среди женщин мужчин. Ясно, что этот путь был неправилен. «Женорганизаторы» из мужчин работали формально.

Нет, доступ к мусульманкам был открыт только женщине, да и то не каждой! Надо было знать их родной язык, быт, психику, заслужить доверие и уважение. Вот почему выращивание местных женских национальных кадров, создание женского актива из восточниц стало первоочередной задачей.

Задача труднейшая, требующая со стороны женотделов большого внимания, широкой инициативы, настойчивости, такта и умения, была разрешена лишь в длительный срок.

Выдающуюся роль в пробуждении политической активности женских масс Средней Азии сыграли подготовка к Всероссийскому съезду женщин Востока, поездка туркестанской делегации в Москву и встреча с В. И. Лениным. С рассказа об этой знаменательной встрече мы начали свою книгу.

По первоначальному замыслу съезд женщин Востока предполагалось созвать в Москве 20 июня 1920 года. Затем срок был перенесен на июнь 1921 года, а позднее съезд в связи с продовольственными затруднениями в стране отменили.

Готовясь к съезду, женотделы Туркестана провели 12 городских, 18 уездных и шесть областных конференций женщин-мусульманок, где избирались делегатки в Москву.

В период подготовки к Всероссийскому съезду женщин Востока лютые враги трудящихся — басмачи всячески пытались сорвать работу женотделов. В кишлаке Карасу недалеко от Андижана две женщины проводили агитацию за выборы делегатов на съезд. Басмачи схватили их, зверски убили, а трупы повесили на мясном базаре.

Злодеи стремились посеять панику среди женщин. Они распустили слух, что всех записавшихся в женскую артель увезут навсегда в Москву, что активистки женотдела — это переодетые солдаты и прячут под халатом оружие... Муллы выступили в мечети против «развращения женщин неверными». «Нарушившие законы Магомета подвергнутся великому позору на земле и вечной муке после смерти», — грозили ишаны.

Но враги добились лишь временного успеха. Часть женщин действительно была напугана, ушла из артелей, перестала ходить на собрания. Но вскоре коммунистки Андижана снова пошли по домам затворниц, смело заглянули в самые глухие переулки старого города, организовали и провели 11 митингов протеста против злодеяний басмачей, избрали трех делегатов в Москву.

В конце мая 1921 года делегатки прибыли в Ташкент. Из-за плохой связи они не знали об отмене съезда женщин Востока. Центральный женотдел Туркестана решил не возвращать делегатов на места, чтобы не выз-

вать у них разочарования, и отправил их в Москву на экскурсию.

Делегатки Туркестана, видевшие в Москве Владимира Ильича Ленина, вернувшись, разнесли весть о нем по всей Средней Азии. О Ленине узнали в самых отдаленных кишлаках и аулах, в пустынях и кочевьях. Его имя проникло за самые высокие дувалы, за крепко запертые двери. Все лучшее, что дала новая жизнь, все мечты о будущем связывались с именем Ленина.

На основе рассказов о встречах с Лениным туркменская поэтесса Тоушан Эсенова написала «Легенду о Ленине и о дочери чабана».

...В черной рваной юрте чабана Хидыра появляется на свет дочь, осиротевшая в час своего рождения. Ее называли Нурсолтан. Отец носит ее из дома в дом, где есть кормящие матери.

Она росла, как заяц иль джейран,
Как саксаул в пустыне, как бурьян,
Ее зимою вьюга одевала,
В босых ножонках стужа ночевала;
Баюкали ее чужие люди,
Семь матерей ее кормили грудью...

Так и выросла она — единственная надежда и отрада чабана, сильная, смелая, работающая, любое дело горит у нее в руках:

И кости в ней окрепли от труда.
Овец ли стричь, донть, кроить и шить,
Ковер соткать, на свадьбе плов сварить —
В работе всем взяла, как говорится,
Вот только счастья нету молодежи...

Бай сгубил ее любимого мужа, чабана Мамеда, осиротел их сын Гаиб. Никогда не увидела бы счастья бедная Нурсолтан, если бы не свершилась Великая пролетарская революция..

Народ избирает Нурсолтан делегатом в Москву. И вот дочь пастуха в Кремле.

Спросите, где все помышления мира?
И скажет вам дочь старого Хидыра:
Есть Кремль в Москве и в том Кремле — квартира...
...Без яшмака, немного смущена,
У Ленина в гостях сидит она.
И Ленин гостью слушает с участием
И спрашивает сам ее с пристрастием,
Что говорят в степи о новой власти.

...Она глядит горячими глазами
На Ильича, а речи льются сами —
Простые речи о земле родной,
Что всем богата, да бедна — водой.
...А есть вода — так не для бедняка:
Колодцы все в руках кулака,
Владеет он и пашней и скотом.
Просторен мир, да что нам проку в том?
Кочуем мы, куда подует ветер,
Как будто нет приюта нам на свете...
И слушал все и отвечал ей Ленин:
Все так, все верно, гостя дорогая,
Но доля к вам придет теперь другая.
«Кто не работает — не ест!» — такой
Закон у нас первейший, основной.
Не будут больше издеваться бан,
А вы — служить им, спин не разгибая.
Земля, колодцы, пастбища степные
Не им, а вам принадлежат отныне!
А там и воды зашумят в пустыне
И лебеди, красуясь, прилетят!

В поэме есть еще строки о том, как пришла Надежда Константиновна, с улыбкой подошла к Нурсолтан и они, как две сестры, вели задушевный разговор, поведав друг другу все радости и печали.

Но вот вернулась Нурсолтан в родной аул и —

От сердца к сердцу ленинское слово
Ты донесла, дочь чабана простого! ¹

Свершилось ленинское слово, исполнилась великая мечта народа. На сотни километров в глубь степей Туркменистана протянулась изумрудная лента Кара-Кумского канала. Зашумела на его берегах радостная жизнь. И белокрылые лебеди и даже чайки появились в недавней пустыне...

ПРИОТКРЫЛИСЬ ДВЕРИ ИЧКАРИ

После первого туркестанского совещания работников среди женщин прошло около двух лет. Дело двигалось, но успехи все еще были незначительны, а недостатков и трудностей много. Из-за недостатка средств многие женские артели распались. Выпуск «Страничек работницы» прекратился. Но есть и утешительные итоги: послали на места 15 работников, окончивших партийную школу.

¹ Перевод с туркменского Н. Вольпина и Г. Веселкова.

При Туркестанском рабфаке, в старом городе Ташкенте, открылось отделение для женщин коренного населения на 60 человек. В 1922 году обучается уже 52 восточницы. Скоро будут свои кадры, верные, преданные делу люди!

В это время женотдел ЦК ВКП(б) послал в Ташкент в качестве своего инструктора С. Т. Любимову. Она со-

Работники женотдела Туркмении (1927—1930 гг.) Белова, Попова, Перимова, Кучумова, Нухрат, Кувадова.

вершила длительную поездку по Туркестану. Начала с посещения ичкари в старом городе Ташкенте. Здесь собралась группа узбечек. После живой откровенной беседы выяснилось, что женщины старого города боятся ходить на собрания. На тех, кто попытался нарушить закон затворничества, подано заявление в шариатский суд — женщин обвинили в плохом поведении. А это не шутка!..

С. Т. Любимова поехала в Бухару, побывала в Полторацке, а на обратном пути остановилась в Самарканде.

Бухара издревле — крепость эмирата и цитадель мусульманского духовенства. Здесь на каждые 50 жителей приходился один мулла. Первая заведующая женотделом Бухары — Л. А. Отмар-Штейн и ее переводчица Марьям Шарафутдинова (татарка) тщетно пытались попасть в ичкари, созвать женщин на собрание. Л. А. Отмар-Штейн рассказывает: «...мы часто ломали голову, что еще придумать для облегчения доступа к женщине-узбечке.

После длительных мытарств мы с Марьям решили надеть паранджу и чачван, чтобы легче проникать в ичкари. Состоялось специальное решение ЦК Компартии Бухары, разрешавшее нам надеть паранджу. Теперь мы смелее проникали к знакомым женщинам...»¹

Вероятно, это был единственный случай в истории советского общества, когда паранджи были куплены «за казенный счет», на партийные средства. Однако и это мало помогло. Правда, удалось созвать первое собрание женщин. Но 20 узбечек, побывавших на этом собрании, на другой же день по настоянию духовенства были арестованы народной милицией.

Арестовали за разговор с женщиной на улице даже заведующую женотделом Л. А. Отмар-Штейн! Таковы были нравы!..

Приезд инструктора Центрального женотдела не дал нужных результатов. Руководители ЦК Бухарской компартии заявили, что почва для работы женотдела не созрела, начинать работу считают ненужным и несвоевременным.

В Закаспийской области С. Т. Любимова посетила туркменский аул. Ознакомившись с бытом, с положением женщины, она пришла к выводу: «...нужен решительный перелом в работе, смелое выдвижение самих узбечек, киргизок, таджичек, туркменок. Нужны средства, чтобы по-государственному широко решать вопросы женского образования, подготовки кадров, организации женских клубов и передвижных юрт»².

С большим сочувствием и сердечным вниманием выслушала доклад инструктора заведующая женотделом ЦК РКП(б) старейший член партии Софья Николаевна

¹ «Женщины в революции», стр. 348—349.

² С. Любимова, В первые годы, Госполитиздат, 1958, стр. 24—25.

Смидович. Сообщение С. Т. Любимовой о состоянии работы среди женщин Туркестана было заслушано на заседании Оргбюро ЦК РКП(б). Было решено послать в Среднюю Азию опытные кадры, увеличить штат платных женорганизаторов в волостях (районах), открыть женские секции во всех партийных школах и рабфаках края. Организовать отдельные школы для девочек, обеспечив их содержание за счет государственного бюджета. ЦК РКСМ было предложено усилить работу среди девушек-восточниц.

В качестве руководителя Туркестанского женотдела была рекомендована С. Т. Любимова. ЦК РКП(б) отпустил средства на организацию женских клубов, школ грамоты и т. д.

Помощь Центрального Комитета имела большое значение. Усилилось внимание к женским организациям ЦК КПТ, ЦИК Туркестана и народных комиссариатов. Приободрились, почувствовав поддержку, работники местных женотделов.

Чаще и шире стали проводиться делегатские собрания, явившиеся школой коммунистического воспитания, «приводным ремнем» от партии к женским массам.

Но затворничество все еще было значительно распространено. Как пробить брешь в этой вековой стене, как вызволить женщину из омута темноты и бескультурия, освободить от гнета предрассудков и диких обычаев, помочь ей обрести самостоятельность и включиться в ряды строителей социалистического государства — эти вопросы оставались еще не решенными.

Советская власть издала для женщин замечательные законы, но подавляющее большинство женщин Туркестана не пользовалось ими, попросту не слыхало о них.

Свое рабское положение в семье и изолированность от общества женщина продолжала рассматривать как предопределенное свыше, вечное и нерушимое. Так же относилось к этому большинство мужчин — рабочих, дехканской бедноты и даже некоторые коммунисты. Старые предрассудки цепко держались еще в умах людей. И с этим нельзя было не считаться, этого в один-два года не изжить.

Требовалась неустанная воспитательная работа по разоблачению пережитков патриархально-родовых и

феодалных отношений в экономике и быту. Без этого нельзя было строить новую жизнь, уничтожить засилье баев, ликвидировать хозяйственную и культурную отсталость народов Туркестана.

Работа эта была нелегкая, так как буржуазные националисты использовали отдельные промахи партийных, советских организаций, вопили о попрании «священных законов» и «национальных» обычаев народа.

Банды басмачей в ряде мест вели себя нагло и неприкрыто враждебно: сжигали сельсоветы и кооперативы, убивали избранных в Советы женщин-активисток. В 1923 году шайка басмачей захватила 13 юношей и девушек, плывших на лодке по Аму-Дарье в Ташкент на учебу. Только одному из них удалось спастись.

В обстановке острейшей классовой борьбы, при наличии серьезных трудностей работа партии среди женщин шла по двум основным линиям: углубление воспитательной и организаторской работы в массах и усиление карательных мер по отношению к враждебным элементам, препятствующим раскрепощению женщин.

В этих условиях особое внимание было обращено на организацию широкой правовой защиты тружениц Востока. Опираясь на указания ЦК РКП(б), женотделы выдвинули самых боевых и грамотных женщин из своего актива в местные коллегии защитников. Они бесплатно выступали в судах в защиту женщин, оказывали им всяческую юридическую помощь — давали советы, писали заявления, добивались скорейшего продвижения в судах дел по бытовым преступлениям, организовывали общественно-показательные суды над злостными нарушителями советских законов о женщине. В этих случаях работники женотдела часто брали на себя роль общественных обвинителей. И это были самые красноречивые, самые горячие защитники женщин, страстные пропагандисты новых законов.

На общественные суды сходились и съезжалось много рабочих, дехкан, молодежи. На суде большинство их пылко поддерживало справедливые требования представителя женотдела и становилось на сторону обиженной женщины.

Такие суды служили не только пропагандой, но и грозным предостережением, ярким свидетельством того,

что советские законы и советский суд на страже женщин и строго карают нарушителей!

Женотделы посылали своих защитников и в шариатские суды. Здесь они громили устои шариата, добивались справедливого решения, а не добившись, опротестовывали дело в народном суде, который решал дела на основе советских законов.

Кроме того, в областные суды и ЗАГСы направляли штатных практиканток из женщин коренного населения, где они приобретали опыт судебной работы, усваивали законы, а затем оставались на постоянной работе в судебных органах. В ЗАГСах такие практикантки были недремлющим оком женотделов, они разоблачали всяческий обман со стороны родственников вступающих в брак в тех случаях, когда малолетнюю невесту заменяли подставные лица.

Постепенно беднота начала видеть в женотделах защиту и опору, стала обращаться к ним за помощью.

Женщины избирались в состав народных заседателей. Так, в апреле 1924 года 28 заседательниц (из них 13 узбечек) работали в народных судах Коканда, девять — в Ташаузском уезде. Представительницы от женотдела входили также в специальные махаллинские (квартальные) комиссии, чтобы строго следить за недопущением брака малолетних, насильственной выдачи замуж и прочих нарушений советских законов.

К этому времени практикантки появились и в государственных, хозяйственных учреждениях, в системе промысловой и потребительской кооперации. Это мероприятие вполне оправдало себя как способ скорейшей подготовки и выдвижения женских национальных кадров на руководящую работу. Через практиканток укреплялась связь партийных и советских органов с широкими массами женщин местных национальностей. К концу 1924 года только в центральных государственных учреждениях Туркестанской республики работало шесть узбечек, 29 татарок, 10 киргизок, две башкирки.

Однако и здесь не все шло гладко. Руководители некоторых учреждений не смогли сразу понять смысл посылки к ним «необразованных женщин» и не помогали им. Но постепенно «полпреды» работниц и дехканок заняли достойное место в наркоматах, судах и общественных организациях.

ПЕРВЫЕ УСПЕХИ

Желая добиться широкой поддержки со стороны трудового населения, ЦК Туркестана решил вынести проекты закона о запрещении калыма, многоженства, малолетних браков на обсуждение волостных беспартийных конференций дехкан, состоявшихся весной 1924 года. Подавляющее большинство участников конференций горячо поддержало эти законы.

В постановлении ЦК партии Туркестана «О проведении в жизнь законоположения ТуркЦИКа по семейному праву для коренного населения» от 18 апреля 1923 года особенно подчеркивалось, что в первую очередь законы должны неукоснительно выполнять коммунисты и комсомольцы. Коммунисты и комсомольцы должны были показать личный пример нового отношения к женщине в семье, возглавить борьбу против феодально-байских пережитков и засилья религии, вести широкую пропаганду новых законов среди населения.

ЦК КПТ через некоторое время проверил выполнение коммунистами декретов о семье и браке. В начале 1924 года факты нарушения коммунистами советских законов обсуждались на пленуме Центрального Комитета КПТ.

Серьезное внимание на борьбу с бытовыми пережитками в партийной среде обратил VIII съезд Компартии Туркестана.

Съезд постановил развернуть широкую воспитательную работу «по борьбе с бытовыми предрассудками в партийной и комсомольской среде... Необходимо включить соответствующие вопросы в программы партшкол, партклубов и уделять им должное внимание в печати с одной стороны, и требовать безусловного выполнения членами партии декретов Турцика об отмене калыма, повышении брачного возраста, содействия вовлечению женщин в общественную жизнь — с другой».

Вслед за съездом партии вопрос был обсужден на съезде молодежи, IV Туркестанском съезде профсоюзов.

Призыв к борьбе со старыми обычаями, угнетающими женщину, стал главным содержанием праздника Международного дня работниц 8 Марта 1924 года.

Такое активное наступление на старый быт не могло не дать результатов. Появились первые обнадеживаю-

ные успехи. Это ярко выявилось на втором краевом совещании работников среди женщин. Здесь не было места ни растерянности, ни пессимизму. Окрепла связь с местами и руководство Центрального отдела областными и уездными женотделами.

Решением ЦК Туркестана был создан денежный фонд для работы среди женщин. На эти средства были открыты женские клубы, организованы курсы, начала выходить специальная женская газета «Янги-Юл» («Новый путь») на узбекском языке.

За лето на двухмесячных курсах волостных женорганизаторов обучились 53 женщины коренного населения (22 узбечки, девять туркменок и 22 киргизки). В августе их распределили на работу в областные и уездные женотделы на должность волостных организаторов. Наиболее грамотных послали учиться в Москву, в Коммунистический университет народов Востока, в Среднеазиатский комуниверситет, в Киргизский институт просвещения, в рабфаки.

Работа среди женщин в Туркестане начала оказывать свое влияние на Бухару и Хорезм. Празднование 8 Марта в 1924 году в Бухаре впервые было отмечено многочисленным собранием женщин, открытием клуба, вступлением 12 тружениц в партию. Первая женщина была избрана в Бухарский Центральный Исполнительный Комитет. И даже из Хорезма, отдаленного от Ташкента неделями караванных путей, «прилетели первые ласточки» — три узбечки прибыли учиться на курсах женорганизаторов.

Увеличилось число работниц из коренного населения на промышленных предприятиях. Летом 1924 года на гренажных заводах работало до 400 узбечек. Вступила в строй первая в крае Маргеланская шелкомотальная фабрика, где трудилось около 200 женщин, причем администрация и весь состав фабрично-заводского комитета был женским. Недаром рабочие в шутку называли предприятие «Дунькиной фабрикой». А женотделы радовались этому. Побольше бы таких фабрик, мечтали они, тогда бы женщина Востока, выйдя «из сферы домашнего труда», быстрее обрела бы экономическую самостоятельность, а главное, пролетарскую закалку. Тогда бы никто не осмелился наложить на нее ярмо шариата.

Вскоре началась плановая подготовка женских кадров из коренного населения для промышленности —

открылись пять производственно-технических школ-интернатов для девушек.

Женщины, работающие по найму в кишлаках, стали вовлекаться в батрацкие секции союза «Кошчи». В Маргеланском уезде было объединено 300 узбечек, в Наманганском — более 100, в Туркестанском уезде — более 70. Союз «Кошчи» оказывал активную поддержку работе среди женщин в кишлаках и аулах, взял под свою защиту женский актив.

В крае открылись первые пять женских клубов и школы для девочек. В Ферганской области училось уже 470 девушек, в Сыр-Дарьинской — 200. На 1924/25 учебный год намечалось открыть еще 40 школ, а для взрослых женщин — 16 ликбезов (пункты по ликвидации неграмотности для взрослых).

8 марта 1924 года начала действовать школа-интернат для девочек-туркменок в Полторацке, которой впоследствии было присвоено имя Эне Кулиевой — одной из первых коммунисток, общественных деятельниц Туркменистана. Несколько школ для девочек открылось в том же году и в аулах.

Эту мудрую форму обучения девочек на Востоке выдвинула сама жизнь. Здесь в первые годы находили приют не только дети, потерявшие родителей, но и дочери ответственных работников республики. Эне Кулиева первая для примера отдала туда своих девочек.

Обучение и содержание девушек в интернате было бесплатным. Учебная работа велась по программе нормальной неполной средней школы. Кроме общеобразовательных предметов девочкам постарше преподавали шитье и домоводство, их знакомили с советскими законами о равноправии женщин, с основами политграмоты. В школе работали кружки самодеятельности — хоровой, музыкальный, танцевальный и другие. Так девушки-туркменки приобщались к передовой советской культуре. Большое значение для их культурного роста имело изучение русского языка.

Из среды воспитанниц интерната вышли первые замечательные кадры местной интеллигенции — ныне кандидаты наук Н. Кулиева, А. Аширова, С. Дурсунова, врач Э. Акмурадова, народная артистка Советского Союза Сона Мурадова, народная артистка республики Сурай Мурадова и другие.

В Средней Азии появились первые специалисты.
Инженер Иргешева

Теперь, когда во всем Советском Союзе полностью ликвидирована неграмотность, введено всеобщее образование, нелегко поверить, каким трудным было начало. Старая коммунистка Зубайда Бурнашева, работавшая в Средней Азии много лет, вспоминает, как она со своими подругами-учительницами организовала первую женскую школу для узбечек.

«Осень 1918 года я жила в Катта-Кургане Самаркандской области,— рассказывает Бурнашева.— Закаспийский фронт находился совсем близко, на станции Уч-Аджи. За 60 километров располагалась эмирская Бухара. Положение было тяжелым. Несмотря на это, уездно-городской комитет поручил мне организовать школу для девочек. Под школу отвели самое лучшее помещение.

Однако не так-то легко было привлечь учащихся. Муллы и баи сеяли всякие небылицы. Мы решили обратиться непосредственно к детям. Подошла я на улице к девочкам, вступила в игру. Ежедневно затевая все новые и новые забавы для них, постепенно приучила девочек к себе, заинтересовала их. Через несколько дней мы решили, что нам удобнее всего играть во дворе школы, а затем девочки стали заходить и в школу, заинтересовались картинками, висящими на стенах, партами—удобно ли сидеть. Мы начали в порядке «игры» заниматься рукоделием, петь узбекские песни, рассказывать стихи, а затем незаметно начали и учебу по программе. Девочек разделили на две группы — по 15 человек в каждой. Вскоре матери убедились, что девочкам здесь хорошо, что они стали писать, а главное читать «любую» книгу. В 1918/19 учебном году в этой школе обучались 40 девочек. Она называлась советская школа первой ступени № 5.

В июле 1919 года Туркестанский комиссариат просвещения вызвал меня из Катта-Кургана в Ташкент. Мне и еще двум учительницам, хорошо знавшим быт и язык коренного населения (Ахтямовой Салиме и Мухаммедовой Гизанур), было поручено наладить работу краевых женских педагогических курсов, которые были организованы в марте того же года, но в мае распались, не выдержав натиска реакционных элементов.

Пришлось провести большую подготовку. Мы выступали на партийных собраниях, призывая коммунистов коренного населения послать своих грамотных жен и

сестер на курсы. Старались привлечь и учительниц старых мусульманских школ. К концу июля нам удалось полностью восстановить курсы. Срок учебы был продлен до трех лет. В 1920 году курсы были реорганизованы в Женский институт просвещения, сыгравший большую роль в деле подготовки не только педагогов-узбечек, но и крупных общественных деятельниц республики.

Известная узбекская писательница Айдых (Манзура Сабиркараева), активная общественница Абидова Джахан и многие другие были воспитанницами Женского института, одна из них (Рабига Насырова) в 1926 году была назначена директором этого института и прекрасно справлялась с работой».

Первый выпуск института состоялся в октябре 1923 года. Надо сказать, что к концу учебы из 24 студенток осталось только семь.

Но и этот малочисленный выпуск имел историческое значение для культурной жизни республики. Проходил он в торжественной обстановке, собралось много гостей. Были речи, поздравления, а выпускницы сидели в паранджах. Так в парандже и выступила с ответной речью Манзура Сабиркараева. Она благодарила Советскую власть за отеческую заботу о женщине Востока, а старших товарищей — за помощь в учебе и за теплую материнскую поддержку в течение всех лет обучения.

— Мы еще не сняли с лица покрывала, — сказала Манзура в заключение, — но паранджа, хоть и заглушает мой голос, не заглушит наших стремлений к просвещению...

Так было: из песни слова не выкинешь...

Семь выпускниц Инпроса — Манзура Сабиркараева, Хамида Таджиева, Рабига Ходжаева, Хаснад Зиямухамедова, Манзура Ияйбуистова, Таджи Назиева, Нази Умедова были посланы на работу. Женотдел и комсомол взяли над ними опеку. В честь этого знаменательного события учреждались библиотеки «Имени семи учительниц».

В 1924 году 200 женщин из местных национальностей, дополнительно к 340 девушкам, которые уже учились, было послано в средние и высшие учебные заведения.

В 1924 году началась более планомерная работа и среди сельских женщин. Впервые дехканки участвовали в праздновании Международного дня работниц.

На границе с Китаем — в далеком Каракольском уезде в день 8 Марта работницы выехали из города в ближайший аул, чтобы укрепить «смычку города с деревней». Им навстречу вышла группа дехканок с портретом В. И. Ленина. На встречу с дехканками выехали и делегатки женотдела из Байрам-Али; в Мервском уезде прошли волостные конференции женщин.

Не имея возможности охватить всю массу дехканок из-за ограниченности средств и отсутствия подготовленных кадров, ЦК КПТ решил создать при сильных партийных ячейках, крупных организациях союза «Кошчи» так называемые ударные пункты. С этой целью был прежде всего выявлен женский актив дехканок, которые затем стали постоянными проводниками влияния партии в массах.

В ряде мест это были старшие делегатки или старосты делегатских собраний, которые были организованы в некоторых волостных центрах или крупных кишлаках. К этому времени число делегатов в крае выросло до 1325 человек, среди них было около 500 женщин коренного населения.

В городах и селах делегатки избирались на общем собрании женщин цеха, фабрики, завода, квартала или села сроком на один год. Группа делегатов в 30—40 или даже 100—120 человек составляла делегатское собрание, которое собиралось раз в месяц, действовало по определенной программе, разработанной руководящими партийными организациями. Для практической работы делегатки прикреплялись к сельсоветам, к союзу «Кошчи», к кооперации, к детским учреждениям и т. д. Делегатки отчитывались перед своими избирательницами в своей деятельности и в выполнении их наказа.

Программа работы делегатских собраний разрабатывалась применительно к местным условиям. Вот, например, какие вопросы включались в план бесед и лекций для делегатских собраний:

какие народности есть на земле, как они живут и работают; положение женщин различных народностей в прошлом и теперь; семейно-бытовые особенности местной мусульманской семьи; угнетенность мусульманской женщины в семье в связи с хозяйственно-бытовыми условиями; коммунистическая партия — защитница трудящихся; о Советской власти (Конституция); права труже-

ницы при Советской власти; женотделы и их задачи. Советский суд и суд шариата и адата; кооперация; союз «Кошчи»; КСМ, его задачи и участие в нем девушек; народное образование; социальное воспитание детей; народное здравоохранение; охрана материнства и младенчества.

На праздник!

Этот «маленький университет культуры и политики» ставил своей целью дать женщине Востока начальные знания о политике и задачах партии, строении Советского государства, правах и гражданских обязанностях женщины, о воспитании детей. Кроме того, делегаткам читались лекции о гигиене, о детских болезнях и другие.

Через год после организации ударных пунктов работа среди женщин в кишлаках и аулах сдвинулась с «мертвой точки». Учтя это, ЦК КПТ обратился в отдел работниц ЦК РКП(б) с просьбой увеличить на 1925 год число ударных пунктов до 60 и соответственно удвоить штат волостных организаторов по работе среди женщин¹.

¹ Партархив ИИП при ЦК КП Уз., ф. 60, оп. 1, д. 4934, л. 35.

ЖЕНСКИЕ КЛУБЫ И ЮРТЫ

В поисках новых форм организации и просвещения женщин Востока партия создала на Востоке женские клубы, юрты, дома деҳканок.

Великий друг женщин Востока Клара Цеткин назвала наши женские клубы «сборным пунктом революционных сил». В своей книге «Кавказ в огне» Клара Цеткин писала об одном из таких клубов:

«Клуб магометанских женщин восточных и юго-восточных республик Советского Союза является детищем пролетарской революции, живым ее воплощением. В восточных женщинах, несмотря на оупляющие условия жизни в течение многих столетий, начинают пробуждаться сознание человеческого достоинства и стремление к приобретению человеческих прав. Клуб грамотных женщин служит в этом отношении сильным и убедительным доказательством, гораздо более сильным, чем европейский, самый модный костюм дочери великого визиря или обучение нескольких богатых мусульманок в Париже, Лондоне или в Берлине».

Это был Женский центральный клуб Азербайджана в Баку. Открылся он по инициативе известного общественного деятеля Наримана Нариманова. Женщинам отдали лучший в городе дворец. Клуб был назван именем славного сына азербайджанского народа, революционера-большевика Али Байрамова. Под рваной чадрой, темные, забитые нуждой, пришли сюда азербайджанки.

В течение первых лет здесь была организована швейная мастерская, которая впоследствии превратилась в большую фабрику, где уже в 1932 году работало 1500 женщин, из них 900 азербайджанок.

В женском клубе впервые выступила на сцене женщина-мусульманка. Женщины пели национальные песни, впервые исполняли женские роли в национальных спектаклях, танцевали танцы своего народа.

В женских клубах родились зачатки тех великолепных национальных театров, которыми теперь гордятся народы Советского Союза.

24 апреля 1924 года открылся первый женский клуб в Ташкенте.

Это была очень правильная, тщательно продуманная линия в работе среди затворниц. Приходила женщина в

клуб под паранджой. Но как только переступала порог, смело открывала лицо. Мужчины в клуб не допускались. Здесь организовали школу грамоты, библиотеку с громкой читкой газет и книг, детскую медицинскую консультацию, швейную мастерскую, комнаты для кружковых занятий и зал для собраний.

Не сразу клуб завоевал доверие женщин и их мужей, отцов. Боялись: нет ли тут какого подвоха? Но скоро поняли, что клуб — очень полезное и нужное учреждение: здесь в медицинской консультации бесплатно лечили матерей и детей, учили уходу за ребенком.

Можно было научиться грамоте и шить на швейной машинке, поступить с помощью руководителей клуба работать в артель или на фабрику. Послушать музыку, песни, увидеть спектакль и просто повеселиться.

При клубе работало делегатское собрание женщин, комсомольская ячейка девушек, пионерский отряд для девочек. Выходила стенная газета — орган партгруппы клуба.

Здесь в определенные дни и часы дежурил юрист — давал женщинам бесплатные советы и мог взять под защиту любого члена клуба. К концу года в клубе стало 700 постоянных членов. Выборное правление твердой рукой вело все дела клуба.

Скоро такие учреждения были открыты и в других городах, в 1926 году их насчитывалось по Узбекистану 34.

В феврале 1925 года Ташкентский клуб посетил Председатель Президиума ЦИК Союза ССР М. И. Калинин. В своем выступлении на партийном съезде Узбекистана он говорил:

«Я был у вас в женском клубе в Ташкенте... Я думал, это интеллигентская затея, которая ничего не даст. А когда пришел в клуб, там до десяти закрытых узбечек (там они были открыты) принесли своих ребят и врач им объясняет, как надо воспитывать ребят, как их кормить и т. д. Это маленькая работа, которой привыкшие делать большую политику не придают значения. А по моему — эта работа колоссальная. Это и есть настоящее поднятие культуры...»¹

¹ Первый съезд Советов Узбекистана. Стенографический отчет. Ташкент, 1925, стр. 28.

8 марта 1925 года открылся дом дехканки в Ашхабаде. Необходимость его подсказала сама жизнь. Дело в том, что в то время в Туркменистане коренного населения в городах почти не было. Работать надо было с сельским населением. Вот и возник такой центр для приезжих дехканок, с общежитием на 15—20 коек, детской комнатой, медицинской и юридической консультацией, школой грамоты, читальней, швейной учебной мастерской и баней. Каждая женщина, приехавшая из аула, могла прожить в этом доме бесплатно две недели и многому научиться, многим заинтересоваться. Здесь лечили и учили пеленать и мыть ребенка, стирать белье, держать в чистоте свое тело. Устраивались беседы, лекции, концерты, демонстрировались фильмы.

Дом дехканки имел выездную бригаду в составе работника женотдела, юриста и врача, которая регулярно бывала в аулах.

Две коммунистки — образованная татарка Заида Бурнашева и малограмотная, энергичная туркменка Кейкиль Бердыклычева были организаторами, руководителями Дома дехканки и вложили много энергии и тепла своих сердец в эту работу.

«Кейкиль умела душевно побеседовать с приехавшими женщинами, утешить их горе, дать добрый совет, вдохнуть мужество и смелость в оробевших»¹, — вспоминает о своих добрых помощницах бывшая заведующая Центральным женотделом Туркмении старая коммунистка Е. А. Росс.

При Доме дехканок существовала женская школа с интернатом, где обучался женский актив, приехавший из далеких аулов, — члены сельсовета, молодые коммунистки. Часть окончивших школу направляли затем на специальные курсы — медицинских сестер, воспитательниц детских яслей, волостных женорганизаторов и т. д.

В Доме дехканок научились грамоте, усвоили начала политических знаний и навыки организаторской работы первые коммунистки-туркменки: К. Алиева, Э. Кулиева, К. Кочумова, Ш. Караджаева, Т. Кувадова и другие. Здесь они вступили в партию, отсюда поехали учиться, выдвинулись на руководящую работу и стали видными

¹ «Женщины в революции», стр. 357.

государственными деятелями в республике. Заместитель председателя совнархоза Туркменской ССР Курбангозель Алиева вспоминает:

«Привел меня мой муж в женотдел ЦК (он впереди, я позади) и говорит: вот вам моя жена, учите ее. Это

Прочь яшмак!

было в 1926 году. Я закрытая, совсем темная женщина, всего боюсь. Думаю — что теперь со мной будет? В женотделе приняли меня приветливо, как подругу, повели в Дом дехканки, познакомили с другими туркменками. Потом муж водил меня туда ежедневно, как ребенка в детские ясли: утром отведет, вечером за мной придет. Я училась грамоте, а он вечерами уроки мои проверял. Однажды отвел меня и 2 месяца совсем не показывался, сказал, что в командировку поехал. Уж и поплакала я тут, потосковала. В Ашхабаде никого из родных нет —

один муж да женотдел. Остаться первый раз одной — это не шутка: как ребенка от груди отняли, как плавать в море бросили. Прожила я назначенный срок в Доме дехканки, научилась читать и писать, в газетах разбираться стала... Вскоре женотдел послал нас учиться на курсы женорганизаторов в Ташкент. Отсюда и началась моя общественная работа и новая жизнь. Дома дехканки никогда не забуду».

В киргизских и казахских кочевьях появились «красные юрты» — передвижная форма женских клубов. Работали там женорганизатор, медицинская сестра или акушерка, иногда и юрист.

Располагалась юрта где-нибудь в центре крупных летних кочевий, поднимала красный флаг и широко открывала свою дверь (вернее полог, завешивавший вход) для посетителей.

В юрте учили грамоте, показывали, как стирать белье, умываться мылом, варить пищу, мыть посуду, купать ребенка, шить на машинке, даже вязать чулки и варежки. К сепаратору, выставленному для всеобщего бесплатного пользования, приглашали хозяек с ведрами молока и рассказывали, как им пользоваться. Советовали коллективно приобрести сепаратор через сельскохозяйственную кооперацию.

В юрте читали вслух газеты, оказывалась юридическая помощь и проводились показательные суды. Здесь устраивались танцы, пели песни.

Иногда это был суд-инсценировка. В первое десятилетие Советской власти такие инсценировки служили средством агитации и пропаганды, наглядным, живым, доступным неграмотному человеку. Расскажем об одном таком суде.

Работники юрты заранее широко оповестили народ, что в такой-то день состоится суд. С помощью местного народного судьи была подготовлена инсценировка. Роль судьи взял на себя председатель аульного Совета, коммунист, заседателями выдвинули двух активистов, обвинителем назначили юриста, заведующая юртой сыграла роль обвиняемой. Защитником выступил аульный комсомолец, а двое других изображали стражу.

Народу собралось очень много — ни один человек не пропустит такого развлечения в степи.

«Судья», «заседатели» и «секретарь» суда заняли места за столом, «стража» вывела из юрты закутанную в платок «подсудимую», возле нее повесили на шесте рваное и грязное платье, к ногам поставили разбитый котел. Когда начался «судебный процесс», то выяснилось, что разбирается «дело» платья и разбитого котла. Начался «допрос».

Первым «дало показание» рваное платье. Слушатели узнали, что когда-то оно было куском ярко-красного, с желтыми и зелеными цветочками ситца. Затем из него сшили красивое платье. Около года платью жилось превосходно — черноглазая красавица надевала его только по праздникам. Но однажды весной в день выезда на летнее кочевье хозяйка надела это платье и носила его до тех пор, пока оно не превратилось в то грязное отрепье, которое теперь отдано под суд как предмет антисанитарный, опасный для общества.

— Теперь я жалкая серая тряпка, — говорила «подсудимая», — на мне несколько фунтов грязи, навозу и песку. Я сгораю со стыда, я плачу и умоляю вас, будьте ко мне снисходительны, я не виновата! Виновата моя хозяйка, грязнуля Зулей. Она за всю мою жизнь ни разу не постирала меня. Бабушка моя, белоснежная вата, рассказывала нам, своим внучатам, что из нас, когда мы станем большими, сошьют красивые платья, будут нас холить, беречь, купать в горячей воде с мылом и, посушив на горячем солнышке, обвеяв свежим ветерком, разгладят утюгом, и мы вновь засияем молодостью и красотой. Нет, мне не повезло! Хозяйка моя, такая молодая, веселая и ласковая, оказалась страшной грязнухой. Она подолом моим утирала себе нос и ноги, грязные руки, сальные закопченные котлы и чайники, мочила меня под дождем, проливала на меня молоко, таскала кизяк, маленьких ягнят... Хозяйка моя продолжала бы еще носить свое грязное платье и в таком виде, но меня арестовали во время культурного похода в день 8 Марта и доставили сюда...

Котел «рассказал» почти то же самое. Его тоже не мыли всю жизнь. В нем варили чай, после чая мясо, потом бросали в него кости и выносили собакам. Кое-как ополоснув водой, в него наливали молоко, которое скисало, портилось. Так котел прожил около 10 лет и ни разу не видел себя чистым и светлым. Он хорошо

служил своим хозяевам, и хотя сейчас разбит, грязен и несчастен, но считает себя невиновным и просит привлечь к ответственности свою хозяйку Айшу.

«Суд» шел своим порядком: зрители громко хохотали, «обвиняемая» кряхтела и утирала «слезы». Начались прения сторон. «Прокурор» громил «подсудимых», перечислял все несчастья и беды, которые могут причинить грязь и нечистота, говорил о распространенности туберкулеза, трахомы, об эпидемии дизентерии, о смерти детей. Грязь, антисанитария в быту — великое зло, угрожающее здоровью, благополучию и счастью трудящихся. «Прокурор» потребовал высшей меры наказания для «обвиняемых».

Публика ахнула!

«Защитник», признав вину «подсудимых», просил снисхождения.

«Суд» приговорил платье и котел к высшей мере наказания, но, принимая во внимание искреннее раскаяние «подсудимых», заменил им высшую меру пожизненным заключением со строгой изоляцией.

После приговора медицинский работник «красной юрты» прочел присутствующим популярную лекцию о чистоте.

«Суд» произвел огромное впечатление. Еще долго по всем кочевьям смеялись над хозяйками-грязнухами. Бытовой кружок при юрте вырос вдвое. Женщины чаще стали обращаться за медицинской помощью, то и дело приглашали на стойбище женорганизатора для беседы.

В бытовом кружке юрты рассказывали о том, как бороться с заразными болезнями, как содержать в чистоте жилище, белье и посуду. Тут же проводились практические занятия — учили женщин правильно стирать белье (киргизки боялись кипятить белье, опасаясь, что оно сторит), показывали, как купать ребенка. На это кочевницы шли особенно неохотно: по дедовским поверьям, ребенка часто мыть нельзя — счастье смоешь¹.

«Красные юрты» имели большой успех и пользовались доброй славой среди кочевников. «Красные юрты», эти передвижные избы-читальни или клубы, сохрани-

¹ См. А. Нухрат, Юрты кочевки, Центриздат, Москва, 1928, стр. 40—44.

лись до настоящего времени и часто появляются на далеких пастбищах, в пустынях, горах, тундре. Теперь в «красных юртах» звучит радио, библиотеки имеют сотни томов. Здесь дают концерты артисты и музыканты, здесь показывают кинофильмы.

Жизнь подсказала и другие формы культурного обслуживания женщин Востока. На женских базарах, которые время от времени устраивались в городах или крупных кишлаках Средней Азии, женотделы сооружали палатку, где наряду с неторопливой торговлей шла нужная беседа или читка газеты.

В кишлаке Чиназ открыли чайхану для женщин — вышивальщиц тюбетеек, которые после многих часов сидения на базаре со своими изделиями с удовольствием отдыхали час-другой в чайхане. Здесь веселая болтовня перемежалась с чтением интересной статьи из женской газеты или небольшой повести из книжки. Бывало и так: прочтет кто-нибудь из грамотных вслух рассказ или повесть из женской газеты — тут же завязывается самая оживленная беседа, возникают споры.

В женском клубе старого города Ташкента однажды произошел такой случай. Собравшимся в читальне прочли трогательную повесть о женщине, которая долгие годы выносила в семье мужа издевательства и побои. После тяжелых колебаний она разошлась с мужем, устроилась при помощи женотдела работать на фабрику. Получила хорошее жилье, накупила на свой заработок одеяла, одежду, посуду. И, устроив так хорошо свою жизнь, работница подала в суд и отобрала у мужа ребенка. Рассказ произвел огромное впечатление и был воспринят как совершенно реальное событие. Всем захотелось узнать, как эта женщина живет теперь и нельзя ли к ней сходить в гости, побеседовать, спросить совета.

Женорганизатор не решился поколебать веру слушательниц в подлинность события. Пришлось сказать, что эта отважная, умная женщина живет в отдаленной от этих мест области.

Женотдел и журналистки сделали из этого вывод — писать больше очерков о подлинных событиях, ибо жизнь умнее и убедительнее всех выдуманных рассказов, а в фактах печальных и радостных не было недостатка.

В старых городах Узбекистана кооперация открыла отдельные магазины для женщин. Здесь продавцами работали женщины, а вход мужчинам был запрещен. Через магазины, например в Ташкенте, в первый же год было вовлечено в потребительскую кооперацию до 400 узбечек.

Магазин стал сборным пунктом и очагом просвещения для женщин. Сняв паранджу, хозяйки не спеша выбирали товар, советуясь друг с другом и с продавщицами. Тут же они узнавали новости газетные и свои, местные. Рассматривали яркие плакаты, призывающие женщину идти на выборы Советов или ратующие за чистоту. И, как принято в Средней Азии, здесь можно было выпить «кок чай» в интересном обществе, за веселой беседой.

В магазине открыли выставку «Мать и дитя», продавали детское приданое для новорожденных. Члены кооператива имели возможность сделать предварительную заявку на нужный товар по своему вкусу и получить его в желаемый срок.

В магазине организовалась выборная лавочная комиссия, которая контролировала ход торговли, помогала в работе, вербовала новых членов, устраивала конференции покупателей.

Скоро магазин стал популярным среди женщин, начал приносить прибыль и полностью оправдал себя в коммерческом отношении, а для женотдела это стало еще одной базой общественной работы среди женщин коренного населения.

Так, применяясь к местным условиям, партия находила все новые и новые формы и методы работы, все шире охватывала своим влиянием женские массы. Росла политическая активность восточниц. В избирательную кампанию 1923/24 года в сельские и городские Советы Туркестана было избрано 287 женщин, из них 40 — в исполкомы. Впервые пять женщин вошли в состав верховной власти республики — Центрального Исполнительного Комитета.

Однако только одна из них осмелилась снять паранджу.

Росли и ряды коммунисток. Но их было еще очень мало — 708 на весь край. К концу 1923 года в партии было только 50 узбечек, 10 киргизок и девять туркме-

нок. Их число возросло в дни глубокой всенародной скорби о кончине В. И. Ленина. Тогда многие передовые работницы и активистки подали заявление о вступлении в партию. Только в Фергане было принято по ленинскому набору 20 узбеков.

Работницы и дехканки тяжело переживали смерть В. И. Ленина, ставшего для каждой из них дорогим и близким.

25 января 1924 года 10 тысяч работниц и домохозяек Ташкента собрались на траурный митинг и направили следующее письмо Н. К. Крупской и М. И. Ульяновой:

«Нет сил и слов описать нашу печаль, наше горе, когда мы узнали, придя 23 января утром на работу, о смерти нашего дорогого Ильича...

Ленинские заветы запечатлелись в сердцах у нас.

Мы клянемся, что всей душой будем помнить их, что приложим все усилия, чтобы приобщить женщин всего мира к строительству пролетарской жизни. Мы клянемся сделать это именем Ленина...

Мы еще крепче сомкнем свои трудовые ряды и будем еще более стойки и непреклонны в достижении тех целей, которые поставил перед нами Владимир Ильич»¹.

Женщины сдержали свое слово. Вместе со всем народом трудными путями, но непреклонно они шли к ленинской цели — построили социализм, а теперь создают материальную основу коммунистического общества. Они сдержали свою клятву Ильичу.

В те далекие скорбные, суровые январские дни 1924 года женщина Средней Азии была лишь в начале пути к тем сияющим вершинам, которых она достигла теперь...

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 531, стр. 59.

ТАМ, ГДЕ НЕТ РАБОВ, НЕ МОЖЕТ БЫТЬ И РАБЫНЬ

НА ШТУРМ СТАРОГО БЫТА

Как известно, в 1924—1925 годах произошло национально-государственное размежевание Средней Азии и выделение самостоятельных республик. В связи с этим образовались коммунистические партии Узбекистана, Туркменистана, а позже Таджикистана и Киргизии.

С организацией национальных компартий работа по раскрепощению женщин усилилась. Первые партийные съезды уделили этому вопросу серьезное внимание. На съезде коммунистов Узбекистана участвовало 15 женщин, в том числе: Любимова, Росс, Шадиева, Закирова, Гаибджанова, Султанова, Узакбаева, Кусанбаева, Рахатова и другие. На съезде была выделена секция по работе среди женщин. В состав ее кроме работников женотдела вошли руководители Средазбюро ЦК РКП(б) и ЦК КП(б) Узбекистана.

Съезд принял резолюцию «О работе среди женщин», в которой указывалось, что с образованием республики трудящиеся Узбекистана подошли вплотную к решению вопросов своей культуры и быта, что задача раскрепощения женщин в Узбекистане тесно связана с экономи-

ческим и культурным строительством и поэтому приобретает особо важное значение.

«Политическое и экономическое раскрепощение женщин,— говорилось в резолюции,— может быть достигнуто только наряду с параллельной работой по борьбе со средневековым бытовым положением женщины и противопоставлением партийного влияния существующему влиянию мулл и ишанов на темную, безграмотную массу коренного населения»¹.

Резолюцию «О работе среди женщин» принял и I съезд Коммунистической партии Туркменистана. В ней отмечалось, что наличие в республике остатков патриархально-родового строя сохраняет рабское положение женщины. Эти пережитки старого являются тормозом на пути экономического развития Туркменской республики. Поэтому одной из первоочередных задач, стоящих перед коммунистами Туркмении, съезд считал борьбу с бытовыми предрассудками, не дающими женщине возможности включаться в общественную жизнь.

I Киргизская областная партийная конференция также указала на необходимость всемерного вовлечения женщин в строительство новой жизни.

Указав, что проблема раскрепощения тысяч дехканок осложняется косностью некоторых низовых организаций, конференция подчеркнула, что «деятельность партийного аппарата... должна рассматриваться с особо строгим учетом состояния работы среди женщин»².

Таким образом, партийные съезды всех трех республик единодушно подчеркивали необходимость настойчивой борьбы с пережитками патриархально-родового и феодально-байского отношения к женщине.

Учредительные съезды Советов, положившие начало новому историческому существованию республик Средней Азии, наряду с другими насущными делами также обсудили вопросы работы среди женщин.

В своих декларациях об образовании республик съезды торжественно заявили о незыблемости советских законов о равноправии женщин.

¹ Резолюции и решения съездов Коммунистической партии Узбекистана, стр. 45.

² «КП Киргизии в резолюциях», ч. 1, стр. 30.

Съезд Советов Туркменской ССР принял обращение к трудящимся с призывом вести беспощадную борьбу за раскрепощение женщин. В свободной Советской республике не может быть места тьме и невежеству прошлого, говорилось в обращении. Всеобщая грамотность — залог приобщения к социалистической культуре и освобождения от всех пережитков старины. Просвещение должно захватить самые широкие массы дехканок. Государственные органы, общественные организации должны активно бороться за фактическое равноправие женщин. «Там, где нет рабов, не может быть и рабынь!»¹ — заявил съезд.

В работе партийных съездов и съездов Советов Узбекистана и Туркменистана принял участие Председатель Президиума ЦИК СССР М. И. Калинин. В своих страстных выступлениях он призывал коммунистов и комсомольцев усилить борьбу за освобождение женщин от пут старых законов и их просвещение.

Большим событием в жизни женщин советских республик Средней Азии были в 1925 году съезды работниц и дехканок, приуроченные к торжественным дням празднования дня 8 Марта.

5 марта 1925 года открылся I съезд дехканок, батрачек и крестьянок Киргизской автономной области².

На съезд прибыло 105 делегатов, из них 85 киргизок, узбечек и представительниц других национальностей коренного населения.

Съезд заслушал доклад о международном положении и обсудил очередные задачи партии по работе среди женщин, вопрос о международном дне работниц, правовом положении, женском образовании, участии в Советах, вовлечении девочек и девушек в пионерские отряды и комсомол, об участии в союзе «Кошчи» и другие.

К этому времени в Киргизии была частично осуществлена земельно-водная реформа. Наделение дехканок землей наравне с мужчинами произвело большое впечатление на женщин и вызвало одобрение со стороны бедноты и батрачества. Труженицы потянулись к куль-

¹ Газета «Туркменская искра», 22 февраля 1925 г.

² 14 октября 1924 года образовалась Кара-Киргизская автономная область. С 1 февраля 1926 года она была преобразована в Киргизскую автономную республику, а с 5 декабря 1936 года, согласно Конституции СССР, стала союзной республикой.

туре. Для них были открыты 27 школ, где обучалось 464 женщины, женские клубы, «красные юрты» и «лепешинские уголки» по аулам. Незадолго перед съездом в волостных центрах были организованы шестидневные курсы-конференции. Здесь женщин айлов и кишлаков познакомили с основными советскими законами, рассказали, почему необходимо их участие в строительстве новой жизни.

К началу 1925 года в Киргизии было 27 женщин членов и 120 — кандидатов партии, 1064 состояли членами союза «Кошчи», 654 были объединены в профсоюзах. 400 девушек вступили в комсомол, а 2012 девочек организовали 50 пионерских отрядов. В областной, окружные, районные и волостные Советы было избрано 425 женщин, 129 работали народными заседателями. В Киргизии выделились первые активистки — беззаветные борцы за раскрепощение женщин. Это киргизки Турсун Усманова, Саргылтаева, Салимбаева, Бечелова и русские работницы Шевченко, Матрохина, Долматова, Жидикова, Черепанова и другие¹.

Съезд дехканок, отметив эти скромные достижения, считал необходимым иметь в каждой волости школу для женщин и девочек, в округах — по два акушерских и фельдшерских пункта, женские клубы, красные уголки, курсы по подготовке учительниц из местных национальностей. Было решено направить не менее 25 процентов киргизок, узбечек и других девушек в вузы, комуниверситеты, партийные школы.

Делегатки съезда смело разоблачали случаи нарушения советских законов о женщине. Представительница города Каракола гневно рассказала о злодейском убийстве киргизок Ушуновой и Бекиевой их мужьями за то, что эти женщины осмелились потребовать развода. Осиротели пятеро малолетних детей. Общегородское женское собрание с возмущением заклеямило убийц и потребовало, чтобы суд немедленно и строжайше осудил злодеев. Над осиротевшими детьми было взято шефство.

Съезд дехканок рекомендовал провести в каждой области выездные сессии судов по делам, связанным с нарушением законов о женщине, разбирать эти дела вне

¹ См. «Советская Киргизия», 13 апреля 1958 г.

очереди, без промедления, привлечь к ответственности нерадивых судей, выдвинуть в юридические органы женщин-практиканток, увеличить вдвое число народных заседательниц, организовать консультации правовой помощи.

Делегатки съезда обратились к правительству Киргизии с просьбой обеспечить всемерную охрану прав женщин, потребовать от советских работников на местах более внимательного отношения к нуждам работниц и дехканок.

Просьба эта была не случайна. Отдельные партийные и советские организации все еще недооценивали работу среди женщин. Так, Джалал-Абадское окружное бюро РКП(б) приняло такое решение о поездке делегаток на Киргизский областной съезд партии:

«Не посылать, ввиду недоразумений среди темных масс, где мужчины категорически отказываются пустить своих жен. Женщины и сами заявляют протест против поездки на съезд... Исходя из вышеизложенного, решили делегаток распустиť».

Деловой, принявший целенаправленные решения съезд дехканок прошел также в Туркмении. Подготовка к нему началась заранее. Сначала состоялось широкое совещание работников среди женщин, которое подытожило первые успехи и опыт женотделов в новых условиях, обсудило методы работы в кишлаке и аулах, приняло план подготовки и проведения 8 Марта 1925 года и разработало проект предложений для обсуждения на первых окружных партийных конференциях.

С отчетом о работе областного женотдела выступила Е. С. Богачева, одна из первых работников среди туркменок, хорошо знавшая местные условия.

В совещании приняли активное участие зачинатели работы среди туркменок Эне Кулиева, Амандурсун, Фатма Овезова, Аксолтан Ата Кызы. Они вносили дельные предложения, по-хозяйски решали вопросы, давали отпор всяким клеветническим наветам на женотделы. Эне Кулиева и Амандурсун предложили установить льготы для родителей, отдающих своих детей в советские школы, как временную меру поощрения дехкан.

Это совещание — первый деловой совет женотделов республики с участием местного актива. Оно явилось поворотным пунктом в работе среди женщин. Усилилось

внимание к ней ЦК КП(б) Туркменистана. Средазбюро ЦК ВКП(б) поручило Е. А. Росс, значительное время проработавшей в Узбекистане, возглавить женотдел в ЦК КП(б) Туркмении. Эне Кулиева, избранная на пар-

Эне Кулиева

тийном съезде в члены ЦК КП(б) Туркменистана, была назначена ее заместителем. Славная дочь туркменского народа, участница революционного подполья, коммунистка ленинского призыва Э. Кулиева была первой выдающейся общественной деятельницей из туркменок.

Эне родилась в 1897 году в семье чабана, была рано выдана замуж за рабочего Кзыл-Арватских вагоно-

ремонтных мастерских. Муж ее, Карры Кулиев,— передовой рабочий, принимал активное участие в подпольной революционной борьбе. В свою опасную работу он вовлек и жену. Не вызывая никаких подозрений, она в бурдюке, в котором обычно носила воду, доставляла в указанное место листовки и прокламации, была связной между отдельными группами революционеров.

После победы пролетарской революции Кулиев помог Эне поступить в школу, помогал ей в общественной работе.

Человек большого природного ума, отзывчивого сердца, живая и деятельная, Эне Кулиева стала подлинным организатором женских масс Туркмении. По ее инициативе был создан ряд культурно-просветительных и учебных заведений для женщин в Ашхабаде. С ее участием разработаны важнейшие законы, касающиеся семьи и быта коренного населения.

I съезд женщин Туркменской ССР проходил с 8 по 11 марта 1925 года. На съезде присутствовало 167 делегатов, в том числе 137 туркменок. Характерен социальный состав участниц: дехканок было 146, работниц — семь, домохозяйек — две, служащих — 12. В числе делегатов — 38 коммунисток и две комсомолки, возраст делегатов — от 14 до 70 лет¹.

Съезд провел большую и плодотворную работу. Было сделано и обсуждено четыре доклада.

В течение пяти дней с трибуны выступали раскрепощенные дочери Востока. Отбросив прочь яшмак, в горячих словах они раскрывали свое сердце, высказывали самое наболевшее.

С живейшим интересом была выслушана речь Хамры Хусеиновой.

«Маленькой девочкой жила я с отцом в Дейнау,— начала она свое выступление.— Матери я не помню, а отец умер, когда мне было 8 лет, и я осталась круглой сиротой. Не принял меня к себе в дом ближайший родственник — двоюродный брат, а продал поскорее Умар-баю третьей женой.

Маленькая была, запуганная. Две жены стали бить и издеваться надо мной вместе с мужем. Не выдержала я такой жизни, переделалась мальчиком и убежала. Пеш-

¹ Архив ТФ ИМЛ, ф. 1, оп. 2, д. 543, л. 3, 4.

ком добралась до Чарджоу, а путь туда — верст 78. И начались мои мытарства. Поступила на станцию Фараб, проработала у бая батраком-мальчиком три года, ушла в Чарджоу. Пять лет здесь таскала доски, бревна на лесном складе. Снова ушла на полевые работы. Года через три вернулась обратно на склад. После пекарем была три года. И никто не знал, что я женщина»¹.

Вот так одна за другой поднимались на трибуну эти недавние рабыни и с волнением говорили о торжестве своего раскрепощения, о радости новой, свободной жизни. Вот, например, Амандурсун Чиль Кизы. Из бесправной, закабаленной женщины она выросла в крупного партийного работника и с гордостью рассказывала об этом своим подругам. В 1919 году Амандурсун была на Всероссийском съезде Советов в Москве, встречалась с В. И. Лениным, говорила с ним, обещала посвятить себя работе среди туркменок. Верная своему обещанию, Амандурсун отдала этому делу всю свою жизнь.

I съезд женщин республики пришли приветствовать пионерки первого женского интерната. К съезду было приурочено открытие Центрального дома дехканки — весть о нем через делегатов достигла самых далеких округов республики.

Съезд сыграл большую роль в повышении политической активности туркменок. Обсудив итоги его работы, Центральный Комитет партии Туркменистана принял ряд решений, и в том числе об организации шестимесячных курсов подготовки районных и сельских женорганизаторов.

Курсы открылись в июне 1925 года. К осени были организованы также акушерские курсы для туркменок на 30 человек и при них двухгодичное подготовительное отделение, также на 30 человек. Позже в Ашхабаде возник целый учебный комбинат для женщин, включающий педагогическое и медицинское учебные заведения и партийные курсы.

Но не следует думать, что вся эта работа шла безо всяких трудностей. Враги не дремали. Их злоба еще более разгорелась, когда началось активное наступление на старый быт. Еще на съезде вскрывались факты враждебной деятельности в республике. О них много

¹ «Туркменская искра», 11 марта 1925 г.

рассказывала женорганизатор Анна Джамал Хыдыр-Кизы.

А после съезда Анна Джамал еще более активно стала выявлять нарушения советских законов, добивалась осуждения виновных, поднимала женщин на выполнение политических и хозяйственных задач партии, организовала обучение их грамоте, водила лечиться к врачу и т. д.

Враги люто возненавидели коммунистку. Вскоре после женского съезда, 6 апреля 1925 года, Анна Джамал была зверски убита — ей нанесли 34 ножевые раны, ранили малолетнюю дочь, избили мужа.

Враги думали запугать женщин, заставить их отказаться от дальнейшей борьбы за свое раскрепощение. Но бандиты просчитались!

Похороны Анна Джамал вылились в открытую политическую демонстрацию женщин. Ее хоронили как борца-революционера. Так хоронили женщину впервые.

Большая толпа туркменок вышла на окраину Геок-Тепе. И когда похоронная процессия поравнялась с ними, зареяло Красное знамя. Бессмертное Красное знамя, которое выпало из рук подруги, подняли другие труженицы и понесли вперед, дальше.

Как клятва звучала надгробная речь делегатки Анна Углым.

— Джамал убита, Джамал нет, но на ее место встанут десять, двадцать, сто и тысячи Джамал. Мы будем также работать в женотделах, помогать Советской власти и Коммунистической партии. Нас не запугать, не остановить!

Нет, они не сдались, они продолжали дело, начатое Анна Джамал!

Детей Анна Джамал воспитало государство. Сын, Дайхан Акмамедов, — ныне директор Туркменгосиздата, дочь, Огуль Джамал, — учительница.

В связи с убийством другой активистки, Дурсун, Средазбюро ЦК ВКП(б) в телеграмме Центральному Комитету КП(б) Туркменистана писало:

«Женотдельская работа есть важнейшее революционное дело борьбы за раскрепощение всего человечества от эксплуатации, угнетения и рабства. Товарищ Дурсун погибла на славном посту. Пробудившееся революционное сознание, которое получает колоссальную поддержку

в нашем государственном строе, в Советской власти, не потушить никаким подлым убийцам из-за угла... Карающая рука пролетарского правосудия должна разыскать подлых убийц. Мы уверены, что на место убитой товарища Дурсун туркменская беднота, туркменская освобождающаяся женщина выдвинет сотни новых революционерок»¹.

Партийные организации Средней Азии потребовали от судебных органов усиления карательных мер по отношению к убийцам женщин-активисток, строгого соблюдения революционной законности о равноправии женщин. Партия неустанно призывала коммунистов и комсомольцев собственным примером показывать высокий образец сознательности в осуществлении законов о равноправии женщин.

В то время как во всех республиках Средней Азии были достигнуты значительные успехи в решении женского вопроса, Таджикистан отставал. Объяснялось это рядом условий. Только в сентябре 1920 года был изгнан эмир и образовалась Бухарская Народная Советская Республика, куда вошла северная часть Таджикистана. После свержения эмира здесь шла длительная гражданская война, только в августе 1922 года удалось ликвидировать организованное сопротивление банды Ибрагим-бека и Энвер-паши. Разрозненные выступления басмаческих банд продолжались еще несколько лет. В результате размежевания 14 октября 1924 года была создана Таджикская Автономная Советская Социалистическая Республика, которая входила в Узбекскую ССР, а с 5 декабря 1929 года Таджикистан стал союзной республикой.

Начало было трудным. Отсталость и забитость трудового населения, отсутствие подготовленных кадров, слабость партийных организаций и советского аппарата также задерживали развитие работы среди женщин. В старом Душанбе женотдел занимал маленькую глинобитную кибитку, все имущество ее состояло из одной табуретки...

«Работу среди женщин нужно было начинать с учебы, подготовки кадров,— вспоминает Разумовская, одна из первых активисток.— Но в Душанбе была всего одна

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 62, оп. 2, д. 429, л. 86.

учительница, тов. Азер, и, сколько мы ни ходили по кибиткам, ни одна женщина учиться не шла. Пришлось поставить вопрос о создании общежития. И вот при маленьком клубе было открыто учебное заведение — педагогический техникум. Сюда, приехало незначительное количество женщин со всех вилайетов, самых различных возрастов, начиная с 8 лет и кончая 35 годами. Это было неправильно, но другого выхода не было...»

25 апреля 1925 года коллегия отдела работниц и дехканок ЦК КП(б) Узбекистана приняла решение организовать в Таджикистане первый женский клуб, открыть детский интернат и школы ликбеза в Памирской области, выделить Ура-Тюбе в качестве ударного пункта работы среди женщин, открыть здесь женский клуб, два женских уголка, школу грамоты.

В помощь женотделу был выделен денежный фонд — ЦК КП(б) Узбекистана отпустил 500 рублей, а Таджикский ревком — тысячу рублей.

Первый женский клуб с амбулаторией, библиотекой, школой открылся в Ура-Тюбе в 1925 году. В 1926 году женские клубы были организованы в Душанбе, Пенджикенте, Гарме и Хороге.

Клубы сыграли большую роль в просвещении таджичек, подготовке первого актива общественниц.

Н. Зарипова в своей книге особо подчеркивает помощь русских коммунисток и работниц:

«В деле организации клубов и приклубных кружков, в широком развертывании работы среди женщин-таджичек большая заслуга принадлежит русским женщинам и женщинам других национальностей. Будучи сами более развитыми, они вели за собой массы трудящихся женщин Таджикистана. Выступая на собраниях, беседуя с местным населением, они призывали таджичек побороть предрассудки прошлого, принять активное участие в работе женских клубов. Выйти из узких рамок домашних интересов, влиться в коллектив. Пример этих смелых, независимых женщин, близость с ними, доверие к их словам пробуждали в женщине-таджичке стремление к свободе, укрепляли веру в свои силы, звали вперед»¹.

В декабре 1926 года Таджикский обком партии принял решение начать активную борьбу за раскрепощение

¹ Н. Зарипова, Женщины солнечного Таджикистана, 1957, стр. 14.

тружениц. Тогда же I учредительный съезд Советов Таджикистана обратился ко всем трудящимся с призывом приступить к борьбе со старым бытом, заявляя, что рабское положение женщин является крупнейшим препятствием делу хозяйственного и культурного развития Таджикистана. Так как никаких местных законов в республике на этот счет еще не было, съезд предложил правительству республики подготовить и издать законы, обеспечивающие действительное равноправие таджички.

В 1927 году передовые районы республики развернули борьбу против затворничества, за снятие паранджи. В результате по Ходжентскому округу сбросили мрачный символ затворничества — паранджу 14 595 женщин.

Мероприятия партии и Советской власти по раскрепощению женщин вызвали и здесь жестокое сопротивление классово враждебных сил. Их гнев в первую очередь обрушился на активисток, снявших паранджу. Только в Ура-Тюбинском районе за один 1929 год было убито шесть женщин, в их числе 18-летняя Зульфия Бабаколонова, член президиума волисполкома, первой сбросившая паранджу.

Советское правосудие строго карало тех, кто мешал раскрепощению таджичек. В то же время партия и правительство молодой Советской республики подходили очень осторожно к ломке вековых традиций, бытующих в народе. Даже в 1928 году, когда во всех республиках был введен новый закон о браке и семье, в Таджикистане не решались его проводить.

20 февраля 1928 года исполнительное бюро Таджикского обкома партии, рассмотрев проект закона о семье, браке и опеке, приняло следующее решение:

«Принимая во внимание неподготовленность низового советского аппарата к проведению в жизнь закона о браке, семье и опеке (отсутствие отделов загса и невозможность срочно создать таковые), кроме того что этот вопрос совершенно не ставился на обсуждение не только среди кишлачного населения, но и в профсоюзах города, считать необходимым воздержаться от принятия этого кодекса в ТаССР, впредь до подробного обсуждения такового во всех районах республики трудовым населением»¹.

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 62, оп. 1, д. 1578, л. 122—133.

Учитывая все эти местные условия, исполбюро разработало ряд первоочередных мероприятий.

Было намечено вести работу среди дехканок только в двух так называемых ударных районах — Ура-Тюбинском и Пенджикентском. Она должна была идти главным образом через клубы и красные уголки, медицинские консультации, бюро юридической помощи, производственные артели, обучение грамоте. Было решено регулярно проводить женские собрания, обсуждать на них близкие и понятные дехканкам вопросы. Делегатские собрания из-за слабости парторганизаций пока не создавались.

Предусматривалось в ближайшее время активнее вовлекать женщин в сельскохозяйственное производство, особенно в хлопководство, подумать о возможности организовать женщин в Гиссарском вилайете. К празднованию 8 Марта 1928 года намечалось открыть кооперативную женскую лавку в Шахмансуре и детские консультации в Гармском, Курган-Тюбинском вилайетах, создать пионерские отряды для девочек.

К маю 1928 года в Ура-Тюбе открылась пошивочная мастерская на 20 работниц. Женская консультация при клубе ежедневно принимала здесь до 80 женщин, а в Душанбе — до 30 женщин; семь таджичек, окончив курсы, начали работать в амбулатории. В республике открылись три женские кооперативные лавки. Приступил к работе женский клуб в Душанбе.

Медленно, но все-таки стронулась с места работа среди женщин и в Таджикистане. Появились первые активистки и здесь. Много сделала в решении женского вопроса в Таджикистане известная общественная деятельница Саломат Джахонгирова, ныне персональная пенсионерка.

Ее судьба типична для старшего поколения женщин Востока.

«Отец мой с малолетства был продан в батраки крупному богачу Раззакбаю, который женил его на одной из своих невольниц, — рассказывает Саломат. — Родителей своих я не помню. Мать скончалась во время родов, а отец умер, когда мне исполнился год. До двенадцати лет я находилась на попечении старой служанки Раззакбая, прислуживала вместе с ней женам бая. Все жестоко издевались надо мной. И ни у кого не было жало-

сти и сострадания к бедному, забитому, вечно голодному ребенку.

Еще более невыносимой стала моя жизнь, когда меня продали за ничтожную сумму Каракулибав. Здесь я тоже ухаживала за женами бая. Как-то младшая из жен бая приказала мне принести набитый табаком чилим. Я бросилась выполнять приказание моей повелительницы. Однако ей что-то не понравилось в моем поведении. В момент, когда я стала подносить чилим, она крепко ударила меня. От пинков я свалилась на пол и потеряла сознание. Меня, как собаку, выволокли во двор и бросили в сарай. Когда я пришла в себя, тело мое было от побоев, левая рука висела как плеть, во рту не было ни одного зуба.

Каракулибай выдал меня замуж за батрака Туракула Авязова. Мы вместе батрачили на хозяина, но за свои тяжкие труды никогда даже сытыми не были.

...Когда в Бухару пришли красные воины, я работала водоносом при эмирском дворце. Таких женщин-водоносов было пять. Нам очень хотелось помочь красноармейцам. В той комнатухе, где мы жили, поместили нескольких бойцов. Готовили им пищу, стирали одежду.

Наконец в Бухаре победила революция. Власть перешла к Советам, к трудовому народу. В 1924 году в Бухару приехал Председатель Президиума Верховного Совета СССР Михаил Иванович Калинин. Здесь состоялся первый съезд Советов. Я присутствовала на съезде, была избрана в президиум. Сидела рядом с Михаилом Ивановичем. Он спросил, почему у меня нет зубов. Я коротко рассказала ему о своей печальной жизни. Он очень возмущался слышанным и посоветовал крепко отомстить за это врагам, активно включиться в строительство новой жизни.

После съезда я стала членом комиссии по улучшению условий жизни женщин при исполкоме. Наша комиссия выезжала в районы, открывала там школы и клубы, добились того, что тысячи раскрепощенных женщин местной национальности сняли с себя ненавистную паранджу...»

В 1930 году С. Джахонгирова была избрана на партийном съезде членом ЦК КП(б) Таджикистана, несколько лет работала заведующей женотделом.

Так пробуждались к активной сознательной жизни «отсталые из отсталых» — женщины Таджикистана. В авангарде шли самые мужественные и стойкие.

Прошло три года после того, как Оргбюро ЦК ВКП(б) вынесло свое решение о работе среди женщин Туркестана. В июле 1926 года на заседании Секретариата ЦК партии снова было заслушано сообщение С. Т. Любимовой «О работе среди работниц и дехканок в парторганизациях Средней Азии».

Секретариат ЦК ВКП(б), отметив значительные успехи, предложил партийным организациям Средней Азии не останавливаться на достигнутом, а еще более решительно наступать на остатки феодально-байского отношения к женщине, обратить особое внимание на поведение коммунистов, вовлекать в ряды партии тружениц коренного населения, готовить из них партийных работников. Шире привлечь восточниц в судебные органы, расширить сеть юридических консультаций при женских клубах и комиссиях по улучшению труда и быта, создать профессионально-техническую школу ткачества для узбечек в Ташкенте.

Был разработан ряд и других важных мероприятий, которые должны были способствовать быстрейшему фактическому раскрепощению женщин.

Дело раскрепощения женщин будет тогда иметь решающий успех, когда оно станет общим делом партии, — таков главный смысл решения Секретариата ЦК ВКП(б).

КОНЕЦ «НИКА-СУ»

Внимание, проявленное Центральным Комитетом партии к решению женского вопроса в республиках Советского Востока, подбодрило и вдохновило партийные организации этих республик. Средазбюро ЦК ВКП(б) на основе этого постановления обязало компартии республик провести целый комплекс мероприятий культурно-воспитательного и хозяйственно-экономического характера.

Так, например, в народных судах и загсах были введены штатные должности для выдвижения женщин. При народных комиссариатах юстиции республик и Киргизском областном суде организованы курсы для подготовки судебных работников из женщин коренных нацио-

нальностей. Коллегии защитников выделили юридическую консультацию для женщин. Устанавливался строгий контроль за своевременным разбором дел, касающихся прав женщин.

При центральных и областных исполкомах союзных и автономных республик были организованы комиссии по улучшению быта тружениц (КУБТ).

Народные комиссариаты просвещения республик и их органы на местах усилили внимание к вопросам женского образования. Расширилась сеть женских школ, классов и групп для девочек в общих школах. Значительно упрочилась материальная база клубов, юрт, красных уголков для женщин.

Театры начали включать в репертуар пьесы, направленные против диких предрассудков, религиозного мракобесия. Впервые в истории в театрах, кино появились группы узбечек, еще закрытых паранджой.

По инициативе женотдела Средазбюро ЦК был создан фильм «Мусульманка», посвященный борьбе переловой узбечки за свои права.

По указанию Средазбюро ЦК ВКП(б) исполкомы областных и районных Советов стали строже проверять выполнение на местах закона о наделении земель женских самостоятельных хозяйств. Через союзы «Кошчи» оказывалась материальная помощь многим вдовам и беднячкам.

Открылись женские профтехнические школы и школы фабрично-заводского ученичества. Узбечки и туркменки обучались на текстильных фабриках Москвы и других промышленных центров. В Ташкенте открылась женская школа ткачества на 100 человек.

Развивающаяся промышленность требовала все новых кадров. В 1925 году вступили в строй консервная и табачная фабрики в Ташкенте. Готовился пуск сахарного, целлюлозного, цементного заводов. Приступили к проектированию крупных текстильных фабрик в Узбекистане и Туркменистане.

К январю 1926 года на фабрично-заводских предприятиях уже работало 1600 узбечек — первый большой отряд работниц из коренного населения.

При биржах труда организовывались небольшие производственные предприятия для безработных женщин. Возникли новые кустарно-промысловые артели. Допол-

нительно открывались женские лавки, оживились женские базары, где мастерицы могли свободно сбывать продукцию своего труда.

Сотни новых потомственных мастеров ковроделия вступали в члены промысловой кооперации. Органы государственной торговли предъявили большой спрос на текинские ковры для экспорта за границу. Все шире практиковалась так называемая контрактация ковровщиц — авансирование мастериц по договорам, заключаемым с кооперацией или Госторгом. Договор на производство определенного количества метров ковровых изделий обеспечивал женщине постоянный высокий заработок. Ее снабжали шерстью, красителями, дефицитными товарами.

В прошлом со скупщиком ковров расчеты вел глава семьи — мужчина. Теперь сама женщина заключала договор. Таким образом, контрактация избавила женщину от эксплуатации баев-скупщиков. Она становилась распорядителем своего заработка, и это укрепляло ее независимость в семье.

Расширилась деятельность и потребительской кооперации. К концу 1925 года число женщин — членов кооперации по Узбекской ССР достигло 4821.

В значительной степени возросло количество женщин, объединенных в союз «Кошчи». В конце 1925 года по Узбекистану союз насчитывал 2443 женщины. Девять из них были избраны в областные комитеты союза «Кошчи», семь — в ЦК союза, 19 дехканок участвовали в работе республиканского съезда союза «Кошчи».

Важнейшее политическое и экономическое значение для всех трудящихся, и в том числе для дехканок, имела земельно-водная реформа, осуществленная в 1925—1927 годах.

Несмотря на то что ленинский декрет о земле, принятый Всероссийским съездом Советов 8 ноября 1917 года, отменил частное владение землей и установил всенародную собственность на землю, недра, леса, в Средней Азии в землепользовании долго сохранялись пережитки феодально-родовых отношений. Бедняки, хозяйства которых составляли больше 75 процентов всех крестьянских хозяйств, имели земли меньше, чем мелкие и крупные баи-полупомещики, насчитывавшие всего 8,5 процента хозяйств.

Закон о земельно-водной реформе уничтожил старые порядки. Каждое трудовое хозяйство получало 3—4 гектара земли. Преимущественное право на получение надела предоставлялось обрабатывающим землю чайрикерам, излишки передавались безземельным и малоземельным дехканам.

Распределение воды также переходило в руки государства. Теперь у баев было отнято это важное средство эксплуатации и угнетения бедноты. Уничтожалось брачное право на воду — «ника-су». Этим наносился новый удар по феодально-байским отношениям в кишлаках и аулах. Ликвидировалась экономическая основа, стимулирующая ранние браки, многоженство, калым у мусульман.

Подрезались экономические корни неравенства и угнетения женщины. Уравнение ее в правах на землю произвело переворот в психике трудового дехканина, который увидел равенство женщины с мужчиной не на словах, а на деле. До реформы во многих областях вдовы после смерти мужа лишались его надела земли. По новому декрету хозяйства, возглавляемые женщинами, имели такие же права на землю, как и остальные хозяйства.

Земельно-водной реформе предшествовала большая подготовительная идеологическая и организационно-хозяйственная работа. Тщательно выявлялись наличные земельные фонды республики — поливные и богарные (суходольные). Подробно изучалось, кому принадлежат земельные площади: баям, мечетям, середняку.

Женотделы принимали самое горячее участие в подготовке и проведении земельно-водной реформы, заботясь об интересах дехканок. Представители женотделов входили в состав центральных и местных комиссий по проведению реформы. Женорганизаторы и делегатки работали в земельных комиссиях, распределявших землю. Вопрос о земельно-водной реформе обсуждался на съездах, конференциях, делегатских собраниях женщин, в клубах и красных уголках, школах грамоты.

Было много случаев, когда женщины сообщали районным комиссиям об утаенных баями землях и скрытом скоте.

К концу земельно-водной реформы в Туркменистане были наделены землей и водой 3009 хозяйств, во главе

которых стояли женщины. При этом 731 женское хозяйство, как малоимущее, получило кредит из фонда помощи бедноте¹.

Женщина, наделенная землей, становилась фактически и юридически главой семьи, получала право голоса в сельском обществе при решении всех вопросов, связанных с поливом, использованием отгонных пастбищ, выгонов и т. п.

Вокруг земельно-водной реформы завязалась острая классовая борьба. Баи и духовенство пускались на любую хитрость — применяли клевету, подстрекательство, запугивание бедноты, чтобы помешать проведению земельно-водной реформы. Они скрывали действительные размеры принадлежащей им земли, фиктивно раздавали ее ближайшим родственникам или зависящим от них должникам.

Некоторые земельные комиссии, пользуясь неграмотностью и забитостью женщин, скрывали от них их право на землю. Кое-где по старой традиции земельный надел записывался на малолетнего сына вдовы. Таких случаев особенно много было в Андижанском округе Узбекистана.

Иногда женщин отговаривали брать землю — вам, мол, ее не обработать, пахать вы не можете, вола у вас нет.

Но все эти попытки кончались, как правило, провалом. На помощь дехканкам пришли Советская власть, женотделы. В ряде областей на первых порах из женских хозяйств были организованы отдельные артели по совместной обработке земли, которые потом объединились с общими артелями. В Кассане Ферганской области шесть женских артелей получили в свое пользование трактор. А потом на среднеазиатской земле появились и женщины-трактористки.

Женотделы добивались отмены неправильных решений земельных комиссий. Наконец сами женщины, хорошо поняв дух и смысл закона, активно включились в борьбу за землю. С красным знаменем в руках они ходили из одного кишлака в другой и призывали женщин бороться за свои права.

¹ См. Т. П. Перимова, Л. Я. Белова, 10 лет на фронте борьбы за раскрепощение женщин, Ашхабад, 1929, стр. 13.

Женские хозяйства получали кредит, семена. 8 марта 1927 года по Фергане женским хозяйствам было отпущено 7500 рублей для покупки инвентаря, в артели были посланы женщины-механики¹. В результате земельно-водной реформы неизмеримо поднялась активность всех трудящихся женщин. Реформа укрепила у них веру в силу и справедливость Советской власти и Коммунистической партии. Возросшая активность женщин ярко проявилась прежде всего в массовом участии их на выборах в Советы в 1927 году. Только по Ферганской области в избирательной кампании приняло участие невиданное до сего времени число женщин — более 32 тысяч, сотни их были избраны в состав Советов, а некоторые — председателями Советов. 11 женщин было избрано в Центральный Исполком Узбекистана.

Земельно-водная реформа создала условия для успешного проведения коллективизации сельского хозяйства и повысила роль женщины в строительстве социализма.

«ХУДЖУМ»

К 1927 году создались условия для решительного наступления против феодально-байских и патриархально-родовых пережитков, закрепощающих женщин, тормозящих дальнейшее развитие социалистического строительства.

Развертывая наступление, партия исходила из того, что успешное развитие хозяйства и культуры республик по социалистическому пути невозможно без решительных мер по высвобождению женщин от пут старого быта.

Отсталый быт, сохранивший в полной мере полурабское существование женщин с изоляцией их от общества, вступил в прямое противоречие с социалистической экономикой и культурой, стал препятствием на пути политической активности и экономической самостоятельности женщин.

Культурная отсталость, фанатизм, инертность женщин тормозили коммунистическое воспитание молодого поколения. Дальнейшее попустительство сохранению в быту старых, феодально-байских отношений, засилью

¹ Партархив ИИП при ЦК КП Уз., ф. 58, оп. 3, д. 1518, л. 59.

шариата и адата становилось преступлением против народа.

Успех наступления обеспечила вся предыдущая деятельность Коммунистической партии.

За десятилетие существования Советской власти в Средней Азии произошли огромные социально-экономические сдвиги. Было полностью ликвидировано басмачество, выросли и закалились политически партийные организации, укрепились Советы, возмужал комсомол, образовался национальный рабочий класс, создавалась мощная опора в деревне в лице бедноты, получившей землю.

Успех решительного наступления на устои старого быта был подготовлен и той огромной работой, которую вела партия по просвещению женщин, их правовой защите и приобщению к активной деятельности.

Алексей Максимович Горький писал Ромену Роллану:

«И невольно вспоминаешь об активной роли, которую теперь играет женщина у восточных народов. Это особенно резко бросается в глаза у нас в России, среди женщин-мусульманок Поволжья, Кавказа, Малой Азии. Дело тут не только в том, что они сбросили паранджу, что они ведут упорную борьбу против многоженства, гаремов, а в их стремлении расширять свои знания, учиться, завоевать духовную независимость от ислама, шариата»¹.

Ярким подтверждением этих слов пролетарского писателя было празднование дня 8 Марта в 1927 году в городах Средней Азии. Тысячи женщин вышли на площади. В этот день они жгли на кострах паранджи и чачваны — символы духовного гнета ислама, ржавые цепи старого быта.

Напрасно ишаны и муллы грозили женщинам карой всевышнего, проклинали их мужей и обещали обрушить минареты мечетей и стены медресе на головы «вероотступниц». Стояли, как и прежде, минареты и медресе, воздвигнутые много веков назад хромым Тимуром и великим ученым Улугбеком... А вековые устои старых, отживших законов рушились, трещала стена предрассудков, рассыпались в прах крепости затворничества. Около 90 тысяч узбечек сняли в тот день паранджу...

¹ М. Горький, Соч., т. 30, стр. 16.

Ширился «худжум» — наступление на старый, феодально-байский быт, непримиримая и последовательная борьба против затворничества, против паранджи и других пережитков проклятого прошлого.

Это была борьба за новую женщину — свободную, независимую, активную строительницу социализма. Борьба за новую семью, за формирование нового чело-

Первые учителя

века, человека социалистического общества, свободного от пережитков крепостничества, религиозного фанатизма, суеверий.

Это наступление в самых широких масштабах начали коммунистические партии республик Средней Азии, и в первую очередь Узбекистана. Разгоревшись ярким огнем к женскому празднику 8 Марта, борьба с затворничеством приобрела массовый характер в 1927—1928 годах и продолжалась вплоть до полной победы социализма в нашей стране.

В наступление были введены огромные силы — все коммунисты и комсомольцы, рабочие и передовая интеллигенция, актив союза «Қошчи» и сами женщины.

Руководили им специальные партийно-правительственные комиссии при Средазбюро ЦК ВКП(б), центральных областных, окружных и районных комитетах компартий республик Средней Азии, в которые входили секретари ЦК компартий, заведующие женотделами и другие общественные деятели. Послали своих представителей в комиссии комсомол, профсоюзы, союзы «Кошчи», наркоматы просвещения, юстиции, труда. Для оперативной работы был выделен президиум комиссии — штаб наступления.

Все планы, все мероприятия, разработанные комиссиями, подверглись серьезному обсуждению в Средазбюро ЦК ВКП(б), в центральных комитетах компартий республик, выносились на рассмотрение широкого совещания партийного актива.

Наступление развертывалось не сразу по всей республике. Сначала оно охватило Ташкентскую, Ферганскую, Самаркандскую и Зеравшанскую области, так как эти области были передовыми, наиболее подготовленными для этого.

Партия повела непримиримую борьбу с пережитками старого быта среди коммунистов. Средазбюро ЦК, центральные комитеты компартий Узбекистана, Туркменистана, Киргизский обком ВКП(б) выступили с обращением ко всем коммунистам и комсомольцам повести решительную борьбу с затворничеством женщин и прочими пережитками феодально-патриархального быта в своей среде, в своих семьях. Снять паранджу в первую очередь со своих жен, сестер, дочерей, послать их учиться, включить в общественную жизнь. Коммунистам рекомендовалось приводить своих жен на открытые партийные собрания.

Подавляющее большинство коммунистов с готовностью восприняло призыв партии, но некоторые заняли выжидательную позицию, спасовали перед отсталыми настроениями окружающих, пытались свалить вину на самих женщин.

В феврале 1928 года Средазбюро ЦК вынесло решение проверить, как выполняется директива о раскрепощении женщин партийным активом основных национальностей¹.

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 16, д. 6, л. 103—106.

Проверку осуществляли специальные комиссии, избранные общими собраниями коммунистов. При этом комиссия проверяла работу не своей ячейки, а посторонней партийной организации, что должно было гарантировать большую объективность.

Комиссии должны были строго соблюдать принцип индивидуального подхода к каждому коммунисту. К занимающим высокий пост требовательность повышалась. К злостным нарушителям законов подходили со всей строгостью, вплоть до исключения из партии.

Проверка велась на основе широкой гласности, с участием всех коммунистов, комсомольцев, особенно активная роль отводилась женщинам — членам партии.

В Ферганском округе Узбекистана проверили 51 ячейку, в комиссиях работало 93 человека (всего 13 женщин), держали ответ перед партией 412 коммунистов. Из их числа 43 нарушали директивы партии о раскрепощении женщин: их жены носили паранджу, не учились грамоте, не работали, не посещали собраний.

В ходе наступления партия установила, что комсомол слабо борется за вовлечение девушек в свои ряды. В октябре 1926 года в Узбекистане было всего 30 комсомольских ячеек девушек (из них в кишлаках лишь восемь), а в Туркменистане — 16 ячеек (12 в аулах).

На 1 января 1927 года девушек-комсомолок в городах Узбекистана насчитывалось 4010, или 17,1 процента, а в сельской местности — всего 3,2 процента. Приблизительно такой же была картина и в остальных республиках Средней Азии.

Создание отдельных ячеек для женской молодежи в нарушение устава ВЛКСМ было вынужденной, временной мерой, продиктованной специфическими местными условиями и призванной помочь вовлечению в комсомол узбечек, таджичек, киргизок и т. д. Однако выяснилось, что и в этих ячейках состояла главным образом учащаяся молодежь, преимущественно татарки и русские; процент узбечек был совершенно незначительным. Таким образом, эти ячейки не оправдали своего назначения. Русские и татарки могли свободно участвовать в работе комсомольских организаций, и не было нужды отрывать эту женскую молодежь от общего коммунистического юношеского движения.

Требовалось усилить руководство комсомола работой пионерских отрядов для девочек в женских школах, интернатах, клубах. Это имело исключительное значение, так как еще нередко девочек выдавали замуж в 12—13 лет. Очень мало их задерживалось в школе до комсомольского возраста.

Комсомол выступил боевым и верным помощником Коммунистической партии в ее борьбе за освобождение женщины. Идея «худжума» в те годы была очень популярна среди молодежи и сознательной части рабочих, дехкан, студентов. Многие коммунисты, комсомольцы, молодые рабочие дали имя Худжум своим детям — мальчикам и девочкам. Худжум Шукурова — кандидат исторических наук Института истории при ЦК КП(б) Узбекистана защитила диссертацию на тему о раскрепощении женщины и тем самым достойно продолжила революционные традиции своей матери и бабушки, которые были активными работниками среди женщин в годы великого наступления.

Имя Худжум было дано шелкомотальным фабрикам в Узбекистане и Таджикистане.

Первые результаты наступления оказались обнадеживающими. Только за март — май 1927 года в восьми районах Ферганского округа сняли паранджу 871 и в Ташкентском округе — 607 девушек. За это же время вступили в комсомол в Фергане 120 девушек, в Ташкентском округе — 20.

Комсомол выступил инициатором замечательного начинания: по его почину образовались «семейные кружки». Группа комсомольцев, со своими женами, снявшими паранджу, собравшись семейно в клубе или дома за чаем или пловом, вела беседу о новой семье, о дружбе, любви, взаимном уважении. Так исподволь молодежь приучала своих жен к обществу, расширяла их кругозор.

Но бывало и так. На митинге, передаваемые сотнями нетерпеливых рук, черными воронами летели паранджи и чачваны над толпой и падали в костер, чтобы сгореть. Но вот митинг окончен, и, простясь с подругами, женщина оставалась одна на улице...

Притаились темные, узкие переулки, жутко идти по ним узбечке с открытым лицом, особенно если ей на пути попадались мужчины. Когда же, благополучно миновав

переулки, насмешки и наглые окрики, женщина приходила домой, ее большей частью встречали так же враждебно. Если даже муж был на ее стороне, то это не всегда избавляло женщину от осуждения семьи. Она не могла никуда скрыться от злословия старших женщин — свекрови, матери, жены брата и других близких и дальних родственников. Для них она была джеляб — испорченная, погибшая женщина, предавшая веру своих отцов. Поэтому многие женщины, бросив в костер покрывало, не смели открыто появляться на улице. Снятие паранджи обрекло некоторых из них на безвыходное сидение дома. В конце концов отказ от внешних форм затворничества не всегда приводил к фактическому освобождению женщины от затворничества.

Вот почему Средазбюро ЦК ВКП(б) дало указание местным организациям не ограничивать задачи наступления только снятием паранджи, а рассматривать его лишь как первый шаг на пути фактического раскрепощения восточницы.

Требовалось создать вокруг каждой женщины, снявшей паранджу, атмосферу сочувствия и внимания, помочь ей твердо стать на ноги. В старых городах, по кварталам (махалляям), под руководством женорганизаторов были созданы комиссии содействия раскрепощению женщин, в которых работали активные делегатки, члены Совета, учительницы, комсомолки. Они брали на учет каждую женщину, порвавшую с затворничеством, помогали ей найти работу в производственной артели, на фабрике.

В женском клубе стали чаще устраиваться специальные женские вечера и беседы. Их втягивали в работу секций местного Совета, в лавочную комиссию потребкооперации. Грамотных направляли учиться.

В кишлаках и аулах усилили внимание и помощь женским самостоятельным хозяйствам, организовывали молочные, птицеводческие кооперативные товарищества, артели по шелководству и ковроткачеству.

Наиболее активных женщин выдвинули на руководящую советскую, хозяйственную и профсоюзную работу, лучших из них приняли в ряды Коммунистической партии.

Партия потребовала строгого наказания для тех, кто искажал ее директивы, допускал перегибы. А таких

случаев было немало. Вместо терпеливой, планомерной работы в массах путем убеждения и широкого разъяснения кое-где допускались методы администрирования, принуждения, наскоков. Некоторые партийные ячейки совместно с сельским Советом выносили решение «снять паранджу по приказу Советской власти. Если кто не спимет, послать милиционера и отобрать паранджу». Кое-где запретили девушкам в парандже посещать школу, женский клуб.

Используя эти промахи, враг старался опорочить новые законы, а заодно и Советскую власть, выступал против выхода женщин на хлопковые поля, срывал решение важнейшей хозяйственно-политической задачи партии — достижения хлопковой независимости Советского Союза.

Баи и муллы ухитрялись настраивать женщин даже против яслей, детских садов, школ, женских клубов и артелей. Духовенство выступало открыто враждебно против раскрепощения женщин-мусульманок.

В своем решении «О ходе работы по раскрепощению в Узбекистане» от 27 апреля 1927 года Средазбюро ЦК ВКП(б) указывало на активизацию реакционного духовенства и байства и предлагало партийным организациям наряду с пропагандистской и организаторской работой принять широкие меры общественной защиты тружениц, решительно пресечь вылазки враждебных элементов, применив к ним строжайшие меры революционной законности.

В апреле 1927 года Средазбюро создало пропагандистские группы и послало опытных агитаторов на несколько месяцев в кишлаки и кварталы старых городов, чтобы они широко разъяснили населению идеи раскрепощения женщин. Женотделы укрепили кадры своих организаторов, усилили руководство клубами, школами, артелями¹.

23 мая 1927 года Президиум ЦИК Узбекской ССР принял постановление о назначении персональных пенсий активисткам, пострадавшим в борьбе за раскрепощение женщин, и членам семей погибших. Уже в сентябре этого же года было назначено семь пенсий по этой статье².

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 16, д. 69, л. 144.

² Партархив ИИП при ЦК КП Уз., ф. 58, оп. 4, д. 1215, л. 2.

Узбекский съезд Советов обратился ко всем трудящимся республики с призывом поддержать стремление женщины к раскрепощению, помочь ей стать активным строителем новой жизни наряду с мужчиной. Съезд заслушал доклад президента республики, бывшего батрака, Юлдаша Ахунбабаева о раскрепощении женщин и наметил целую программу практических мероприятий по закреплению результатов «худжума».

Был издан особый закон о привлечении к ответственности лиц, оскорбивших женщину, снявшую паранджу. Комсомольцы старых городов Узбекистана организовали добровольные дружины по охране женщин, отказавшихся от затворничества. Брали под защиту каждую женщину, появившуюся на улице без паранджи. Теперь этому трудно поверить, но тогда первых артисток национальных театров на улице часто сопровождали пикеты комсомольцев.

Судебные дела, связанные с преступлениями против женщин-активисток, стали рассматриваться в срочном порядке и по всей строгости закона. Часто над виновниками устраивались показательные процессы с участием населения.

Центральный Комитет ВКП(б) с большим вниманием следил за ходом работы среди женщин в Средней Азии и оказывал постоянную помощь партийным организациям республик. 5 июня 1927 года Оргбюро ЦК ВКП(б) заслушало доклад секретаря ЦК КП Узбекистана В. И. Иванова и заведующей женотделом Средазбюро ЦК С. Н. Шимко «О работе по раскрепощению женщин Средней Азии». Центральный Комитет одобрил начатую Средазбюро ЦК решительную борьбу против старых бытовых пережитков, закрепощающих женщину.

В то же время было указано на серьезные недостатки в этой работе и на главный из них — кампанейский характер наступления, недостаточность политических, экономических, правовых и культурных мероприятий по закреплению достигнутых успехов.

В решении ЦК особая роль отводилась Советам, которые должны были широко вовлечь в свою работу вышедших из затворничества женщин, включить их в актив секций, дать им живое общественное дело, например контроль над работой магазина, столовой, чайханы, школы, медицинского учреждения.

Центральный Комитет предложил серьезно изучить процессы, связанные с распадом старых семейных форм у коренного населения: разводы, выделы имущества, женскую безработицу.

Борьба с женской безработицей в то время была сложной и трудноразрешимой проблемой, и не только потому, что не было работы для всех свободных рабочих рук. Безработные мужчины и женщины в те годы должны были состоять на учете в бирже труда. И лишь она направляла их на работу. Но биржа брала на учет только членов профсоюза, имеющих рабочий стаж, квалификацию.

Узбечка или таджичка, снявшая паранджу или добившаяся развода с мужем и оказавшаяся без средств к существованию, в профсоюзе не состояла. И о какой уж там рабочей квалификации могла идти речь! Пришлось правительствам республик дать биржам специальное указание оказывать женщинам всяческую помощь при устройстве на работу. Комиссии улучшения быта тружениц (КУБТ) при ЦИКах, опираясь на эти указания, создавали для них специальные швейные артели, прачечные, вышивальные и т. д.

Осенью 1927 года было созвано широкое краевое совещание работников среди женщин, в котором приняла участие заведующая отделом работниц и крестьянок ЦК ВКП(б) А. В. Артюхина. С глубоким вниманием обдумав директивы Центрального Комитета партии и учтя богатый положительный опыт местных партийных организаций, а равно их ошибки и промахи, совещание наметило ближайшие задачи в работе среди женщин.

С новыми силами и более широким фронтом наступление продолжалось... Теперь оно охватило все республики Средней Азии, правда, в каждой из них наступление проходило своеобразно: например, в Узбекистане и Таджикистане главным злом было затворничество, паранджа. В других республиках, например в Туркменистане, кроме борьбы против яшмака, борика и пуренджака требовалось обратить особое внимание на дальнейшее развитие и уточнение законов.

Коммунистические партии Киргизии и Казахстана, усилив борьбу с затворничеством среди узбекской части населения, проживавшего в южных областях этих

республик, в широких масштабах развернули организаторскую и политико-воспитательную работу в кочевых районах. Здесь был также непочатый край работы.

ЦК ВКП(б) в решении от 5 июня 1927 года не случайно указал на необходимость изучения процессов распада старых семейных отношений.

Действительно, разводы среди коренного населения приняли в тот период массовый характер. Например,

Видные работницы среди женщин:
(слева направо) С. Т. Любимова, Н. В. Попова, А. В. Артюхина,
М. Ф. Муратова, Е. А. Попова, Е. А. Росс

в народном суде старых районов Ташкента только в январе 1926 года находилось более 200 заявлений о разводе, причем почти все были поданы по инициативе женщин.

Могло показаться, что ничего удивительного в этом нет: распадалась старая феодальная семья, которая зиждилась на купле и продаже женщины, исключаящих всякую любовь и уважение супругов. И вот женщина решила воспользоваться данными ей впервые в истории правами порвать с принудительным замужеством. Но вскоре обнаружилось, что здесь не все правильно. Оказалось,

что не всегда развод производился в интересах женщины. Часто ее к этому подстрекали байские элементы и муллы, перепродавая разведенную за богатый калым. Естественно, это вызывало недовольство самих женщин и бедноты. Кроме того, некоторые женщины после развода оказывались бездомными и безработными.

Третья сессия ЦИК Туркменской ССР еще в октябре 1926 года приняла специальное решение о разводах, по которому разводы стали осуществляться только в судебном порядке, а не по заявлению одной из сторон в загс, как было раньше. Кроме того, сессия внесла в Уголовный кодекс специальную статью о строгом наказании за побуждение к разводу замужней женщины коренного населения.

Сессия запретила многоженство, еще раз подчеркнула необходимость повышения брачного возраста, дала право совершеннолетним девушке и юноше, обрученным в детстве по воле родителей, решать вопрос о браке по своему усмотрению.

Вторая сессия ЦИК ТССР второго созыва, состоявшаяся в ноябре 1927 года, подтвердила свое постановление о запрещении калыма, запретила обычай кайтарма — принудительного задержания замужней женщины в доме родителей с целью получить дополнительный калым, умыкание девушек, которое, как правило, вызывало кровную вражду и бесконечные тяжбы между отдельными семьями и целыми родами.

Творческая законодательная деятельность национальных республик в тот период нашла свое завершение в работе сессии ВЦИК РСФСР. Собравшись на свое очередное заседание в марте 1928 года в Москве, сессия ВЦИК приняла закон, который вошел в X главу Уголовного кодекса Российской Федерации как особое добавление, «О преступлениях, составляющих пережитки родового быта».

Проект закона был предварительно обсужден среди широких слоев населения, тысячи женщин высказали свое мнение и внесли поправки.

Сессия ВЦИК не ограничилась принятием закона. Она отметила в своем постановлении, что необходимо усилить культурно-массовую работу в восточных районах, увеличить ассигнования на строительство культурно-бытовых учреждений, раскрепощающих тружениц Востока. Особо

указывалось, что карательным мерам должна предшествовать самая широкая разъяснительная работа в массах на родном языке. Все это имело большое значение, особенно в отсталых, кочевых районах.

Среди кочевников было мало коммунистов, аульные Советы работали слабо, часто теряли связь с избирателями. Скотоводки-кочевницы были неграмотны, темны, привержены к старым обычаям, зависели от баев, манаров и духовенства. Мало кто из кочевниц знал о новых законах, жизнь текла по-старому.

Киргизский обком партии начал организованную работу в кочевьях с 1928 года. Группы партийных пропагандистов и культурных работников побывали в крупных кочевьях, женорганизаторы провели здесь широкую разъяснительную работу. В 1929 году был осуществлен новый большой поход в кочевья. Наметили его на лето.

Для богатых скотоводов летнее кочевье — это сплошной праздник. Все лето огромные белые юрты баев, украшенные искусным орнаментом, яркими вымпелами и гордыми султанами, красуются на цветущих альпийских лугах. Баи пьют кумыс, едят до отвала мясо, поют и танцуют со своими именитыми гостями.

А босые, голодные батраки и бедняки пасут их стада. Жены доят кобылиц, готовят кумыс, стригут овец, валяют войлок, прядут и ткут. И все на тех же баев. Даже дети работают на них.

Но и бедняки рады вольному чистому воздуху кочевий. Кончилась зима в сырых землянках, отшумели свирепые метели.

Сусамыр — один из самых обширных и обильных районов летних кочевий. Вот сюда-то и направил Киргизский обком летом 1929 года 14 партийных и советских работников, в том числе семь женщин: С. Тильбаеву — женорганизатора, К. Танину — заведующую «красной юртой», Шнейдрюкову — библиотекаря, Токонбаеву — заведующую детской площадкой, Хаустову — повара и двух учительниц.

В яркий солнечный день, при большом стечении народа на джайлау открылись две «красные юрты»: одна — общая, другая — для женщин. Патефон заиграл «Интернационал». Алый флаг поднялся и заплескался на фоне голубого неба, зареяли разноцветные флажки.

Старший из партийных работников выступил с коротким приветствием, рассказал о целях и задачах «красных юрт», пригласил всех присутствующих пожаловать в гости.

Общую юрту сразу же заполнили мужчины, а женская некоторое время пустовала. Девушки и молодые женщины с любопытством заглядывали внутрь юрты, но никто не решался первым переступить порог. Но вот толпа женщин раздвинулась и пропустила двух пожилых киргизок. Не спеша, с достоинством поклонились они юным комсомолкам, стоящим у входа, и вошли в юрту. Это были члены кочевого аульного Совета. За ними вошла группа девушек, а потом и остальные женщины. Усевшись тесной группой на толстом нарядном войлоке, они с любопытством рассматривали картины, книги, музыкальные инструменты, швейную машину. Все это они видели впервые в жизни, все хотелось попробовать руками, но робость одолевала.

За чашкой чая завязалась беседа. Хозяйки рассказали о своих планах, просили помощи и совета у своих гостей.

И началась работа. Открылась детская площадка, куда приняли детей батраков и неимущих скотоводов. Здесь же учили матерей правильному уходу за ребенком. Справочный стол открыл прием посетителей, работник его разъяснял батракам их права, писал заявления, письма, стремился помочь каждому кочевнику.

Открылась школа грамоты. Заскорузлые, негнувшиеся пальцы впервые в жизни взяли в руки карандаш. В пятницу — в день отдыха — у юрты собирались все скотоводы с женами и детьми. И начиналось «чудо». Стрекотал киноаппарат, и на белом полотне возникала Москва, Кремль. Вот мчался страшный зверь — поезд, плыл паром, шли в атаку красноармейцы...

Как замороженные, сидели кочевники. Старики восторгались не меньше детей. А после фильмов горячо обсуждали их. «Красные юрты» полюбились кочевникам. Здесь их приветливо встречали, старались помочь. В юрте можно было узнать новости о жизни близких и дальних стран, послушать чтение книги, газеты, лекцию или доклад.

В юрте выходила интересная «живая газета», от которой крепко доставалось баям-чужеспинникам, любителям брать калым, обижать женщину.

Большую работу вели на кочевьях школы грамоты. Активисты организовали на Сусамыре 36 школ, из них 12 женских. Школы обучили 1170 человек, и в том числе 965 киргизок. Учились даже глубокие старики.

Почти при всех школах ликбеза были организованы кружки художественной самодеятельности. Взрослым нравились выступления хора, а молодежь увлекалась занятиями по физкультуре, устраивала «богатырские» соревнования по борьбе и бегу, скачкам.

Школы грамоты при умелом организаторе вполне оправдывали себя как одна из лучших форм массовой и политической воспитательной работы среди трудового населения.

На Сусамыре работали две первые в Киргизии общеобразовательные школы, где обучалось 70 детей, из них 20 девочек. Были созданы также в двух местах курсы по агрономии.

После такой большой подготовительной работы 15 июля 1929 года в Дуван-каче, в месте стоянки кочевого Совета, был созван съезд женщин. Все кочевья, близкие и дальние, были заранее оповещены о съезде. Из уст в уста передавалось, что будет большой женский праздник. Съехалось 305 женщин и 706 мужчин.

Собрались под открытым небом. Уселись на зеленую траву. Для почетных гостей — пожилых делегатов были расстелены кошмы возле стола, за которым разместился президиум. Съезд открыла женорганизатор С. Тильтаева. Затем делегаты с большим вниманием выслушали доклад о раскрепощении женщин и отчет о деятельности кочевого Совета. После доклада выступило 18 женщин. Они благодарили Коммунистическую партию за приглашение на съезд, за заботу о женщине-киргизке и вместе с тем жаловались на отсутствие медицинской помощи, на то, что мужья не разрешают им учиться.

После окончания съезда делегатов пригласили на торжественный обед, который прошел очень весело. Нарядные, оживленные женщины гордо сидели за столом, а мужчины подавали угощение. Сам председатель кочевого Совета, в пример остальным мужчинам, первым принялся ухаживать за гостями в знак своего уважения. Затем состоялись скачки, борьба, игры, пляски, пение.

Так, разнообразя формы своей большой и благодарной работы, посланцы партии пробуждали от многовекового сна самые глубокие, самые темные, самые забытые слои тружеников и тружениц Советского Востока. Нелегко был путь женорганизаторов и других работников среди женщин, но он увенчался успехом. Дочь Востока выходила на светлую и широкую дорогу жизни.

ХОЗЯЕВА СВОЕЙ СУДЬБЫ, СВОЕЙ СТРАНЫ

САМЫЙ ВЕРНЫЙ, САМЫЙ НАДЕЖНЫЙ

Последовательно осуществляя ленинскую национальную политику, Коммунистическая партия Советского Союза обеспечила невиданные в истории темпы развития экономики национальных республик. В результате этой политики Средняя Азия из отсталой колонии царской России превратилась в передовой, промышленно развитый край.

Здесь заново создана металлургическая, нефтяная, химическая промышленность, построены крупные электростанции, заводы по производству сельскохозяйственных машин и тракторов, цементные заводы, текстильные и пищевые комбинаты и многие другие промышленные предприятия.

Женские рабочие руки, освобожденные от пут затворничества, нашли самое широкое применение на заводах и фабриках. Вовлечение женщины в производство оказалось самым верным, самым надежным путем ее раскрепощения. Участие в общем производительном труде обеспечило женщине материальную и моральную неза-

висимость от бая и патриархальной семьи, от засилья ислама.

Каждое промышленное предприятие стало «крепостью независимости» для женщины Востока, ее опорой, а одновременно и ее «университетом».

Первыми предприятиями, где наиболее широко использовался женский труд, были шелкомотальные фабрики. Дело это для восточницы было не новое, поэтому на фабрике она довольно быстро осваивала необходимые производственные операции. Только очень трудно было ей привыкать к условиям: восточницы работают, сидя на полу или на корточках, а на фабрике надо часами стоять на ногах. Не сразу усвоили и дисциплину. На работу нужно ходить ежедневно, в любую погоду, а это тоже нелегко. Поэтому находились всякие причины для прогулов: то непогода, то приезд родственников из кишлака, то еще что-нибудь.

Но постепенно с помощью женорганизаторов, профсоюзного актива, русских подруг восточница привыкла к организованному фабричному труду. Большую роль в перевоспитании работниц сыграло социалистическое соревнование, которое развернулось в 1929 году на шелкомотальных фабриках.

Опыт Советского Востока еще и еще раз опровергает старую «истину», что удел женщины — быть позади. В Средней Азии социалистическое соревнование началось на «женских» предприятиях. Зачинательницей выступила Ашхабадская шелкомотальная фабрика и почти одновременно самаркандская фабрика «Худжум».

Ашхабадская фабрика еще недавно находилась в числе отстающих. План первого квартала 1929 года она выполнила всего на 50—60 процентов. Чтобы подтянуть фабрику, избрали штаб социалистического соревнования и ударничества. Ввели в его состав представителя парткома — женорганизатора, членов фабкома, комсомольцев, лучших работниц. По цехам прошли митинги. Начали выпускать ежедневный листок «Подтянись!», где остро критиковали разгильдяев, лодырей, прогульщиков. Это действовало.

Лучшие работницы предложили организовать ударные бригады. Первая бригада в пять дней повысила производительность труда на 10 процентов. Работницы стали соревноваться индивидуально, заключали договоры друг

с другом. За короткий срок прогулы сошли на нет, план второго квартала был выполнен в срок. Хорошими были результаты и года в целом.

На Ферганской шелкомотальной фабрике социалистическое соревнование началось в апреле 1929 года. До этого она тоже не могла похвастать успехами. За первое полугодие 1928/29 хозяйственного года здесь было 5522 прогула. Выбраться из отстающих фабрике во многом помогли производственные совещания как в цехах, так и в бригадах. Здесь откровенно вскрывались все «болячки», и прогульщики держали ответ перед всем коллективом. В ударные бригады на первых же порах вошло до 30 процентов работниц. На видном месте поставили доску показателей, где записывалась ежедневная выработка бригад, выделили небольшой премиальный фонд. За короткий срок, прошедший после производственных совещаний, в штаб соревнования поступило 90 рационализаторских предложений. Чтобы повысить квалификацию работниц из местных национальностей, создали производственный кружок, в который сразу же записалось 50 женщин. Фабрика основательно подтянулась и в следующем же квартале выполнила план.

Из года в год росло применение женского труда в промышленности республик Средней Азии. В 1927 году женщины составляли в общем числе рабочих 8,4 процента, к 1928 году — уже 12, к 1930 году — 20,1, к 1931 году — 21,4 к 1932 году — 22,1 процента.

За пять лет на производство пришло более 15 тысяч работниц.

В шелкомотальной промышленности в 1932 году работало 2350 женщин коренного населения, а в 1926 году во всей промышленности Средней Азии было 212 узбечек, четыре таджички, всего одна туркменка и одна киргизка.

Но и в 1932 году число женщин, занятых в промышленности, все еще было невелико. На крупнейшем предприятии Узбекистана — на Ташкентской текстильной фабрике в 1932 году работала 1151 женщина. И только 166 из них были узбечки.

Наряду с широким вовлечением женщин в производство Советское правительство усилило мероприятия по охране женского труда: был издан ряд законов, ассигнованы средства. В некоторых тяжелых и вредных произ-

водствах женский труд был запрещен совсем, в ряде случаев установили предельные нормы переноски и передвижения женщинами тяжестей.

В основу этих обязательных постановлений и законодательных актов были положены данные научно-исследовательских институтов по охране труда, лечебных учреждений и ряда предприятий, где велось специальное изучение условий женского труда.

Была развернута серьезная научно-исследовательская работа по изучению условий женского труда, особенно в новых отраслях промышленности, где женский труд применялся впервые.

Большое внимание уделялось подготовке женских рабочих кадров. На 1 января 1932 года в школах ФЗУ Узбекистана обучалось 14 757 девушек, в Киргизии — 5045, в Туркменистане — 662, в Таджикистане — 912 девушек.

Особое место в подготовке женских кадров занимает обучение рабочих и работниц Средней Азии на предприятиях крупных промышленных центров Московской, Ивановской и Тверской областей.

Нелегко было решиться женщине-восточнице отправиться на 2—3 года далеко от дома, поэтому многие ехали целыми семьями. Первыми на подмосковную Реутовскую фабрику в 1926 году выехали 48 семей туркмен. Среди них была вдова Хесел Непесова и бежавшие от байской кабалы Мариджамал и Огульгерек. Первая была четвертой женой бая Гелды Семизлера, а вторая — третьей женой бая Гаиба Яныка.

Работа на крупных предприятиях в центре России, в гуще передовых кадров рабочих высокой квалификации произвела целый переворот в сознании восточниц, по-новому повернула их судьбу.

Вот что рассказывает об этом Айна Курбанова.

«Я обучалась в составе первой группы туркменок на Реутовской фабрике в числе 93 своих подруг-туркменок. Родилась в ауле Ходжа-Кала Кизил-Арватского района в 1904 году. Отец умер, когда мне было 12 лет, мать вышла вторично замуж за коммуниста Ашира Кулиева. Он был передовой человек, научил меня грамоте и отпустил учиться в Москву.

1 января 1926 года в Центральном доме дехканок собралось 20 туркменок. Здесь мы пробыли три дня. Нам показали место, где предполагалось построить текстиль-

ную фабрику,— большой пустырь, заросший колючками.

...На Реутовской фабрике мы пробыли с начала 1926 года до лета 1929 года. Здесь в 1927 году я вступила в кандидаты, а в 1928 году — в члены Коммунистической партии.

На разряд мастера я сдала экзамен на иваново-вознесенском текстильном комбинате «Красная талка», пройдя двухмесячные курсы Центрального института труда в городе Иванове.

Домой, в Ашхабад, мы вернулись в августе 1929 года, а 7 ноября торжественно открылась текстильная фабрика, где я начала работать сначала мастером, а потом инструктором прядильного цеха.

Через два года меня направили учиться в Коммунистический университет, а оттуда в ноябре 1933 года по партийной мобилизации послали в политотдел Дейнау-ского района. Там я работала заместителем начальника политотдела по работе среди женщин. После ликвидации политотделов была председателем сначала Каахкинского, а потом Геок-Тепинского райисполкомов.

В 1935 году мне оказали большую честь, избрав депутатом Верховного Совета республики, в который я затем избиралась несколько раз, вплоть до 1955 года. Почти десять лет я работала министром социального обеспечения своей республики. Потом училась в республиканской партийной школе, сейчас руковожу «самой женской» организацией — «Туркменским ковровым союзом».

Вот какой большой путь прошла эта некогда темная туркменка.

Это был путь многих, получивших свою трудовую за-
калку в Реутове. Вот Хесел Непесова. Она много лет проработала на Ашхабадской текстильной фабрике, избиралась в состав ЦИК республики, была делегатом IX Всесоюзного съезда профсоюзов. Ныне Хесел получает персональную пенсию.

Три года проучилась в Москве Шахниязова, бывшая мастерица по ковроткачеству. Вернувшись в Ашхабад, она стала работать инструктором ткацкого цеха, обучила ткацкому мастерству 20 туркменок. В последующем она была выдвинута в Центральный совет профсоюза хлопчатобумажников.

Пройдя хорошую школу на московской фабрике,

Хайры Муррикова стала ударницей производства, возглавила социалистическое соревнование на ашхабадской фабрике. Она избиралась делегатом V съезда Советов Туркменской ССР, была членом ЦИК республики и делегатом VII Всесоюзного съезда Советов в 1935 году.

На всю жизнь благодарны восточницы русским работникам, которые окружили их дружеским вниманием, не жалея времени, учили тонкостям мастерства, приглашали их в гости.

Огромное воспитательное значение имели революционные традиции русского рабочего класса, его классовая сплоченность, трудовой героизм, отзывчивость и верность в дружбе, готовность всегда прийти на помощь товарищу. Обучение в центре страны стало для женщин Востока школой не только производственного мастерства, но и богатого революционного и жизненного опыта и интернационального воспитания. Возвратясь из Москвы, они стали инициаторами социалистического соревнования, с энтузиазмом передавали другим опыт и знания, приобретенные ими. А в душевных беседах подолгу рассказывали молодым работницам о жизни русских сестер, об их доброте и дружеской, братской помощи, об активном участии в строительстве новой жизни.

Пример женщин, вернувшихся из Москвы, вдохновлял и звал за собой многих, особенно молодежь.

В апреле 1932 года вступил в строй Ходжентский (ныне Ленинабадский) шелковый комбинат. Сначала сюда пришло только 300 таджичек, а спустя год их было уже 1500, причем 500 из них носили звание ударниц производства¹.

Газета «Правда Востока» 28 января 1933 года рассказывала об ударнице шелкокомбината Мирзоевой. С большим трудом эта энергичная женщина вырвалась из оков семейного рабства. Только с помощью местных партийных организаций ей удалось уйти от многоженца-мужа и поступить на производство. Новая жизнь захватила ее — труд в коллективе, самостоятельность, культурные условия быта. Это было радостно, необычно. Мирзоева решила помочь и другим женщинам, которые жили в нужде и зависимости. Она стала заходить в глухие кварталы старого города, заглядывать в ичкари. Соберет во-

¹ Газета «Коммунист Таджикистана», 5 февраля 1933 г.

круг себя группку женщин и расскажет им, да ярко, с примерами, о своей фабрике, о людях, друзьях. А потом следующая ичкари, и опять заворожено слушают ее таджички. В выходные дни Мирзоева, забыв про отдых, посещала ближайшие кишлаки, старалась больше заходить к вдовам и многосемейным. Надо ли говорить, что это была одна из самых сильных агитаций за новую жизнь.

К концу 1933 года на ходжентском комбинате организовалась вторая смена и число работниц выросло еще на две тысячи человек. Комбинат стал настоящей кузницей первых женских кадров из коренного населения, крупным центром борьбы с вековым затворничеством таджичек и узбечек. Условия труда, техника, требующая ловкости, точности и свободы движений, заставляли работниц скинуть черный чачван и серую паранджу — свою «передвижную тюрьму».

Женщина шла сюда не только для заработка. Входя в комбинат, она вступала в новый мир, шла за новым словом, за новой жизнью.

На Канибадамском фруктоочистительном комбинате к концу первой пятилетки работало 1233 человека, почти половину из них составляли таджички. Скоро в республике прославились имена лучших ударниц комбината — Канровой, Ташматовой Турсун-биби, Хантовой Тухта-биби. 1 января 1933 года эти энтузиастки обратились ко всем рабочим, работницам, инженерно-техническому персоналу предприятий, фабрик и новостроек Средней Азии с призывом развернуть социалистическое соревнование за досрочное выполнение планов пятилетки. В ответ тысячи рабочих и работниц стали в ряды ударников, значительно перевыполнили свои обязательства.

Многие работницы были выдвинуты на руководящую работу. Директором Ферганской шелкомотальной фабрики стала узбечка Ташбаева, Ашхабадской текстильной фабрики — туркменка Полтаева, Самаркандской шелкомотальной фабрики — узбечка Мирджанова. В аппарат треста «Туркшелк» была выдвинута узбечка Халматова. Мирзоева стала помощником директора ходжентского комбината.

Появились женские ударные бригады. В 1934 году женской ударной бригаде Ашхабадской шелкомотальной фабрики, взявшей первенство в конкурсе на лучшую

мотальщицу, присвоили славное имя вождя Коммунистической партии Болгарии Георгия Димитрова. Бригада была занесена на республиканскую Доску почета.

В 1935 году Набат Курбанова — первая из работниц Туркменистана — была награждена орденом Ленина. Она участвовала на приеме в Кремле, устроенном правительством СССР в честь делегаций Туркменской и Таджикской ССР в декабре 1935 года. Вернувшись домой, Курбанова выступила на одном из собраний, обсуждавшем проект Конституции, и рассказала об этом выдающемся событии.

— Я, простая работница-туркменка, сидела за одним столом с руководителями партии и правительства. Радость переполняла мое сердце, когда я слушала слова, обращенные к нам, представителям Туркменистана и Таджикистана,— вспоминала Набат.— Я подумала тогда, как ни тяжело приходилось мне в юности, один такой вечер в Кремле заставит забыть о всех несчастьях прошлого... Я знаю, что наши успехи — большая радость для всей партии, и потому хочется всюду успевать и делать вдвойне, втройне больше, чем до сих пор.

Год за годом неудержимо росла индустриальная мощь Советского Союза, высокими темпами развивалась промышленность ранее отсталых национальных республик Средней Азии, росли местные кадры рабочего класса, и в том числе женские.

В 1940 году в промышленности Узбекистана было занято 40 тысяч женщин, в Туркменистане в 1939 году — 27,5 тысячи, в Таджикской ССР в 1938 году — 20 тысяч работниц.

НА КОЛХОЗНЫХ ПОЛЯХ

Своими путями, не менее тернистыми, пришла к свободной и счастливой жизни и дехканка Средней Азии.

Преодолеть отсталость, поднять производительные силы сельского хозяйства помогла коренная социалистическая перестройка деревни. Коллективизация означала не только революционный переворот в организации сельского хозяйства, она преобразила быт и психологию труженников, навсегда покончила с темнотой и невежеством

дехканских масс, создала все условия для полной экономической и правовой независимости дехканки.

Партия приложила много сил, чтобы подготовить женские крестьянские массы к широкой коллективизации как путем развертывания политико-воспитательной работы, так и вовлечения их в простейшие кооперативные объединения — по шелководству, птицеводству, в товарищества по совместной обработке земли и т. д.

9 февраля 1931 года Средазбюро ЦК ВКП(б) обсудило вопрос о вовлечении батрачек, беднячек, середнячек в колхозное строительство и приняло развернутое постановление, в котором отметило, что партийные организации республик, проводя массовую коллективизацию крестьянских хозяйств, забывают о крестьянке. Очень мало женщин принято в члены артелей, их не избирают в правления, недостаточно заботятся об использовании женского труда на сельскохозяйственных работах.

Поэтому всем партийным организациям было предложено добиться во время весенне-посевной кампании 1931 года решительного перелома в вовлечении батрачек, беднячек, середнячек в колхозы, смелее выдвигать их на руководящую работу, регулярно проводить совещания женского актива, слеты по обсуждению производственных планов, итогов социалистического соревнования, культурно-бытового обслуживания, экскурсии единоличниц в соседние колхозы, совхозы, МТС и передовые коллективные хозяйства РСФСР.

Средазбюро рекомендовало также организовать областные или республиканские курсы по подготовке женских кадров для руководства колхозным производством и для женского колхозного актива¹.

Во всех крупных хлопковых районах и в 11 совхозах были введены штаты женорганизаторов.

Сев 1931 года в республиках Средней Азии прошел очень организованно. В колхозы вошло много женщин.

На весь Советский Союз прогремела слава о трудовом героизме колхозниц Фарабского района Туркмении. В связи с уходом мужчин на хошарные² работы, весен-

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 16, д. 43, л. 127—129.

² Очистка оросительных каналов.

ний посев хлопчатника был поставлен под угрозу провала.

Спасли положение женщины. Не дожидаясь возвращения мужчин, они взялись сами засеять 4600 гектаров хлопчатника и 1500 гектаров других культур. Они вывезли на поля в три раза больше удобрений, чем это предполагалось по плану, тщательно очистили семена, провели две вспашки, боронование. Окончив посев хлопчатника и люцерны, посадили тутовые деревья для колхоза. На севе трудилось 2617 женщин во главе с ударницей Ниязгуль Розыбаевой. Она первая взялась за плуг. Сначала вышла в поле одна. Два дня работала в одиночку. На третий день к ней присоединилась еще одна колхозница, комсомолка. На них смотрели с осуждением: вот-де взялись женщины за мужское дело. Но это не смутило ударниц. На помощь им пришли коммунисты и комсомольцы. Вместе с Ниязгуль они обходили дворы колхозниц и уговаривали их выйти в поле.

Первая победа была одержана в колхозе имени Айтакова. Здесь женщины в короткий срок завершили сев и решили помочь отстающим колхозам. Во главе ударной «буксирной» бригады Ниязгуль отправилась в соседние колхозы.

Рядом с Ниязгуль трудилась Рузы Давлет. Она хорошо изучила сельскохозяйственный инвентарь и стала настоящим механиком. Неутомимо объезжая поля, Рузы регулировала работу плугов и сеялок, учила женщин обращаться с ними.

Почин Фарабского района был поддержан женщинами всей Туркмении. В 1931 году на посеве хлопчатника в республике участвовало 15 882 женщины, на уборке — 72 тысячи женщин.

Семь тысяч женских бригад было создано по Узбекистану в посевную кампанию 1931 года. Здесь особенно отличились труженицы Коканда.

А на следующую весну их стало еще больше. В Фарабском районе 95 процентов полевых работ, связанных с пахотой и севом хлопчатника, выполнили женщины. Борясь за короткие сроки сева, они работали в три смены, днем и ночью, и одними из первых в республике засеяли 12 тысяч гектаров и получили переходящее знамя ЦК КП(б) Туркменистана и 20 тысяч рублей премии.

Ниязгуль Розыбаева была награждена орденом Трудового Красного Знамени; первой из туркменок стала председателем районного исполкома. Ряд колхозниц был выдвинут заместителями председателей колхозов, председателями аулсоветов, бригадирами.

Газета «Правда Востока» 14 марта 1932 года сообщала о новых трудовых успехах женщин: в Карабека-

В детском саду

ульском районе (Туркменистан) на пахоте и вывозке удобрений работает больше тысячи дехканок; в колхозе имени Ленина и других артелях все мужчины до одного заняты на постройке канала, а на пахоте и севе работают женщины; в Дейнауском районе все взрослые мужчины на хошарных работах, но пахота идет успешно, планы выполняются досрочно — на пахоту вышли женщины; в Чарджоуском районе участие дехканок решает успех большевистской весны, здесь 110 женщин — бригадиры по хлопку; в Фарабе кончают курсы 60 трактористок; в Карабекауле 900 женщин прослушали лекции по агротехнике.

Женщины соревновались с мужчинами и между собой. На полевых станах было организовано общественное питание. В колхозах открывались ясли, чтобы женщины могли спокойно работать в поле.

Перед весенне-посевной кампанией в 43 районах Узбекистана провели слеты колхозниц. Такие же слеты кетменшиц прошли в районах перед окучкой хлопка.

Наряду с такой активизацией летом 1932 года женотдел Средазбюро выявил, что в ряде районов и колхозов женщин официально членами колхозов не проводили.

Даже в передовом Янги-Юльском районе Узбекистана, в районе сплошной коллективизации, юридически состояли членами артелей всего 4 процента колхозниц. Были случаи механического зачисления в колхоз жены совместно с мужем. Не всегда женщины имели собственные расчетные книжки.

Например, в 51 колхозе Марыйского района Туркменистана в период обработки хлопчатника было создано 105 женских производственных бригад. Две женщины работали председателями колхозов, 23 являлись членами правления. Но из 15 тысяч дехканок членами артели была оформлена лишь 541; трудодень записывался мужу, брату или отцу. И даже в прославленных краснознаменных колхозах передового Фарабского района женщинам не давали ходу. В мае 1932 года всех женщин-бригадиров заменили мужчины, 249 активно работавших колхозниц не оформили в члены сельхозартели. Шесть трактористок, не встретив нужной поддержки, были вынуждены уйти с работы.

Средазбюро ЦК ВКП(б) снова проводит специальный «двухнедельник», посвященный усилению роли женщин в колхозах. В помощь местным парторганизациям в колхозы были посланы опытные партийные работники из центра. Республиканские газеты широко освещали опыт передовых колхозов и ударниц, организовывали выезды в отличившиеся колхозы. В этот период партия особое внимание обращает на подготовку женщин-трактористок. В РСФСР и на Украине прославились первые женские тракторные бригады. А в Средней Азии среди 10 тысяч обучавшихся на курсах трактористов было лишь 47 женщин.

Чтобы ускорить и облегчить учебу колхозниц-восточниц, были выделены ударные участки по подготовке трак-

тористок и полеводов. По Узбекистану их было шесть, Туркменистану — четыре, Киргизии — три, по Таджикистану — три.

Первые молодые дехканки поступили учиться в Среднеазиатский техникум механизации. Из Киргизии приехали пять девушек, из Узбекистана — 10, из Туркмении — 10, из Таджикистана — пять¹.

Второе Среднеазиатское совещание женсекторов партийных комитетов (январь 1932 года) отметило возросшую активность женских колхозных масс в борьбе за выполнение хлопковой программы и за организационно-хозяйственное укрепление колхозов, за развертывание социалистического соревнования и ударничества. В 61 хлопковом районе Средней Азии работала 11 171 женская производственная бригада. Число женщин — членов сельскохозяйственных артелей возросло до 189 117.

Совещание указало, что в связи с широким использованием женского труда в колхозах необходимо обратить особое внимание на правильную организацию и оплату женского труда.

В связи с этим в программу женских школ ликбеза и школ малограмотных вводились вопросы организации труда в колхозах. Их изучали также в производственных кружках при клубах, красных уголках, юртах, женских лавках. На полевых станах устанавливались доски соревнования и «галереи почета» с портретами лучших колхозниц.

Рекомендовалось также перед каждой сельскохозяйственной кампанией проводить слеты колхозниц. Здесь выступали лучшие бригадиры, ударницы, оглашались результаты социалистического соревнования между бригадами, колхозами, отдельными районами, заключались новые договоры на соцсоревнование, причем по форме они были яркими, с интересными фактами и примерами.

Колхозницы-ударницы Старо-Бухарского района, вызывая на соревнование тружениц Ферганы, писали:

«В эмирской Бухаре над женщиной стояли пять хозяев. Первый — это бог, второй — эмир. Никаких зако-

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 16, д. 20, л. 14, 15.

нов, кроме шарната, никакой воли, кроме воли эмира, не знали мы. Эмир смотрел на Бухару как на свое имущество, а на нас — как на своих рабов. Третьим нашим хозяином был тот, кто давал работу, в чьих руках была земля и вода, то есть бай, четвертый хозяин — мулла и пятый — муж.

А теперь мы сами хозяева над собой, над землей и водой и над собственным счастьем. Давайте работать хорошо — порадуем свою Родину богатым урожаем, прославим себя ударным трудом!..»

Важнейшей вехой в истории раскрепощения женщины-крестьянки явилось принятие «Примерного устава сельскохозяйственной артели».

Устав был горячо встречен всеми тружениками сельского хозяйства. Радостно приветствовала его женщина Советского Востока. Она становилась подлинной, законной хозяйкой своей судьбы, своей страны.

«Старая жизнь была темная, тяжелая. В ней не было никакого просвета,— писали колхозницы артели «Большевик» Байрам-Алийского района в газету «Шуралар Туркменистаны». — Женщины продавали своих дочерей в раннем возрасте, которые потом становились рабынями своих мужей. Даже после смерти мужа женщина не имела права распоряжаться своей судьбой и, как скот, передавалась брату мужа... Сирота Энебай в девятилетнем возрасте была продана братом за 50 пудов пшеницы. Теперь ее положение изменилось в корне. В прошлом году Энебай сама получила за трудодни в колхозе 250 пудов пшеницы. Мы вырываем с корнем старые адаты, теперь над нами не имеют силы старые ханские законы... Мы стали действительно равноправными колхозницами».

В 1930—1935 годах Среднюю Азию трижды посетил пламенный трибун, бесстрашный борец с фашизмом, горячий друг советских народов Юлиус Фучик. Он побывал на строительстве Ташкентского текстильного комбината, в Самарканде, на Чирчикстрое, в колхозах Ферганы и написал ряд очерков. «...Некоторые древние колониальные народы здесь, по словам Ленина, растут от феодализма прямо к социализму, минуя эпоху капитализма,— писал в своих очерках Фучик.— Это были слова, которые Ленин сказал про огромную часть народов мира.

Здесь, в советской Средней Азии, снова находишь великолепнейшее подтверждение большевистской правды»¹.

Подтверждение ленинской правды нашел Фучик и в новом отношении к женщине-восточнице. В очерке «Нуриниса Гулям едет на осле» Фучик говорит: «...Многое изменилось в судьбе женщины Советского Востока, упала перегородка между женской и мужской половиной дома, свободно выглянуло лицо женщины из темниц чадры и паранджи. Женщина появилась на фабриках, на заводах, в учреждениях. Женщины стали свободными, самостоятельными, равноправными, и труд их дал им уважение, которое отнимал у них когда-то ислам.

Но один старый обычай удержался. На базар муж ездит на осле, наконец на верблюде, а жена идет рядом с ним пешком». Далее в очерке рассказывается, как Нуринису, лучшую работницу, вызвали в Москву. Муж уважал Нуринису и до этого. Но все же на базар он ездил на осле, а она шла пешком.

В Москве, в Кремле, Нуринису наградили орденом. И вот она возвращается домой. «...Когда же запыленный поезд остановился и Нуриниса вышла из вагона, муж взял ее за руку, молча и торжественно провел по перрону и на площади перед вокзалом посадил на разукрашенного осла. Сам он пошел рядом, серьезный и гордый. Так он прошел весь кишлак, а потом взял жену под руку и ввел ее в дом. Так Гулям победил свой последний предрассудок, последний старый обычай, который напоминает старое прошлое восточной женщины-рабыни...

Веселая история с Нуринисой и ее мужем — это мажорный аккорд в измененной женской судьбе, это уже только отстранение маленького камешка с дороги восточной женщины, с дороги, на которой в течение целых веков стояли непроходимые препятствия»².

А вот еще один портрет. Фучик знакомит читателей с Тоджихон Шадиевой, некогда покорной рабыней многоженца-мужа, а ныне секретарем райкома партии в цветущей Ферганской долине.

«Она пришла сюда три года тому назад в качестве начальника политотдела, и под ее руководством колхозы

¹ Юлиус Фучик, Избранное, Гослитиздат, 1955, стр. 452.

² Там же, стр. 478, 479.

района впервые перевыполнили план сбора хлопка. На ее груди появился орден Ленина, а в ее колхозах зажиточная жизнь».

Тоджихон соревнуется за лучший урожай хлопка с соседним районом, где секретарем райкома ее муж. Старый мираб Расуль Мирбабаев на вопрос писателя, каково его мнение об этом соревновании, уверенно отвечает:

«Ну как же! Ведь мы с Тоджихон не можем проиграть! ...А поскольку так сказал старый узбек — это звучало как торжественное признание силы новой женщины Советского Востока»¹.

С победой колхозного строя новое отношение к женщине окончательно закрепилось. Уже в 1938 году в Узбекской ССР было объединено в колхозы 98,8 процента крестьянских дворов. Из 1 765 700 человек, работавших в колхозе, 45 процентов составляли женщины².

В Туркменской ССР в 1938 году в колхозы объединилось 96,9 процента крестьянских дворов. 150 тысяч женщин составляли 44 процента трудоспособного сельского населения, 31,8 процента всех трудодней в 1938 году были выработаны колхозницами³.

В 1938 году был достигнут решительный перелом в выдвижении женщин на руководящие посты в сельском хозяйстве. В Узбекистане председателями колхозов работали 267 женщин, заместителями — 487, председателями ревизионных комиссий — 171, бригадирами-полеводцами — 1002, агрономами, зоотехниками — 13, заведующими фермами — 41⁴.

Где бы ни трудилась женщина, она всюду показывала пример добросовестного отношения к порученному ей делу.

ВМЕСТЕ СО ВСЕМ НАРОДОМ

Вместе со всем Советским Союзом республики Средней Азии построили социализм. Мирный труд Страны Советов был прерван вероломным нападением гитлеровской Германии. Среднеазиатские республики, как и все брат-

¹ «Заря Востока» № 7, 1955 г., стр. 66—67.

² См. «Узбекистан за 15 лет», стр. 100.

³ См. «15 лет Туркменской ССР», стр. 25.

⁴ См. «Узбекистан за 15 лет», стр. 99.

ские республики великого Советского Союза, выполнили свой долг в битве с врагом. В грозные дни войны тысячи сыновей и дочерей Советского Востока взяли оружие и встали на защиту своей священной Родины. Ушедших на фронт мужей, братьев и сыновей заменили жены, сестры, матери.

Сачли Дурсунова

В ответ на призыв партии «Все для фронта, все для победы!» многие девушки Средней Азии добровольно вступили в ряды Советской Армии. Пройдя военно-санитарную, военно-техническую подготовку, они отправлялись на фронт санитарками, медицинскими сестрами, радиотехниками. Первые выпускницы медицинских институтов стали военными врачами.

Сачли Дурсунова, окончив Туркменский медицинский институт, стала капитаном медицинской службы, уча-

ствовала в жарких боях на Волге, в освобождении Украины, Крыма. Сачли награждена боевым орденом Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией в Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Ниязгуль Кулиева, дочь известной деятельницы Туркменистана Эне Кулиевой, до войны была врачом на Ашхабадском стекольном заводе. Все годы войны она была в армии, работала в фронтовых госпиталях, получила звание майора медицинской службы, награждена боевыми орденами и медалями. Многие славные дочери Советского Востока также отмечены боевыми наградами. Это женщины Киргизии Герой Советского Союза Клавдия Пасько, дочь прославленного полководца Советской Армии И. В. Панфилова Валентина Панфилова, замечательный снайпер Зайнап Киргизбаева, капитан медицинской службы Рафа Айдзибекова, старший лейтенант Гульвар Игембердиева, Тамара Ишеналиева, таджички врач Софья Мухамедовна Ниязова, медицинская сестра Саида Алибаева, врач Шахри Хайдарова, их русские сестры из Таджикистана Е. Локшина, А. Исаева и многие другие.

Не покладая рук, доблестно трудились женщины Средней Азии в тылу, помогая ковать победу над врагом. Только на ташкентские фабрики и заводы в те годы пришло около 20 тысяч женщин. 1700 славных патриотов вызвались работать на узбекской кочегарке «Ангрен». Самоотверженным трудом женщин была создана новая топливная база республики.

Промышленность республики ощущала острую нужду в электроэнергии, и тысячи женщин включились во все-народный поход за электрификацию. Они самозабвенно трудились на народных стройках. Поистине героическим был их труд на Фархадской гидроэлектростанции.

Около 30 тысяч новых работниц пришли на предприятия Туркменистана за первые два года войны. Они успешно овладевали новыми, «мужскими» профессиями. На Ашхабадском механизированном стекольном заводе имени М. И. Калинина 70 женщин стали хорошими дизелистами, слесарями, электриками. В Ашхабадском паровозном депо 84 женщины работали машинистами, слесарями, токарями.

В Таджикистане удельный вес женского труда на предприятиях за годы войны поднялся до 50 процентов.

В Исфаринском районе 200 тружениц стали шахтерами, нефтяниками, электриками. Только на предприятиях Ленинадской области было организовано 29 женских фронтовых бригад. Более 20 тысяч женщин Таджикистана получили медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Ниязгуль Кулиева

Женщины Киргизии смело пошли на каменноугольные шахты Кызыл-Кии. Уже через три месяца после начала войны здесь трудились 800 работниц — мотористов, проходчиков, навалоотбойщиков.

До войны республики Средней Азии не сдавали хлеба государству. Во время войны здесь значительно увеличались посевные площади под пшеницей, и республики стали снабжать фронт хлебом. Колхозы держались на плечах женщин, подростков и стариков. На полях Киргизии уже осенью 1941 года работало 3070 трактористок

и 600 комбайнеров. Тысячи тонн сахарной свеклы сверх плана сдала в фонд Советской Армии звеньевая колхоза «Кызыл Аскер», жена героя-панфиловца Керимбюбю Шопокова (ныне Герой Социалистического Труда).

В Таджикистане более четырех тысяч женщин работали председателями, бригадирами, звеньевыми, заведовали фермами колхозов, около 30 — водили тракторы.

Республики Средней Азии разместили в своих городах и селах сотни тысяч эвакуированных, а затем раненых воинов. Партийные и комсомольские организации приняли самые энергичные меры по их размещению и созданию всех условий. Особенно горячо боролись за это комсомольцы. Они считали своей главной обязанностью устройство раненых. Секретарем горкома ЛКСМ в Душанбе в то время работала Анзурат Рахимова, ныне секретарь Ленинабадского обкома партии, депутат Верховного Совета Таджикской ССР.

Однажды поздно вечером в горком пришла телеграмма из ЦК комсомола: «Обеспечьте размещение раненых, окажите необходимую помощь, выезжайте встречать эшелон станцию Арысь». Всю ночь не спала Анзурат. Рано утром побежала за советом к секретарю горкома партии Мастуре Якубовой, а вечером выехала в Арысь. Поезд с ранеными воинами прибыл вовремя. Анзурат обошла все вагоны, часто останавливалась возле тяжелораненых, подбадривала их теплым словом, веселой шуткой. Первые четыре вагона бойцов были размещены в Ташкенте, вторую партию устроили в Ленинабаде. Всю заботу о раненых взяли на себя комсомольцы.

«Задание выполнено успешно», — телеграфировала Рахимова в ЦК комсомола. «Всех хорошо устроила», — доложила она в горком партии¹.

Женщины шефствовали над госпиталями, оказывали помощь семьям фронтовиков. Женсоветы учреждений, предприятий, колхозов и совхозов с истинно материнской заботой помогали детским домам. Многие советские патриотки брали в свои семьи детей, лишившихся родителей, организовывали бесплатные завтраки для школьников, доставали одежду, обувь.

¹ Сб. «Спасибо партии», 1960, стр. 119—120.

Глубокого уважения достоин гражданский подвиг ташкентской семьи Шамахмудовых. Во время Великой Отечественной войны, когда в Ташкент прибыли эшелоны с детьми, потерявшими родителей, Шамахмудов и его жена Бахри взяли на воспитание одиннадцать малышей. А спустя немного времени взяли еще трех сирот. Так в одной семье оказалось 14 ребятишек — узбеки, русские, таджики, евреи, казашка, молдаванин.

Когда Шамахмудова спросили, почему он усыновил детей многих национальностей, он ответил:

— Не знаю, я не выбирал. Весь наш народ — одна семья.

Этот ответ простого советского человека стоит многих мудрых рассуждений...

Трудящиеся республик Средней Азии сдавали в фонд обороны, в фонд помощи семьям фронтовиков значительные средства, посылали на фронт письма, посылки с теплыми вещами, подарки. За годы войны из Таджикистана было послано в действующую армию 79 вагонов подарков и 10 тысяч индивидуальных посылок. Труженики колхоза имени К. Маркса Даигирского района сдали в фонд помощи Советской Армии 715 центнеров зерна и 47 центнеров мяса, а председатель этой артели Одингуль Каддырова внесла на строительство танковой колонны 27 тысяч рублей из личных сбережений¹.

Колхозницы сельхозартели «Кызыл-Кошун» («Красная Армия») Тахтабазарского района Туркменистана сдали в фонд обороны все свои золотые и серебряные украшения. Их примеру последовали колхозницы всей республики. Всего было собрано 7392 килограмма изделий из серебра и золота, отправлено на фронт 200 вагонов подарков.

Труженики Туркмении собрали в фонд обороны 243 миллиона рублей. На эти деньги было построено 384 боевых самолета, которые делегация республики вручила славным советским соколам.

Труженицы Средней Азии, как и все женщины нашей Советской Родины, с честью выдержали испытания тяжелых лет войны. Выращенные советским строем, воспитанные великой Коммунистической партией, они

¹ См. С. А. Халикова, Женщины Советского Таджикистана, 1949, стр. 44—45.

проявили истинный героизм, высокую самоотверженность, негибаемую стойкость и внесли свой неоценимый вклад в историческую победу над фашизмом.

Михаил Иванович Калинин высоко оценил моральные качества женщин нашей страны, проявленные особенно ярко в годы войны.

«Сколько в нашей литературе и в истории нашей страны имен женщин, показавших высокие образцы морального духа! — говорил Михаил Иванович. — Но, разумеется, все предыдущее бледнеет перед великой эпопеей нынешней войны, перед героизмом и жертвенностью советских женщин, проявляющих гражданскую доблесть, выдержку при потере любимых и энтузиазм в борьбе с такой силой и, я бы сказал, величием, каких никогда не наблюдалось в прошлом»¹.

ЗА КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ТРУД

Война прервала творческий труд советского народа, принесла ему неисчислимые бедствия, невозместимые утраты. Но, разгромив фашистского зверя в его логове, залечив раны, народы Советского Союза возобновили свой гигантский труд по завершению строительства социализма.

В послевоенные пятилетки выросли новые сотни заводов, фабрик, шахт, проложены тысячи километров железных дорог. Новые сотни тысяч женщин влились в ряды промышленных рабочих, из года в год увеличивалась их роль в народном хозяйстве. Число женщин, занятых в промышленности республик Средней Азии и Казахстана, возросло с 1933 по 1958 год на 1,5 миллиона, или в 6,3 раза².

Женщина Востока не только вовлечена в производство и научилась управлять самой сложной техникой, но благодаря своим способностям и самоотверженному труду выдвинулась на командные должности. На предприятиях Узбекистана работает свыше пяти тысяч женщин-инженеров и около 10 тысяч техников³.

¹ М. И. Калинин, О моральном облике нашего народа, Госполитиздат, 1947, стр. 31—32.

² См. «Женщина в СССР», Краткий статистический справочник, Госстатиздат, 1960, стр. 36.

³ См. «Правда», 24 декабря 1960 г. (Речь Я. С. Насриддиновой на сессии Верховного Совета СССР.)

Новые отряды женщин умело овладевают сложными профессиями на промышленных предприятиях, выступают инициаторами социалистического соревнования за повышение производительности труда, снижение себестоимости продукции и экономию материалов, за улучшение качества выпускаемой продукции, за дальнейший технический прогресс. Работницы Киргизии широко откликнулись на почин рабочей молодежи московских предприятий, решившей учиться жить и трудиться по-коммунистически. Зачинателями этого патриотического движения явились бригады Марии Волковой на Фрунзенской хлопкопрядильной фабрике и Гульджамал Фаизовой на фабрике «40 лет Октября».

Под руководством молодого инженера З. Туратбековой успешно борются за звание коллектива коммунистического труда рабочие и работницы гальванического цеха Фрунзенского завода физических приборов. Сменные задания коллектив выполняет за 5—6 часов, постоянно совершенствуя и улучшая технологический процесс.

На фрунзенской швейной фабрике «40 лет Октября», где в основном работают женщины, более 800 рабочих стали передовиками производства. Швея Алима Юсупова, следуя почину Валентины Гагановой, перешла с передового агрегата на отстающий участок и в короткий срок вывела его в число лучших. Систематически перевыполняет плановые задания швея фабрики имени ВЛКСМ депутат Верховного Совета Киргизской ССР Салима Мырзабекова.

В Туркменской ССР женщины составляют около 42 процентов всех рабочих и служащих. Свыше 3,5 тысячи женщин занимают руководящие посты на предприятиях промышленности, транспорта, в строительстве и связи. Среди инженерно-технических работников республики 1234 женщины. 35 женщин коренной национальности являются директорами предприятий, совнархоза и управлений местной промышленности¹.

По примеру своей русской подруги Валентины Гагановой перешла в отстающую бригаду и вывела ее в передовые ткачиха Ашхабадской прядильно-ткацкой фабрики

¹ См. «Туркменская искра», 16 сентября 1960 г.

Эне Овезова, удостоенная за свой труд звания Героя Социалистического Труда. Почину В. Гагановой последовала бригадир той же фабрики ткачиха Сидорова, на Ашхабадской шелкомотальной фабрике — Саур Бабилова, на Чарджоуской — Журавлева, на Марыйской — Денисова.

Вот она, новая смена!

В республике и по всей стране широко известны имена помощника оператора Красноводского нефтеперегонного завода депутата Верховного Совета СССР Тураевой Курбангуль, помощника оператора нефтепромыслового управления «Челекеннефть», члена бригады коммунистического труда Кандымовой Тувакбиби. В 1959 году ее бригада дала государству сверх плана пять тысяч тонн «черного золота». За ударным трудом и слава приходит, и честь. Нефтяники избрали Кандымову депутатом Верховного Совета республики.

Хорошо трудятся работницы прядильно-ткацкой фабрики имени Дзержинского в Ашхабаде. Производствен-

ный план первых двух лет семилетки фабрика выполнила досрочно, дала государству на несколько миллионов рублей сверхплановой продукции.

На предприятиях Таджикистана, особенно в легкой промышленности, преобладает женский труд. На текстильном комбинате Душанбе женщины составляют 72 процента, на шелковом комбинате — 81 процент, на швейной фабрике — 89 процентов, на 1-й обувной фабрике — 63 процента.

Леннинабадский шелковый комбинат — гордость республики. Здесь любовно создают новые красивые ткани чудесных расцветок и рисунков. В 1938 году фабрика выпускала всего пять видов тканей, а теперь их здесь в пять раз больше. Около 70 процентов рабочих комбината — женщины.

Многие старые работницы трудятся еще и сейчас. Нурматовой Малбиби уже 60 лет. Она участвовала еще в строительстве комбината. Малбиби так сроднилась с предприятием, что не хочет уходить на покой, и сейчас норму выполняет на 125 процентов. 23 года работает здесь Адолат Исмаилова. За свой труд она награждена орденом Ленина и медалями; рабочие избрали ее депутатом Верховного Совета СССР.

В республике немало предприятий, цехов и бригад, возглавляемых женщинами. Бывшая работница Ленининабадского шелкового комбината Назалат Шакирова руководит фабрикой «Красный ткач», Карамат Обидова — директор прядильной фабрики, Барала Бабаева — директор швейной фабрики, Баяра Абдушукурова — директор чулочной фабрики.

Столь же велика роль женщины и в сельском хозяйстве республик Средней Азии и Казахстана. В Узбекской ССР уже в 1950 году свыше 40 тысяч узбечек работали звеньевыми. В Туркменской ССР в том же году было 130 женщин — председателей и заместителей председателя колхоза, 600 бригадиров и 10 тысяч звеньевых. А теперь свыше 12 тысяч женщин республики занимают командные должности в сельскохозяйственном производстве. Только в Туркмении ныне 50 женщин являются Героями Социалистического Труда.

Первой из женщин-восточниц это высокое звание получила славная дочь киргизского народа Зууракан Кайназарова. В Киргизии все от мала до велика знают это

имя. Зууракан-эже зовут ее и мужчины и женщины, что значит старшая сестра.

Чем же прославилась эта женщина, какой подвиг она совершила? Труд славит советского человека прежде всего. Он сделал знатной и Зууракан-эже.

Зууракан Кайназарова, звеньевая одного из колхозов в Чуйской долине (теперь это колхоз «Дружба»), первой в республике решилась поддержать почин знатной украинской свекловодки Марии Демченко и собрать 500 центнеров свеклы с гектара. А до этого в колхозе с горем пополам убрали по 40—50 центнеров, не любили эту новую культуру.

Кайназарова смело взялась за дело. В ее звене было 12 женщин, таких же, как она, — уже немолодых, прошедших тяжелую школу жизни, наживших много мозолей, батрача на баев.

Теперь они трудились на себя и не жалели сил. Ранней весной вывезли в поле собранные ими по дворам удобрения, не спускали глаз с трактористов, требуя высокого качества работы. За лето несколько раз окучивали всходы, рыхлили, удаляли сорняки, поливали. И благодарная земля отозвалась: по 550 центнеров свеклы с гектара собрало осенью звено Зууракан.

Зууракан Кайназарова получила звание Героя Социалистического Труда, была избрана депутатом Верховного Совета СССР. Из года в год героиня выращивала все больше свеклы и добилась невиданного урожая — 1150 центнеров с гектара на поливных землях. О ней узнали не только в родной республике, со всех концов Советского Союза приезжали в колхоз к знатной звеньевой за опытом.

Три года назад Зууракан совершила новый трудовой подвиг. Как и Валентина Гаганова, она отказалась от своего много лет ухоженного участка и попросила дать ей каменистое, по существу, заброшенное поле. Теперь в ее звене работала и молодежь, в том числе ее приемная дочь — русская девушка Зоя, которую героиня взяла на воспитание во время войны. (Кроме нее Зууракан и ее муж Иманалы, не имеющие своих детей, воспитали трех мальчиков.)

...И Зууракан получила в Кремле вторую Золотую Звезду. Дважды Героем стала простая киргизская женщина, когда-то проданная замуж за два барана и хроую

лошадь. А теперь она встречается с академиками, читает лекции студентам...

Много славных дочерей вырастили солнечные республики Средней Азии. С высокой трибуны декабрьского Пленума ЦК КПСС 1959 года Н. С. Хрущев назвал впервые имя Турсуной Ахуновой, а затем перед участницами выступила и сама героиня — юная, с одухотворенным, милым лицом. И просто, как в беседе с друзьями, рассказала о себе, о своих делах...

В начале 1960 года в республиках Средней Азии возникло, а потом и разгорелось движение женщин — механизаторов хлопковых полей. Возглавила его 20-летняя Турсуной Ахунова. С раннего детства черноглазая Турсуной полюбила землю, труд. Рано стала выходить в поле, трудиться рядом с матерью и сестрой. Хлопок — вот что было главное в жизни колхоза, и даже кишлак назывался Пахта — хлопок.

Турсуной любила машины, с восторгом смотрела на тех, кто ловко управлял ими, мечтала и сама когда-нибудь сесть за трактор. И вот в 1955 году шестерых девушек из Пахты колхоз отправил учиться на курсы механизаторов. Конечно, Турсуной была в их числе. Сбылась ее мечта. Окончив учебу, она стала работать на тракторе: сеяла, культивировала хлопчатник, а к осени готовила уборочную машину. Но в их колхозе отказались убирать машиной: боялись, что машина попортит хлопок. И тогда Турсуной уехала в чужой колхоз и убрала трактором столько же хлопка, сколько и мужчины. Ее премировали туристской путевкой. Турсуной путешествовала по Индии, Италии.

Яркая, красивая жизнь у Турсуной. Пожилые узбеки завидуют, вспоминая свою забитую, загубленную юность. Радость в труде, счастье в личной жизни — вот удел молодежи. Турсуной вышла замуж и назвала свою дочь Мухаббат, что значит любовь.

В ее колхозе, где все еще царствовал кетмень, решили, что теперь-то неугомонная Турсуной успокоилась. Но прошел год, наступила осень, и Ахунова потребовала, чтобы ей разрешили наконец попробовать свои силы в родном колхозе. Райком помог ей стать водителем хлопкоуборочной машины. Убрав 100 тонн хлопка, Турсуной отправилась помогать колхозу имени XXI партсъезда. Здесь она обучила работать на машине нескольких деву-

шек. За сезон Турсуной убрала 210 тонн хлопка — столько, сколько могли убрать 100 колхозниц. Это был республиканский рекорд.

И вот самый счастливый день в ее жизни: Турсуной Ахунова — участница декабрьского Пленума ЦК КПСС. В Москве она узнала, что награждена орденом Ленина. А через несколько дней Н. С. Хрущев с трибуны Кремлевского дворца назвал ее имя в числе тех, кому присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда. В Кремле ей вручили Золотую Звезду Героя. И все это произошло за 10 дней, как в волшебной сказке!

В ответ на высокую награду Турсуной Ахунова дала Пленуму ЦК КПСС обещание убрать в 1960 году не менее 250 центнеров хлопка.

Вернувшись в родной Узбекистан, Ахунова обратилась к женской части молодежи с призывом взяться за штурвал, стать механизаторами и обеспечить полную машинную обработку хлопка. Во многих областях и районах по призыву Турсуной организовались курсы механизаторов для девушек. Сама Ахунова читала лекции будущим механизаторам в Чинадской РТС.

Героиня труда выполнила свои обязательства с превышением, собрав машиной 322 тонны «белого золота», и с радостью сообщила об этом в своем письме на имя Н. С. Хрущева. Успешно потрудились и вся бригада. При плане 26 центнеров урожая с каждого из 100 гектаров бригада собрала по 40,5 центнера хлопка-сырца. Из 405 тонн проданного государству хлопка 390 собрано машиной. Благодаря механизации всех работ по выращиванию и уборке хлопка себестоимость центнера хлопка-сырца доведена до 9 рублей, а затраты труда на центнер снизились до трех трудовых.

«Мы на своем опыте убедились в мудрости Ваших слов о том, что машина — друг человека, — писала Турсуной Н. С. Хрущеву. — Она облегчает его труд, украшает его быт, именно благодаря машине мы претворяем в жизнь предвидение великого Ленина о том, что в социалистическом обществе труд из тяжелого бремени превращается в радостный труд».

Н. С. Хрущев ответил Турсуной:

«Дорогая Турсуной Ахунова!

Очень рад Вашим успехам в механизированной уборке хлопка. Вы первая женщина-узбечка, которая стала ра-

ботать на хлопкоуборочной машине, хорошо изучила ее и добилась высокой производительности, собрав машиной 322 тонны хлопка-сырца, что заменяет тяжелый ручной труд 160 человек.

Герой Социалистического Труда Турсуной Ахунова

Ваши успехи замечательны еще и тем, что Вы показали хороший пример всем узбекским женщинам и женщинам других республик Советского Союза, где в прошлом было большое влияние мусульманской религии, где женщины находились в угнетении, а в сознание людей внедрялась мысль о каком-то превосходстве мужчины

над женщиной. Здесь женщины выполняли все тяжелые работы, они работали с кетменем, переносили на себе тысячи тонн хлопка.

Очень хорошо, что в последние годы все больше и больше хлопка убирается машинами, но есть еще люди, которые не стремятся использовать машины. Люди, которые стоят за сбор хлопка вручную, еще не освободились от байских взглядов на женщину»¹.

В нашей стране хороший почин, как добрую песню, подхватывают тысячи и тысячи тружеников. Любой благородный патриотический почин находит последователей во всех уголках нашей необъятной Родины.

Турсуной Ахунова показала путь многим женщинам. Это тот «маяк», на свет которого ныне держат курс тысячи сборщиц хлопка. В Узбекистане в 1960 году сели за руль хлопкоуборочных комбайнов 1166 девушек, в Таджикистане — 137, в Киргизии — более 50, в Туркмении — около 100 девушек.

Первой последовательницей Турсуной стала депутат Верховного Совета СССР, звеньевая колхоза «Ленинизм» Аму-Дарьинского района Герой Социалистического Труда Айам Камалова. Весной 1960 года она вызвала на социалистическое соревнование Турсуной Ахунову и обещала вырастить на своем участке по 80 центнеров хлопчатника за сезон. Еще в 1959 году звено Камаловой с 20 гектаров собрало по 75 центнеров хлопка. В 1960 году Айам Камалова стала механиком-водителем и, отлично освоив машину, собрала 250 центнеров сырца. Выполнила она свое обязательство и по урожайности, получив с каждого из 40 гектаров своего участка по 80 центнеров хлопка.

Женщины играют значительную роль в развитии и других отраслей сельского хозяйства Средней Азии. Доярка колхоза имени Ленина Орджоникидзеvского района Ташкентской области Зухра Камилова от каждой из закрепленных за ней 16 коров получила по 4 тысячи литров молока.

Зухра Камилова обязалась получить еще более высокие надои, она соревнуется с дояркой колхоза «Красное Сормово» Волгоградской области Героем Социалистического Труда Верой Рыбачек.

¹ «Правда», 18 декабря 1960 г.

Внедрение механизации в сельское хозяйство избавляет колхозниц от тяжелого физического труда. Пекарни, столовые, прачечные, строящиеся в колхозах, освобождают женщину от домашних забот, а ясли, сады, школы-интернаты помогают ей в воспитании детей. Все это высвобождает время для духовного развития, участия в общественной и культурной жизни. Отсталость, зависимое положение отошли в прошлое и сгинули навсегда.

Так колхоз избавил миллионные массы трудящихся дехканок от байской кабалы, нужды, рабского существования, превратил их в великую созидательную силу коммунизма.

Н. С. Хрущев говорил на одной из встреч с передовыми работниками сельского хозяйства:

«У нас знатность женщины определяется ее трудом, и знаменита она не фамилией мужа — капиталиста-бизнесмена, как это есть в капиталистических странах. У нас женщина — активный строитель нового общества, она участвует в создании всех материальных и духовных ценностей. Она — мать, и мы знаем, сколько сердца и души отдает она воспитанию подрастающего поколения».

Расскажем еще об одной славной дочери Узбекистана — о партийном руководителе Турсунай Каримовой. Она выросла уже в годы Советской власти, воспитал ее комсомол. Накануне Великой Отечественной войны окончила среднюю школу и собиралась учиться дальше, но вместо этого стала руководить фронтовым звеном девушек в передовом хозяйстве Алтынкульского района. Звено работало дружно, по-фронтовому, добилось рекордных для того времени урожаев хлопка.

...10 мая 1942 года звеньевая Каримова выступила с трибуны Колонного зала Дома Союзов на антифашистском митинге женщин Советского Союза.

— Дорогие подруги! Работницы фабрик и заводов, колхозницы, сестры-партизанки! Меня послали сюда женщины и девушки Узбекистана, чтобы рассказать вам об их пламенной ненависти к фашизму, — говорила она. — Мы еще недавно были рабынями, лишенными всяких человеческих прав. Только Ленин и партия принесли нам освобождение, новую, счастливую жизнь. Вместе со всеми народами нашей Родины мы будем бороться за нее до последней капли крови, до последнего вздоха!

В начале 1943 года колхозники избрали Каримову председателем колхоза. Энергичная, великолепный организатор, она быстро поставила колхоз на ноги.

В начале 1950 года Турсунай Каримова была избрана первым секретарем Ходжиабадского райкома партии. Затем после учебы ее назначили заместителем министра сельского хозяйства Узбекской ССР.

В 1954 году в ответ на призыв сентябрьского Пленума ЦК КПСС Турсунай попросилась на работу в свой район. Ее избрали опять первым секретарем Ходжиабадского райкома партии, а после укрупнения районов в 1959 году — первым секретарем Алтынкульского райкома партии. Теперь за плечами у Каримовой был большой опыт партийной работы.

Секретарь райкома партии отдает много сил подъему сельского хозяйства района, заботится о выдвижении передовых колхозниц на руководящие должности.

Советское правительство высоко оценило активную общественную деятельность Турсунай Каримовой. Она награждена двумя орденами Ленина, орденами Трудового Красного Знамени и «Знак Почета», двумя медалями и Почетной грамотой Президиума Верховного Совета республики.

Турсунай Каримова избиралась депутатом Верховного Совета Союза ССР второго, третьего, четвертого созывов, депутатом Верховного Совета Узбекской ССР пятого созыва, является кандидатом в члены ЦК КП Узбекистана.

НА ГОСУДАРСТВЕННОМ ПОСТУ

Все эти цифры и факты — яркое свидетельство тех огромных исторических перемен, которые произошли в судьбе женщин Средней Азии. И дело не только в цифрах, показывающих рост численности женщин, занятых в народном хозяйстве. Выросли новые люди.

Вспомним, что первые работницы приходили на фабрику закутанные в паранджу, не смели поднять голову, осмотреться по сторонам, говорили шепотом. Они всего боялись.

Теперь на фабрику, на завод, на шахты, электростанции, нефтяные промыслы приходят совсем иные ра-

ботницы. Многие из них окончили среднюю школу или ремесленное училище, продолжают учиться в вечерней школе, техникуме, институте.

Советская власть, новая жизнь дала им квалификацию, заработок, грамотность; научила их отстаивать свои права, воспитала в них высокие гражданские чувства. Дочери Советского Востока стали активными строителями коммунистического общества.

Одной из первых пришла в 1927 году на строительство Ленинабадского комбината Мастура Аvezова. Она сбросила паранджу, энергично вербовала на фабрику подруг. Как и многие узбечки, Мастура замечательно работала, а по вечерам училась грамоте.

В 1928 году Мастура вступила в Коммунистическую партию. А в 1929 году ее направили учиться в Ташкентский шелководческий техникум. Мастура отлично окончила его и осталась работать на родном комбинате — сначала мотальщицей, а потом инструктором.

Не всегда все удавалось сразу. Много было огорчений, но рядом были друзья, и они помогали.

Иной путь у современной молодежи. Им не приходится преодолевать многих трудностей, через которые прошли их матери и старшие сестры.

Эти молодые работницы владеют русским языком, много читают. Их знания разносторонни, духовный мир богат. С одинаковым вкусом и изяществом они носят строгое европейское платье и свой красочный национальный наряд. Летом их темноволосые головы венчает искусно расшитая тюбетейка или воздушная капроновая косынка, а зимой — большой узорчатый платок.

Вместе со своими русскими подругами они с энтузиазмом борются за то, чтобы работать и жить по-коммунистически. Им радостно работается, радостно живется. С достоинством они носят заслуженное звание Героя Труда и высокие правительственные награды, посылают своих избранников в местные, республиканские и Верховный Советы депутатов трудящихся.

Президент Узбекистана — женщина, заместители председателей советов министров республик Средней Азии — женщины, министры, депутаты, председатели районных и сельских исполкомов — женщины. И это никого не удивляет.

А в 1920 году журнал «Коммунистка», орган ЦК ВКП(б), в статье «Последняя рабыня», посвященной созыву Всероссийского съезда женщин народов Востока, писал: «В Туркестанском исполкоме четыре женщины, но не все они решились снять паранджу».

В то время женщин еще не избирали в сельские Советы кишлаков и аулов, на общественные собрания приходили одни мужчины, и то больше старики. В феврале 1925 года в кишлак Багаутдин Бухарского уезда приехал Председатель ЦИК СССР Михаил Иванович Калинин. В Совете собрались дехкане. М. И. Калинин долго за-просто, по душам беседовал с ними, рассказывал им о Советской власти, о задачах, стоящих перед всем народом. А потом спросил, почему же на сходе нет ни одной женщины, пошутил, обращаясь к молодому дехканину:

— Что ж, и жениться будешь, не увидев невесты?

— Таков обычай,— отвечал тот.

— Нет, менять надо этот обычай,— говорил Михаил Иванович.— Никогда наша власть не будет крепкой, если в ней не примут участия женщины. Пусть они пока хоть под покрывалом управляют¹.

Долго беседовал с дехканами М. И. Калинин.

Простота и мудрость его слов произвели большое впечатление, особенно на молодежь. Живое большевистское слово глубоко почитаемого народом государственного деятеля дошло до сердца каждого трудового человека...

Медленно, очень медленно вовлекались женщины Средней Азии в общественную жизнь. Но лед тронулся! Женщины стали избираться в Советы. Появились женщины — председатели сельских Советов. Правда, их приходилось одна-две на республику. Были они неграмотные, не все их признавали. Случалось, работает секретарем сельсовета мужчина — он и подменяет председателя.

Одна из них рассказывала:

«В сельсовете две комнаты. В первой сидит секретарь, во второй посадили меня. Он в течение дня не пропускает ко мне ни одного человека. Он сидит и всех принимает, а я сижу в задней комнате и ко мне никто не приходит».

Но ничто не могло остановить женщин, рвущихся к новой жизни, активность их росла из года в год. По Узбе-

¹ См. М. И. Калинин, Статьи и речи, кн. II, стр. 14—16.

кистану в 1929 году в выборах участвовало уже 45,5 процента избирательниц, по Туркменистану — 30,9 процента; в 1930 году в Узбекской ССР голосовал 61 процент женщин, в Туркменской ССР — 68,4 процента¹.

Годы работы Коммунистической партии и Советской власти дали свои плоды: женщины обучились грамоте, приобрели политический и жизненный опыт, научились хозяйствовать.

Многие женщины — председатели сельских Советов развернули массовую работу и, опираясь на советский и колхозный актив, добились организационно-хозяйственного укрепления сельскохозяйственных артелей.

Например, Арак-Тенгинский сельсовет Кокандского района, которым руководила председатель Юлдашева, скоро выдвинулся на первое место по проведению всех хозяйственно-политических кампаний.

В Туркменской ССР отличался Совет в ауле Геокча-1 Марыйского района, во главе которого стояла Аманбиби Кулова.

На V и VI съездах Советов Туркменистана Кулова избиралась членом ЦИК республики и делегатом на VII Всесоюзный съезд Советов. Простая туркменская женщина стала при Советской власти активным государственным деятелем.

Коммунистическая партия, органы Советской власти уделяли много внимания культурному и политическому воспитанию женского советского актива, подбору кадров из женского коренного населения.

В 1927 году состоялся Всероссийский съезд женщин — членов Советов. В его работе участвовали 1052 делегатки. Сотни работниц и крестьянок Москвы и ближайших областей были приглашены в качестве гостей. На съезде были и зарубежные гости из Англии, Германии, Франции, Австрии, Польши, Китая.

М. И. Калинин выступил на съезде с докладом.

«Настоящий съезд есть достижение революции. Нигде в мире такие съезды не собираются и не могут собираться, — говорил Председатель ЦИК. — Настоящий съезд является лучшим подтверждением результатов нашей революции. Можно смело сказать, что в деле осуще-

¹ См. «Женщина и социалистический строй», М., 1935, стр. 104 -- 105.

ствления равноправия женщины, в деле вовлечения в социалистическое строительство и, в частности, в государственное строительство сделаны такие достижения, которые раньше женщины не могли сделать за две сотни лет. Это несомненно, это бесспорный факт».

В заключительном слове на съезде М. И. Калинин прозорливо сказал:

«Несомненно, что в настоящий момент у нашей женщины увеличивается в огромной степени опыт как политический, так и организационный. Я уверен, что в ближайшие годы женщины выдвинут ряд крупнейших и великолепных работниц на всех поприщах социалистического строительства».

Съезд горячо призвал женщин к активной деятельности в Советах и к укреплению обороны своей социалистической Родины, быть готовыми к отпору врага, стоять незыблемо на фронте и в тылу.

Делегатки съезда, вернувшись на места, выступили с отчетами на пленумах Советов, на делегатских собраниях, в женских клубах и красных уголках. Опираясь на опыт своих передовых товарищей, члены Советов усилили политическую и хозяйственную работу.

Особое внимание было обращено на выдвижение женщин-коммунисток на руководящую работу в качестве секретарей губкомов, председателей губисполкомов, членов коллегий наркоматов и т. п.

По указанию ЦК ВКП(б) в республиках Средней Азии также было проведено выдвижение женщин на руководящую работу, главным образом в среднем и низовом звене партийного и советского аппарата. К этому времени в Узбекистане было 25 тысяч женщин — членов Советов, 9 тысяч народных заседательниц. В центральных государственных учреждениях на руководящей работе было занято 36 женщин, в окружных и районных — 55, в кишлаках — 858 женщин местных национальностей.

На первых порах им было трудно, требования к ним предъявлялись высокие, а знаний, опыта не хватало.

Средазбюро ЦК ВКП(б) приняло ряд серьезных мер по обучению женского актива, в частности по укомплектованию женских курсов при Коммунистическом университете.

К началу 1933 года в Советском Союзе имелся почти полумиллионный женский актив: женщин — членов го-

родских Советов насчитывалось 36 320, сельсоветов — 309 тысяч.

Так из года в год росло участие женщин в общественно-политической жизни страны. Ни одна капиталистическая держава не может в этом отношении сравниться с Советской страной.

К. Кондучалова и З. Рахимбабаева с группой государственных и общественных деятельниц Средней Азии

В Верховном Совете СССР ныне 366 женщин. Это больше, чем в парламентах всех капиталистических государств, вместе взятых. В английском парламенте, например, лишь 28 женщин, в конгрессе США — 16, в парламенте Японии — 26.

А у нас только от республик Средней Азии в Верховный Совет СССР избрано 43 женщины. В Верховные Советы 15 союзных республик избрано 2530 женщин, или 32 процента всего состава депутатов.

В Верховном Совете Узбекистана 128 женщин, или почти треть всех депутатов; в Верховном Совете Киргизии 118 женщин, или 33 процента к общему числу депутатов; в Верховном Совете Таджикской ССР также

33 процента женщин, Туркменской ССР — 35 процентов, а в местных Советах свыше 38 процентов женщин.

В Узбекистане главой Советской власти — президентом республики является узбечка Ядгар Садыковна Насриддинова, дочь бедной вдовы. Учиться она начала только в одиннадцатилетнем возрасте. Окончив рабфак, поступила в институт инженеров железнодорожного транспорта в Ташкенте.

Она училась и с коллективом студентов своими руками строила здание своего института, участвовала в народной стройке Большого Ферганского канала. Позже работала десятником на стройке Катта-Курганского канала и на Ангрене, на Ташкентской железной дороге.

К началу войны Я. С. Насриддинова была секретарем ЦК комсомола Узбекистана, потом министром промышленности строительных материалов, заместителем председателя Совета Министров республики. Теперь она возглавляет Президиум Верховного Совета Узбекской ССР.

Крупным партийным деятелем является узбечка З. Р. Рахимбабаева. Родилась она в 1923 году в Андижане в семье старого большевика, одного из организаторов коммунистических ячеек в Ферганской долине, Рахимджана Рахимбабаева. З. Р. Рахимбабаева получила хорошее образование. В 1940 году она с отличием окончила Ташкентский педагогический институт. Студенткой она избиралась членом вузовского комитета комсомола и Ташкентского обкома ЛКСМ, затем до 1946 года работала секретарем Ташкентского обкома комсомола, сочетая работу с учебой. На комсомольской работе З. Р. Рахимбабаева проявила себя талантливым организатором, чутким и внимательным руководителем. Уже в 1947 году, в 24-летнем возрасте, она была выдвинута на руководящую партийную работу в качестве заведующей женотделом ЦК КП(б) Узбекистана.

В январе 1950 года З. Р. Рахимбабаеву избрали секретарем ЦК КП(б) Узбекистана. Окончив аспирантуру Академии общественных наук при ЦК КПСС, она успешно защитила кандидатскую диссертацию на тему «Торжество ленинской национальной политики в СССР и ее значение в развитии национально-освободительной борьбы народов зарубежного Востока».

Вот уже 10 лет пост заместителя Председателя Совета Министров Кара-Калпакской АССР занимает Рахима Калбаева, кандидат исторических наук.

Заместителем Председателя Совета Министров Туркменской ССР с 1959 года работает Ася Ниязовна Атана-

Заместитель председателя совнархоза Таджикской ССР
Мунаввара Касимова с младшей дочкой и внучкой

песова. Она руководила работой среди женщин в республике в течение 11 лет и была министром социального обеспечения. Свыше 10 лет она избирается в состав ЦК КП Туркменистана и является депутатом Верховного Совета республики.

Узбеки, таджички, киргизки и каракалпачки ныне занимают посты министров или их заместителей, работают секретарями Верховных Советов своих республик.

руководят отделами ЦК национальных республик, райкомами, крупными партийными и комсомольскими организациями. Например, первым секретарем ЦК комсомола Туркменской ССР является депутат Верховного Совета республики Мая Моллаева.

Киргизка Кулипа Кондучалова — министр культуры и министр иностранных дел Киргизской ССР. Свыше двадцати лет работает она на ответственной партийной и советской работе: была директором средней школы, секретарем Тяньшанского обкома ЛКСМ Киргизии, секретарем и заместителем Председателя Президиума Верховного Совета республики, секретарем Джалал-Абадского обкома и ЦК КП Киргизии. На сессии Верховного Совета Союза ССР пятого созыва замечательная дочь киргизского народа была избрана заместителем Председателя Совета Национальностей Верховного Совета СССР.

В 1953 году К. Кондучалова в составе делегации советских женщин ездила в Копенгаген на III конгресс женщин, где была избрана кандидатом в члены Совета Международной федерации женщин. Она — вице-президент Советского общества дружбы и культурной связи со странами Арабского Востока. В 1956 году в составе советской парламентской делегации К. Кондучалова посетила арабские страны, Китайскую Народную Республику и Англию.

Советскую делегацию на конференции женщин Азии и Африки в январе 1960 года возглавляла таджичка Хамра Заировна Таирова. Окончив рабфак, а затем Ташкентский политехнический институт, Хамра получила звание инженера-строителя. Первая ее большая работа — это участие в строительстве зданий государственного университета и оперного театра. Через годы неустомимого труда Таирова пришла на пост министра. Она отметила уже 25-летие своей трудовой деятельности, награждена пятью орденами Трудового Красного Знамени.

«Большую радость творческого труда, самостоятельность, образование, культуру дали мне наша Коммунистическая партия, наше правительство,— говорит Х. З. Таирова.— Если бы не Советская власть, если бы не отеческая забота нашей партии, никогда бы не стала я инженером, а тем более министром. Страшно подумать, как

жили наши женщины в прошлом. Девушка покупалась, как вещь, жена становилась рабой. Во мне не угасает глубокая благодарность нашей партии за то, что я живу полноправным человеком».

Этимися словами Х. Таирова выразила истинные чувства всех женщин Востока, благодарных партии за свою счастливую жизнь, за тот почет, истинное уважение, которыми окружена в нашей стране трудящаяся женщина.

К ВЕРШИНАМ НАУКИ И КУЛЬТУРЫ

ТАМ, ГДЕ ЦАРИЛА БЕЗГРАМОТНОСТЬ

В далекое прошлое ушли те времена, когда, закрытая паранджой, не знающая ни одной буквы, в школу пришла женщина Средней Азии.

Ныне среднеазиатские республики Советского Союза достигли невиданных успехов в развитии женского образования. Теперь на любом участке культуры здесь трудится женщина — начиная с сельской школы и кончая профессорской кафедрой.

Бабушки нынешних кандидатов и докторов наук, академиков и писательниц, инженеров и педагогов были неграмотными, а матери обучались грамоте в школах ликбеза, часто тайком от мужа. Вот Ашурбиби Азимова — ныне персональный пенсионер, а в прошлом женорганизатор, председатель Исфаринского исполкома и секретарь райкома, заместитель председателя городского исполкома Душанбе и народный комиссар здравоохранения. Она обучилась грамоте уже взрослой, тайно от семьи. Украдкой убегала Ашурбиби к учительнице

Узбековой, которая, крепко замкнув окна и двери своего дома, обучала первых семь женщин грамоте. Узнали бы тогда муллы — сжили бы со света!

Теперь среди женщин Средней Азии есть академики, члены-корреспонденты, доктора и кандидаты наук. В Узбекистане 20 докторов и 600 кандидатов наук — женщины, 458 преподавателей в высших учебных заведениях, 200 сотрудников научно-исследовательских учреждений. Ташкентским текстильным институтом руководит доктор технических наук Максуда Хаджиева. Большую работу ведут действительные члены Академии наук З. Саиднасырова и Ходича Сулейманова, опубликовавшие ряд научных работ. Широко известны труды о болезнях сердца профессора З. И. Умидовой.

Центром научно-исследовательской работы в Туркмении является республиканская Академия наук. В научных и учебных учреждениях республики трудится свыше 1600 ученых, среди них 600 женщин, в том числе 65 туркменок. 25 из них — кандидаты наук, две — члены-корреспонденты Академии наук.

Могла ли некогда кочевая Киргизия думать, что у нее будут свои женщины-ученые? А ныне в республике 144 доктора и кандидата наук — женщины; киргизки Б. Керимова и К. Рискулова избраны членами-корреспондентами Академии наук.

Замечательной представительницей молодой исторической науки Киргизии является кандидат исторических наук Жаннета Татыбекова. Она работает над темой «Раскрепощение женщин-киргизок». В 1956 году успешно защитила кандидатскую диссертацию и продолжает разрабатывать эту проблему. Татыбекова часто выступает на страницах печати с исследовательскими и пропагандистскими статьями.

В Таджикистане 549 женщин трудятся в научно-исследовательских институтах Академии наук. Среди них доктор сельскохозяйственных наук, заслуженный деятель науки и лауреат премии имени академика Вильямса Любовь Петровна Белякова, дочь крестьянина Тверской губернии, бывшая сельская учительница, участница революции 1905 года, курсистка, партийный пропагандист в деревне, член боевой дружины в 1917 году, а на 44-м году жизни — студентка сельскохозяйственного института. С тех пор вся ее жизнь посвящена научной работе, тесно

связана с социалистическим сельским хозяйством. Стремление применить свои знания там, где труднее, где они нужнее всего, привело Л. П. Белякову в Среднюю Азию. Оставив Москву, ученый-почвовед приехала в Вахшскую долину, на почвенно-мелиоративную станцию. В любую погоду — под палящим солнцем и в жестокие морозы, под проливным дождем и в пыльную бурю Любовь Петровна ездила по далеким кишлакам, изучала почву, делилась своими знаниями с колхозниками, сама училась у мастеров-хлопкоробов. Родными стали ей земли Таджикистана, душевно близкими его трудолюбивые, отзывчивые на добро люди. За ценный вклад в науку — труд «О путях повышения плодородия орошаемых почв Таджикистана» Л. П. Беляковой присуждена премия имени академика Вильямса. Эта замечательная русская женщина вырастила в Таджикистане многочисленные кадры почвоведов, которые продолжают ее благородное дело.

Таджичка Садониссо Хафизовна Хакимова — доктор медицинских наук. Она успешно окончила медицинский институт имени Авиценны в первой группе выпускников-врачей. В Москве защитила кандидатскую диссертацию, а в 1958 году получила диплом доктора медицинских наук. К 50-летию Международного женского дня она была награждена орденом Ленина.

Большая любовь к науке привела Эркиной Гулямову на исторический факультет Таджикского государственного университета и сделала ее археологом. Э. Гулямова принимала участие в археологических раскопках старинной крепости Кухна-Кала, древнего могильника в Исфаринском районе, древнейшей столицы Таджикистана — Хульбака, близ Куляба. Когда-то здесь находилась богатая область Хутталь, о которой писали китайские, арабские, таджикские историки. Коллективу ученых, в котором работала Э. Гулямова, удалось сделать важные для истории таджиков открытия.

Интересно отметить, что в каждой республике молодые историки занимаются изучением женского вопроса. В Киргизии это уже названная Жаннета Татыбекова, в Узбекистане — Худжум Шакирова, в Туркменистане — автор настоящей книги, в Таджикистане — доцент, заведующая кафедрой истории педагогического института Мухтарам Хансуварова.

Девочкой Мухтарам видела, как подруги ее матери — делегатки женотдела сжигали свои паранджи на площади Катта-Кургана в день 8 Марта. Высоко в небо поднимался удушливый столб дыма от костров, гудела площадь, волновались женщины, впервые открывшие солнцу свои пылающие лица. Эта грозная величественная картина запечатлелась в ее памяти на всю жизнь. И, может быть, не случайно избрана ею тема кандидатской диссертации: «К истории раскрепощения женщины в Таджикистане». М. Хансуварова написала ряд трудов — об участии тружениц Таджикистана в борьбе за первую пятилетку, о роли женщин в развитии экономики и культуры республики, об истории 8 Марта, о трудовом героизме работниц и колхозниц в Великой Отечественной войне.

Вот так овладевают высотами науки женщины Средней Азии. Из каждой тысячи женщин Узбекистана 10 ныне имеют высшее образование, а 206 — незаконченное высшее, среднее или неполное среднее образование.

В Киргизии на тысячу женщин приходится 11 с высшим образованием и 205 с незаконченным высшим, средним и неполным средним образованием.

В Таджикистане высшее образование имеют восемь из каждой тысячи женщин; 186 имеют незаконченное высшее, среднее и неполное среднее образование. В Туркмении на тысячу женщин приходится 10 с высшим образованием и 237 с неполным высшим, средним и неполным средним образованием¹.

Партия и правительство проявляют неустанную заботу о все большем вовлечении девушек в высшие учебные заведения, особенно из колхозов. Например, в Туркменский медицинский институт в 1960 году поступило 250 девушек-туркменок — в три раза больше, чем в 1959 году. В районных центрах были организованы курсы подготовки девушек к вступительным экзаменам. Комсомольские организации помогли привлечь на эти курсы наиболее способных девушек.

В первые годы революции в Средней Азии не было учительниц из коренного населения. В 1958 году в Узбекистане в начальных и средних школах работала

¹ См. «Женщина в СССР». Краткий статистический справочник, Госстатиздат, 1960, стр. 73.

31 тысяча учительниц, в Киргизской ССР — 11 тысяч, в Таджикской ССР — 7 тысяч, в Туркменской ССР — 5 тысяч учительниц¹.

Женское образование для национальных республик — первостепенной важности вопрос, имеющий огромное политическое и практическое значение. С решением этого вопроса тесно связан дальнейший подъем экономики и культуры республик.

Однако здесь не все обстоит благополучно. И сейчас еще случается, что некоторые родители возражают против учебы девочек, особенно девушек: зачем девочке учиться, рассуждают они, выйдет замуж, все равно будет дома сидеть.

Коммунистическая партия решительно борется с этими отсталыми настроениями.

Состоявшиеся в республиках учительские съезды забили тревогу. Об этом же взволнованно говорили участники женских съездов Туркменистана и Таджикистана, состоявшихся в 1960 году. Центральные Комитеты партий и комсомола республик серьезно занялись этим вопросом и обязали низовые организации взять на себя заботу о привлечении девочек в школы и подготовку их в специальные учебные заведения.

Возникшие недавно женсоветы при колхозах, предприятиях, районных исполкомах должны держать на учете каждую девушку-школьницу, по-матерински заботиться о том, чтобы никто не помешал ей закончить образование, чтобы ничья злая воля не смяла, не исковеркала молодую жизнь.

В Таджикистане в 1959/60 учебном году число девочек среди учащихся увеличилось на 9141, в том числе в восьмых-девятых классах — на 437 человек. Этому помогло открытие отдельных женских интернатов в Куйбышевском, Советском, Гиссарском районах и городе Кулябе, а также вовлечение девочек в общие интернаты.

Сохранению и закреплению девочек старших возрастов в школе помогла также организация групп продленного дня, советов девушек при школах и улучшение внешкольной воспитательной работы с детьми.

¹ См. «Женщина в СССР». Краткий статистический справочник, 73.

В Туркменистане организовано 686 женских советов, лучшие из них стали подлинными помощниками партии; они следят за работой школ, яслей, детских садов, столовых, добиваются улучшения их работы, заботятся о чистоте и благоустройстве населенных пунктов, вовлечении женщин в кружки художественной самодеятельности. Женсоветы разъясняют советские законы, стоят на страже прав женщины и дают отпор любым проявлениям феодально-байских пережитков.

Женсовет Бухарской прядильной фабрики имени Тельмана проводит среди женщин беседы о роли семьи в воспитании детей, о правах и обязанностях матери и т. д. Устраиваются экскурсии жен рабочих на предприятия, где работают их мужья, коллективные посещения театров, просмотр кинофильмов. Женсовет оказывает помощь многодетным матерям, устраивает воскресники по очистке и озеленению города, открывает детские площадки.

Женсовет Небит-Дага (нефтяной центр Туркменистана) поставил своей задачей расширение кругозора и повышение культурного уровня, воспитание высокой сознательности женщин. В городе создан женский лекторий. Лекции проводятся на предприятиях, в учреждениях, агитпунктах по месту жительства. Создан клуб девушек-туркменок, где они читают и обсуждают новинки художественной литературы. Здесь девушки слушают хорошую музыку, учатся танцевать, петь.

ИЗ НАРОДА

Народы Средней Азии вырастили немало талантов во всех отраслях искусств. Среди них известные всей стране и далеко за ее пределами музыканты, художники, артисты, певцы, деятели литературы. Ярким цветом расцвела здесь национальная по форме и социалистическая по содержанию культура. До революции в Туркестанском генерал-губернаторстве и тем более в Бухарском эмирате и Хивинском ханстве не было ни одного национального театра. К 40-летию Октябрьской революции в Ташкенте было семь театров, а по республике — 26. Около 40 процентов работников сцены составляли женщины. В их рядах 46 народных артисток СССР и УзССР,

117 заслуженных артисток республики, девять заслуженных деятелей искусств, три народных художника.

Изумителен талант выдающейся артистки драмы Сары Ишантураевой, неповторимо пленительны голос и сценическое искусство Халимы Насыровой, прекрасны танцы Мукаррамы Тургунбаевой и Галии Измайловой, богато и разнообразно дарование Тамары Ханум. Их

Народная артистка СССР
Сара Ишантураева

знают, любят не только в СССР. Полмира рукоплескали им во время гастролей в странах Европы и Азии.

У народной артистки Советского Союза Сары Ишантураевой было сиротское детство. Но она родилась в счастливое время, и потому ее талант раскрылся с таким блеском. Учась в Самаркандском женском интернате, Сара записалась в драмкружок и играла на сцене женского клуба. Ее послали учиться в Москву, в Узбекскую

драматическую студию, где преподавателями были виднейшие театральные деятели русской сцены.

С 1927 года С. Ишантураева начала работать в Государственном узбекском театре драмы. Женские роли в то время исполнялись еще мужчинами или актрисами-татарками. Артисток-узбечек не было. Появление их на сцене равнялось подвигу: актриса могла поплатиться за это жизнью, как заплатились актрисы Турсуной, Мехриханум и Нурхон.

С 16 лет началась сценическая деятельность Сары Ишантураевой. Она сыграла более 100 ролей, среди них такие классические, как Онахон, Любовь Яровая, Офелия, Дездемона. В 1933 году Саре Ишантураевой присвоили звание заслуженной артистки, в 1946 году — народной артистки республики, а в 1951 году — народной артистки Советского Союза. Она награждена орденом Ленина, тремя орденами Трудового Красного Знамени. Народ избрал любимую артистку в Верховный Совет республики и Верховный Совет Союза ССР.

Прекрасно и своеобразно искусство каждого народа Средней Азии, неисчерпаемы его таланты. В Туркменистане создано шесть театров, филармония, успешно развивается оперное и балетное искусство, крепнет творчество деятелей кинематографии. Еще в 1957 году в республике насчитывалось около полутора тысяч хоровых, танцевальных, театральных кружков, оркестров народных инструментов, в которых участвовало до 24 тысяч человек. Широко известно во всей стране имя народной артистки Туркменской ССР Аннакулиевой.

Театр имени Лахути в столице Таджикистана — Душанбе ставит трагедии Шекспира «Король Лир», «Отелло», «Ромео и Джульетта», драмы Шиллера, Рабиндраната Тагора, классические и современные пьесы русских, таджикских и узбекских драматургов.

Многие женщины-таджички посвятили свою жизнь искусству. Глубоко любимо народом искусство актрис Туфы Фазыловой, Софьи Туйбаевой, Лютфи Захидовой, Ханифы Мавляновой, Дильбар Касымовой, Барно Ахмедовой, Шоисты Мулладжановой и многих других.

Как и Сара Ишантураева, Туфа Фазылова с детства мечтала о театре. Она тоже сирота, воспитывалась в детском доме. Здесь началось ее музыкальное и общее образование. Позже Туфа Фазылова училась у Халимы

Насыровой, много сделавшей для совершенствования замечательного голоса актрисы. В 1939 году Туфа начала петь в театре оперы и балета города Душанбе. Ныне она народная артистка Советского Союза, награждена орденом Ленина.

Народная артистка Туркменской ССР
Аннагуль Аннакулиева

Несколько иначе сложилась жизнь Лютфи Захидовой: она росла в семье, окончила среднюю школу, мечтала стать учительницей, поступила в педагогический институт. И только здесь увлеклась пением и с другими участниками художественной самодеятельности отправилась на олимпиаду в Москву. Ей предложили остаться в составе ансамбля ВЦСПС. Неожиданно выявился ее талант танцовщицы. Теперь Лютфи — первая балерина Таджикистана, танцует в «Бахчисарайском фонтане» Марию, Лизу в «Тщетной предосторожности», Эсмеральду в одноименном балете, Одиллию и Одетту в «Лебедином

озере» и героиню в «Лейли и Меджнуне». Лютфи давно мечтала создать образ своей современницы и великолепно исполнила партию Дильбар в одноименном балете Г. Валомат-заде. В 1957 году Лютфи Захидовой присвоили высокое звание народной артистки СССР. Она — депутат Верховного Совета Таджикской ССР.

Народная артистка СССР
Б. Бейшеналиева

Замечательно искусство двух народных артисток Советского Союза дочерей киргизского народа Сайры Киизбаевой и Бибисары Бейшеналиевой.

Сайра Киизбаева является основателем Киргизского ордена Ленина академического театра оперы и балета. За заслуги в развитии театрального искусства Сайре Киизбаевой присвоено звание народной артистки Киргизской ССР и народной артистки Советского Союза. Сайра Киизбаева много раз избиралась депутатом Вер-

ховного Совета республики и ведет большую, разностороннюю общественную работу.

Не менее популярно искусство и Бибисары Бейшеналиевой, первоклассной киргизской балерины. Она замечательно исполняет роли Айдай в балете «Чолпон», Анар в одноименном балете, Одетту и Одиллию в «Лебедином озере», Аврору в балете «Спящая красавица», Эсмеральду в балете «Эсмеральда», Тао Хоа в балете «Красный мак» и другие. С огромным успехом она выступала в 1953 году на Всемирном фестивале молодежи в Бухаресте, в 1956 — в Китайской Народной Республике и в 1960 году — в Каире на кинофестивале стран Азии и Африки.

Народы Средней Азии имеют богатую родную литературу, плеяду своих писателей и художников, развитую периодическую печать на родном и русском языках.

В 1913 году в Киргизии, Таджикистане и Туркмении вовсе не издавалось книг на родном языке, в Казахстане было издано всего две книги, а в Узбекистане — 33 книги.

Теперь только в Киргизии издано более 5 миллионов книг лишь художественной литературы.

Рудаки, Фирдоуси, Омар Хайям и другие классики наконец заговорили со страниц книг со своим народом. К казахам пришел в дом их Кунанбаев, к туркменам — Махтумкули и Молланепес...

В республиках есть полиграфические предприятия, где работают свои квалифицированные, грамотные рабочие.

В литьевом цехе Нукусского полиграфического комбината работает Арухан Халмурадова — лучшая литьевщица в республике. Она быстро, грамотно, красиво набирает статьи для газеты «Совет Каракалпакстаны» и книги на русском, узбекском, каракалпакском, украинском языках. Как-то Арухан написала в женский узбекский журнал маленькую заметку о себе:

«Я работаю в столице Кара-Калпакии. Набираю статьи и книги, которые печатаются на моем родном языке... В моей жизни нет ничего необычного: так же, как я, живут и работают на десятках других предприятий республики сотни женщин-каракалпачек. Но я хочу, чтобы именно об этом рассказал своим читательницам наш женский журнал.

Уже одно название моей профессии должно заставить людей подумать о многом. Линотипистка из Кара-Калпакии! Ведь до революции наш народ не имел даже своей письменности».

Во всех союзных республиках Средней Азии издаются женские журналы. Здесь есть свои поэтессы и писательницы. В Узбекистане — Зульфия, в Туркмении — Тоушан Эсенова. Вышел сборник ее стихов на туркменском языке, а на русском — небольшой сборник «Женщинам Востока» и «Легенда о Ленине и о дочери чабана», которую мы цитировали в начале книги. Вышел скромный томик избранных стихов таджикской поэтессы Розии Озод.

В период острой борьбы за раскрепощение женщины Востока драматурги и писатели национальных республик создали ряд пьес, посвященных этой теме. Самая популярная из них — драма Хамзы Хакимзаде Ниязи «Бай и батрак».

А сила воздействия пьесы азербайджанского драматурга Дж. Джабарлы «Севиль» была так велика, что многие женщины тут же, в театре, сбрасывали паранджу. Сотни девочек носят имя героини драмы Джабарлы.

Таджикский писатель старшего поколения Устад Садреддин Айни увековечил образ борющейся женщины в произведении «Рабы».

Современницам посвящают свои пьесы и многие другие драматурги республик Советского Востока. В них они показывают свободных, счастливых тружениц, вскрывают еще бытующие отсталые взгляды на женщину. Горячего накала строки пишет о женщине замечательный поэт Таджикистана, выдающийся деятель и борец за мир Мирзо Турсун-заде.

Вот несколько строк из его произведения «Дорогая моя»¹:

...Там, где дети, там плач, но легко ты поймешь,
Этот плач на другой не похож, не похож:
На соленую влагу тоски и беды,
Не похожи потоки весенней воды?
Разве может, скажи мне, ребенок страдать
Там, где счастлива женщина, счастлива мать?
Где бывают на это даны ей права —
Что она и основа семьи и глава?
Мы трудов ее видим плоды хорошо.

¹ «Спасибо партии», 1960, стр. 20—21.

Хорошо, что мы ею горды? Хорошо!
Хорошо, что сады пламенеют вокруг,
Это золото женских заботливых рук.
Там, где славится мать, где в почете жена,—
В той стране высока человеку цена.
Чем привольнее детям расти, расцветать,
Тем счастливее мать, тем красивее мать!
Помоги мне, мы вместе трудиться должны,
Чтоб не видели дети обличья войны...
Чтоб узнали они нашей истины свет —
Человеческой правды единственный свет,
Чтобы им подчинился, их мыслью согрет,
И таинственный свет неизвестных планет...

О передовой женщине-узбечке рассказывает государственный деятель и писатель Узбекистана Рашидов в своем новом произведении «Птичка-невеличка».

Большой роман «Сестры» о первых коммунистках, о пробуждении широких женских масс написал Аскад Мухтар.

Так же далеко, как и в развитии образования, культуры, шагнули женщины Средней Азии в области медицины и медицинского обслуживания населения.

В 1914 году на территории современного Узбекистана на здравоохранение расходовалось в среднем на человека 14 копеек, а один врач обслуживал 50 тысяч человек. Теперь число врачей здесь увеличилось в 102 раза, а средних медицинских работников — в 150 раз.

В Узбекистане до революции было всего 62 койки для рожениц, а в 1958 году — 6459, или в 104 раза больше.

Член делегации Туниса Слиман-бен-Слиман, посетивший Ташкентский текстильный комбинат, записал в книге посетителей:

«В поликлинике и больнице Ташкентского текстильного комбината 150 врачей, то есть столько же, сколько имеется мусульманских врачей-тунисцев во всем Тунисе!»¹

В Туркменистане на каждые 10 тысяч населения приходится больше врачей, чем в таких передовых капиталистических странах, как США, Англия, Франция.

Здесь забыто само слово «таиб», а люди с такой «специальностью» давно занялись полезным трудом.

На благородном поприще здравоохранения трудится

¹ «Дружба народов» № 11, 1957 г., стр. 170.

много женщин-врачей — узбечек, туркменок, таджичек, киргизок.

В 1958 году в Узбекистане работало 6700 врачей-женщин, или 68 процентов всех врачей республики, в Киргизии — 1700 (63 процента), в Таджикистане — 1400 (67 процентов), в Туркменской ССР — 1600 женщин-вра-

На охране здоровья

чей (60 процентов всех врачей республики) ¹. По количеству врачей на 100 тысяч населения Таджикистан догнал такую страну, как Англия, оставив далеко позади Турцию, Иран, Пакистан.

В нашей Советской стране государство проявляет постоянную заботу об охране материнства и детства. Здоровье матери и ребенка оберегают женские и детские консультации, широко распространен патронаж на дому. Женщина-мать еще до родов поступает под опеку медицинской консультации, где специалисты — врачи и сестры следят за ее здоровьем. Патронажная сестра посещает молодую мать на дому и помогает ей в уходе за ребенком. Благодаря этому почти полностью ликвидирована смертность женщин от родов и смертность новорожденных.

¹ См. «Женщина в СССР». Краткий статистический справочник, стр. 62.

До революции в Туркестане никто не слышал о таких детских учреждениях, как ясли и детские сады. Ростками коммунизма назвал их В. И. Ленин, говоря, что они призваны по-коммунистически воспитывать новые поколения, освободить женщину от домашней кабалы, помочь ей стать активным строителем коммунизма.

В 1958 году во всех четырех союзных республиках Средней Азии 97 тысяч детей воспитывались в постоянных детских яслях, а в 1435 детских садах было 143 500 ребятшек. Кроме того, ясли открываются в период полевых работ в колхозах и совхозах, а в городах летом работают детские площадки. В 1958 году сезонные ясли обслужили по СССР 3 миллиона детей, а детские площадки только по республикам Средней Азии — 172 500 школьников.

Колхоз «Москва» одним из первых в Марыйской области Туркмении открыл постоянный детский сад. Для него колхоз построил специальный дом по типовому проекту Министерства здравоохранения. Вокруг дома разбит сад с горками и грибками. Детский сад богато оборудован, у детей много игрушек, есть пианино. Правление в изобилии доставляет детям продукты, фрукты, овощи. Хорошо поставлена воспитательная работа — детей учат музыке, пению, рисованию, лепке. Хорошие в этом колхозе и другие детские учреждения.

Однако забота государства о детях этим не ограничивается. Существуют детские санатории для слабых и больных, в которых в 1958 году по республикам Средней Азии имелось 9100 коек. Каждое лето открываются оздоровительные площадки и лагеря для школьников. В 1958 году в Средней Азии отдыхали в лагерях 97 200 детей.

Многодетные матери, как и всюду в СССР, получают здесь большую помощь. Многие женщины советских республик Средней Азии носят почетное звание «Мать-героиня», награждены медалью «Материнская слава».

Могла ли в прошлом женщина Востока мечтать, что ее труд по воспитанию детей будет возвеличен и приравнен к высшим проявлениям героизма и мужества, будет считаться заслугой перед государством?

В огромной степени повысилась продолжительность жизни женщин в СССР. Центральное статистическое уп-

равление подсчитало, что в 1896—1897 годах (по 50 губерниям Европейской России) средняя продолжительность жизни женщин составляла 33 года, в 1926—1927 годах, также по Европейской части СССР,— 47 лет, а в 1957—1958 годах по всей территории Советского Союза — 71 год, то есть превысила более чем в два раза продолжительность жизни женщин дореволюционной России.

Свободные дочери свободной страны

Это яркое выражение роста благосостояния советского народа — прямой результат глубокой заботы партии и правительства об охране здоровья женщины-матери.

В Советском Союзе тысячи людей, в том числе женщин, живут более ста лет. Чаще всего их можно встретить среди горцев Кавказа и Средней Азии. Замечательный пример долголетия и счастливой старости представляет собой престарелая колхозница из Гиссарского района Таджикистана почтенная Кизон Салимова. Кизон 113 лет. Тяжелой, безрадостной была жизнь Кизон в молодости. С детства много нужды видела, долгие-долгие годы гнула спину на байском поле, часто не имела

и куска сухой лепешки. Муж надорвался на чужой работе. И только в колхозе свет увидела. В ее семье 67 человек. В кишлаке ее дети и внуки заселили целую улицу.

В колхозе, куда ни толкнешь, везде встретишь Салимовых. Дочь Шамсия — мать-героиня, у нее 10 детей. Она не видела ни паранджи, ни голода, все ее дети учатся. Двенадцатилетний Барот хочет летать, семиклассник Ортык растит птиц на ферме. Но больше всех радует старое сердце Кизон правнучка Инболай. И говорить-то научилась недавно, а хочет стать доктором, старую прабабушку собираются лечить. Прекрасна старость бабушки Кизон, она окружена всеобщей заботой, уважением, почетом. Так же прекрасна жизнь женщин всех Советских республик Средней Азии, всей нашей великой страны.

В Советском Союзе впервые в истории человечества осуществлено подлинное равноправие женщин Востока. Путь к этому равноправию был дотоле непроторенным и неизведанным. Поэтому Коммунистической партии при решении проблемы раскрепощения женщин восточных национальностей пришлось испытывать различные формы и методы работы среди женщин.

Проведена поистине титаническая работа, и она увенчалась блистательным успехом. В результате индустриализации страны, коллективизации сельского хозяйства и осуществления культурной революции узбечки, таджички, казашки, туркменки, киргизки, каракалпачки, а также женщины других национальностей Советского Востока стали полноправными членами нашего общества.

Однако это, безусловно, не означает, что до конца искоренены все феодально-байские пережитки в отношении к женщине. Рабство женщины Средней Азии насаждалось и утверждалось в течение многих столетий. Вот почему так трудно было с ним бороться, вот почему и до сих пор нет-нет да и дают о себе знать пережитки этих отношений в сознании людей. На некоторых промышленных предприятиях все еще мало работниц выдвинуто на

руководящую работу, не всегда ведется борьба за улучшение условий труда женщин.

К сожалению, еще мало женщин работают председателями, заместителями председателей колхозов, бригадирами, заведующими животноводческими фермами. Передовая советская техника облегчила труд женщин-колхозниц. Но не везде охотно используют эту технику.

Особенно цепкими являются религиозные пережитки. Одной из причин сохранения их служит деятельность мусульманского духовенства, которое пытается сохранить свое влияние среди отсталой части населения.

В республиках Средней Азии все еще есть отсев девушек из старших классов общеобразовательных школ. Некоторые родители, находясь в плену старых обычаев, отрывают девушек от учебы, преждевременно выдавая их замуж. Плохо, что эти факты не всегда получают достойный отпор.

В настоящее время, когда Коммунистическая партия возглавила всенародную борьбу за осуществление величественной программы строительства коммунизма, задачи дальнейшего повышения производственной, политической и общественной активности женщин выдвигаются на передовую линию борьбы за выполнение решений исторического XXII съезда партии.

ЦК КПСС в историческом постановлении от 9 января 1960 года «О задачах партийной пропаганды в современных условиях» предельно ясно указал на задачи воспитательной работы среди женщин: «Пропагандистскую работу среди женщин подчинить повышению их идейных запросов и интересов, привлечению женщин, особенно домохозяек, к активной общественно-политической жизни, борьбе против религиозных предрассудков, а также пережитков мещанства. Идейное воспитание должно занимать видное место и находить свое выражение во всех формах устной и печатной пропаганды. Следует чаще и на более высоком уровне проводить лекции, беседы и другие мероприятия для женщин с учетом их профессиональной деятельности и рода занятий. Необходимо вести беспощадную борьбу с проявлениями феодально-байского отношения к женщине».

Коммунистические партии Узбекистана, Таджики-

стана, Туркменистана и Киргизии, как неразрывные части и боевые отряды КПСС, имеют замечательные революционные традиции в борьбе за преодоление феодально-байских пережитков в отношении к женщине, в борьбе за дальнейшее повышение производственной и общественной активности трудящихся женщин республик Средней Азии.

Постоянная забота Коммунистической партии и Советского правительства о женщине-труженице, женщине-матери вдохновляет работниц, колхозниц и деятельниц культурного фронта на новые трудовые подвиги. Их вдохновенный труд высоко оценивается Коммунистической партией и Советским правительством. За великие ратные подвиги 76 женщин нашей страны удостоены звания Героя Советского Союза, 2874 присвоено звание Героя Социалистического Труда, из них 24 награждены второй золотой медалью «Серп и Молот»¹.

Советские женщины — наиболее активный отряд в рядах борцов мощного международного женского движения за мир и дружбу между народами.

Женщин и матерей всех стран объединяют великие идеалы борьбы за мир, стремление обеспечить прочный мир во всем мире, идеи защиты прав женщин от дискриминации империализмом, борьбы за счастье детей, за национальную независимость. Эти общие желания объединяют женщин всех стран мира, независимо от их национальной и расовой принадлежности, вероисповедания, различия социальных систем, общественного строя государства.

Автору этих строк посчастливилось принять участие в работе семинара женщин Африканского континента, проведенного ООН в столице Эфиопии — Аддис-Абебе с 12 по 23 декабря 1960 года, в работе конференции женщин Азии и Африки, состоявшейся в Каире с 14 по 19 января 1961 года, и III национального конгресса женщин Вьетнама — в Ханое в марте 1961 года. Это были незабываемые, волнующие встречи. Надо было видеть, с каким жаром выступали женщины стран, недавно освободившихся от колониальной зависимости!

Мы, члены советской делегации, никогда не забудем сердечности наших сестер этих двух великих континен-

¹ См. «Известия», 7 марта 1961 г.

тов, их глубокого интереса к нам, к нашему опыту борьбы за раскрепощение женщины Востока.

С исключительным вниманием слушали делегаты Каирской конференции женщин Азии и Африки послание Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева.

Советская делегация (в первом ряду)
на Каирской конференции.
Вторая слева — автор книги Б. Пальванова (Ред.)

«Женщины стран Азии и Африки! — писал глава Советского правительства. — Вы, кто так много страдал от ужасов колониального режима, не можете допустить, чтобы решение ООН о полной ликвидации колониализма осталось только бумагой. Оно должно быть претворено в жизнь, несмотря на неизбежное сопротивление колонизаторов. Это откроет более широкую дорогу в вашей справедливой борьбе за права и счастье женщин.

От всей души желаю участницам конференции и всем женщинам стран Азии и Африки новых больших успехов

в их борьбе за свободу и независимость народов, за жизненные права и интересы женщин, за мир и процветание на земле».

Все прогрессивное человечество с восхищением смотрит на большие завоевания Советского правительства в осуществлении подлинного равноправия женщин, активное участие их во всех областях государственной, хозяйственной, культурной и общественной жизни, создание многочисленных женских медицинских и детских учреждений.

Об этом опыте говорят выдающиеся государственные и общественные деятели зарубежного Востока.

«...Почему Советское правительство сумело добиться столь быстрых успехов во всех областях в районах Восточной России, которая прежде была такой отсталой? — пишет президент Индонезии Сукарно. — Почему оно добилось успехов в области просвещения, сельского хозяйства, административного управления, в военной области и даже в *техническом отношении*, в индустриализации этих районов? Не иначе, как потому, что Советское правительство вовремя поняло, что женщины Восточной России, как бы консервативны и как бы ограничены они прежде ни были, необходимо немедленно обучать, развивать и повышать их самосознание, активно включать в борьбу и строительство! Восточная Россия не могла бы добиться таких успехов, если бы мужчины одни взялись за дело, или, точнее, если бы женщины не приняли активного участия в жизни страны и не отдали бы этому делу все свои душевные и физические силы; таковы факты, свидетельствующие о том, что Советское правительство своевременно и правильно поняло свою задачу. Следует отметить, что Советское правительство *прежде всего* повысило сознательность женщин, открыло им глаза, уничтожило их оковы, «революционизировало их»¹.

На заре XX века впервые в истории человечества основатель и вождь Коммунистической партии и Советского государства Владимир Ильич Ленин возвестил миру, что раскрепощение народов Востока, в том числе и женщин Востока, является вполне практически осуществимым делом. На примере республик Советского

¹ Сукарно, Сарина, ИЛ, М., 1958, стр. 250—251.

Востока ярко подтвердилось и это величайшее пророческое предвидение гениального Ленина.

Советский Союз превратился в единую, монолитную семью братских народов. В едином ряду, в ногу со всеми идут к своему светлому будущему — коммунизму и дочери Советского Востока.

СОДЕРЖАНИЕ

ЕСТЬ ТАКАЯ СТРАНА НА ЗЕМЛЕ...	7
ТРИЖДЫ РАБЫНЯ	16
Лихие годы	—
От рождения до могилы	19
По «земным» законам	28
В кандалах капитализма	29
ПАДАЮТ НЕНАВИСТНЫЕ ОКОВЫ	34
По пути, указанному партией	—
Первые шаги	41
Слово вождя	50
Приоткрылись двери пикари	52
Первые успехи	58
Женские клубы и юрты	66
ТАМ, ГДЕ НЕТ РАБОВ, НЕ МОЖЕТ БЫТЬ И РАБЫНЬ	76
На штурм старого быта	—
Конец «ника-су»	90
«Худжум»	96
ХОЗЯЕВА СВОЕЙ СУДЬБЫ, СВОЕЙ СТРАНЫ	111
Самый верный, самый надежный	—
На колхозных полях	118
Вместе со всем народом	126
За коммунистический труд	132
На государственном посту	142
К ВЕРШИНАМ НАУКИ И КУЛЬТУРЫ	152
Там, где царил безграмотность	—
Из народа	157

Пальванова Биби Пальвановна

ДОЧЕРИ СОВЕТСКОГО ВОСТОКА. М., Госполитиздат, 1961.
176 с. с илл.

32С

Редактор *Н. Гудкова*

Художник *В. Талашенко*

Художественный редактор *Н. Симагин*

Технический редактор *А. Данилина*

Ответственные корректоры *О. Иванова, Т. Ястребова*

Сдано в набор 15 июня 1961 г. Подписано в печать 25 октября—16 ноября
1961 г. Формат 84 × 108¹/₂. Физ. печ. л. 5¹/₂. Условн. печ. л. 9,02.

Учетно-изд. л. 8,83. Тираж 27 тыс. экз. А 06387.

Заказ № 2667. Цена 20 коп.

Госполитиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Типография «Красный пролетарий» Госполитиздата
Министерства культуры СССР. Москва, Краснопролетарская, 16

Государственное издательство политической литературы готовит к выпуску книгу «Участницы великого со-
зидания» — сборник воспоминаний женщины, работавших
на партийных и советских постах, принимавших участие
в строительстве гигантов индустрии, в проведении кол-
лективизации сельского хозяйства, в борьбе за новый
быт, за культуру во всех районах нашей необъятной
Родины.

Написана книга живо, ярко отражает дух героиче-
ской эпохи строительства социализма.

Предварительные заказы на книгу «Участницы вели-
кого созидания» направляйте в магазины местных книго-
торгов и потребительской кооперации

20 коп.

ГОСПОЛИТИЗДАТ · 1961